ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

46
2026
ЧАСТЬ XI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Андрей Александрович Чернов* (1966–2017) — советский и российский программист, автор кодировки KOI8-R, один из создателей Рунета и первый российский участник административного совета проекта FreeBSD.

Андрей Чернов родился в Москве. Его детство и юность пришлись на эпоху, когда доступ к западным компьютерным технологиям в СССР был ограничен, а отечественная вычислительная техника развивалась в значительной мере путем адаптации зарубежных разработок.

После окончания средней школы Чернов поступил на факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета. Уже будучи студентом третьего курса, в 1987 году он принял участие в семинаре по разработке операционных систем Unix, которым руководил профессор В. Г. Сухомлин. Практика проходила на операционной системе ДЕМОС — советском клоне Unix V7, адаптированном для отечественной техники. В 1990 году Чернов окончил университет, защитив диплом с отличной оценкой; его работа была посвящена развитию операционных систем класса Unix.

Еще в 1980-е годы, совмещая учебу с работой, Чернов вошел в коллектив разработчиков советских операционных систем МНОС и ДЕМОС на кафедре прикладной кибернетики Института повышения квалификации Минавтопрома. В его задачи входила реализация механизма оверлеев для управления памятью, русификация системы и отладка ядра и утилит. В 1988 году на Всесоюзной конференции по переносимому программному обеспечению в Калинине (нынешней Твери) он представил собственный многооконный текстовый редактор LE. В 1990 году Чернов участвовал в первой Всесоюзной конференции пользователей Unix.

В начале 1990-х годов он присоединился к команде разработки сети Релком, соединившей советские научные организации с глобальной сетью, а затем работал в компании «Демос» — первом российском интернет-провайдере. Чернов непосредственно участвовал в запуске и наладке первого интернет-канала между Россией и западными странами. В сетевых проектах он использовал никнейм ache.

Главным техническим достижением Чернова стала кодировка KOI8-R — 8-битная таблица символов, обеспечивающая поддержку русского алфавита при сохранении совместимости с ASCII в младшей части кодовой таблицы. В июле 1993 года она была зарегистрирована в Инженерном совете Интернета (IETF). На протяжении 1990-х годов KOI8-R фактически стал стандартом для обмена кириллической информацией в Unix-системах, электронной почте, группах новостей и ранней русскоязычной сети.

В 1991–2001 годах Чернов разрабатывал и поддерживал почтовую программу UUPC/@, позволившую подключить к сети Релком большое число пользователей со слабыми ПК под управлением MS-DOS и OS/2. В 1994 году написал перекодировщик TODOS для преобразования текстов из кодировки CP866 в KOI8-R. В 1993–2000 годах Чернов входил в административный совет, определявший развитие операционной системы FreeBSD, и был первым российским участником этого совета. Его вклад в проект охватывал драйверы устройств, соответствие стандарту POSIX, безопасность и русификацию.

Никнейм ache Чернов использовал во всех сетевых проектах; под этим псевдонимом он был известен и в контркультурной среде 1990-х годов.

Помимо программирования, он занимался литературным переводом с английского: в 2005–2016 годах публиковал переводы на личном сайте Vniz.net и в печатных изданиях («Колонна», «Митин журнал»).

В 2002 году служба гражданства и иммиграции США запретила Чернову въезд в страну, из-за чего он не смог посещать американские конференции разработчиков FreeBSD; к началу 2000-х он свел участие в совете проекта к минимуму, называя его «слишком забюрократизированной структурой».

Личный сайт Vniz.net Чернов использовал как цифровой архив редких материалов: графики художников рубежа XIX–XX веков (Н. Калмаков, Л. Уэйн, Ф. фон Байрос), аниме и оккультных текстов. В декабре 2018 года, через год после смерти Андрея Александровича, домен прекратил работу, так как пароль от сервера был известен только самому Чернову; архив был восстановлен энтузиастами по материалам Wayback Machine на зеркале zachem.ne.jp.

В последние годы Чернов тяжело болел: выраженный остеопороз осложнился переломом ноги и практически лишил его возможности покидать дом. Андрей Александрович Чернов скончался 16 августа 2017 года в Москве на 51-м году жизни; церемония прощания прошла в подмосковном Николо-Архангельском крематории.

Память об Андрее Александровиче Чернове сохраняется в самой инфраструктуре Рунета и открытого программного обеспечения: сообщество FreeBSD увековечило его имя в разделе In Memoriam, отметив влияние, затронувшее практически все аспекты проекта. Коллеги называли его одним из отцов-основателей Рунета — человеком, благодаря которому русская кириллица впервые свободно зазвучала в глобальной сети.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Хеладзе П. В.
Проблемы доказывания ненадлежащего качества медицинских услуг: роль судебно-медицинской экспертизы 727

Хеладзе П. В.
Особенности защиты прав потребителей при оказании стоматологических услуг 730

Хутежева А. А.
Вина как обязательный элемент субъективной стороны состава административного правонарушения 731

Цуркан А. В.
Антикоррупционное образование и правовая культура как основа формирования антикоррупционного правосознания личности 733

Цуркан А. В.
Антикоррупционное правосознание государственных служащих и правоприменителей: профессиональный и государственный уровни 735

Чиркин Д. П.
Проблемы и перспективы совершенствования законодательства в сфере прокурорского надзора за законностью при возбуждении уголовных дел 737

Шадрова Е. С.
Итоги реформы третейского разбирательства в Российской Федерации 739

Шадрова Е. С.
Пределы осуществления функций содействия государственных судов Российской Федерации третейскому суду 743

Шама М. С., Окорочков М. С.
Обеспечение жильем детей-сирот: проблемы реализации статьи 8 Федерального закона № 159-ФЗ в регионах 749

Шашлов Е. А.
Особенности и сущность правовых основ банковского законодательства 752

Швец М. А.
Правовые вопросы цифрового взаимодействия граждан с органами государственной власти 755

Шевцов К.
Принцип добросовестности в цивилистическом процессе: понятие, содержание и соотношение с иными принципами 757

Шилкин Д. В.
Соотношение административной и уголовной ответственности: проблемы квалификации правонарушений 761

Щелконогов В. Н.
Основания и виды прекращения трудовых отношений 762

Щелконогов В. Н.
Увольнение по инициативе работодателя: практика Свердловского областного суда и актуальные проблемы правоприменения 765

Щелконогов В. Н.
Увольнение по инициативе работника и по соглашению сторон: гарантии, риски и судебная практика 768

ПОЛИТОЛОГИЯ

Банникова Д. А.
Энергетика в отношениях России и ЕС: от взаимозависимости к селективной конфронтации 772

Николаева В. М.
Языковые проекты как инструмент «мягкой силы» в образовательном сотрудничестве Республики Татарстан и Московской области с Китайской Народной Республикой 777

СОЦИОЛОГИЯ

Тиньков В. Н.
Трудовые мигранты в России: ресурс для экономики или источник социальной напряжённости? 781

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Арефьев М. П.
Влияние физической активности на соматическое и психологическое здоровье студентов 784

Громов А. Ф.
Влияние геймифицированных мобильных приложений на внутреннюю мотивацию студентов к занятиям физической культурой 786

Посканная А. И.
Феномен прокрастинации в физической культуре: психологические барьеры и стратегии поведенческой активации у молодежи 788

Тимофеева М. М.
Влияние длительной работы за компьютером на опорно-двигательный аппарат студентов и средства профилактики его нарушений 790

Ушаков А. А., Зенина М. А.
Гиподинамия у студентов направления «Информационные системы и технологии» и способы её компенсации 793

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Никитина Л. В.
От повседневной пищи к культурному наследию: эгома в локальной памяти Тояма 796

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы доказывания ненадлежащего качества медицинских услуг: роль судебно-медицинской экспертизы

Хеладзе Полина Владимировна, студент магистратуры
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

В статье автор исследует проблемы доказывания ненадлежащего качества медицинских услуг и роль судебно-медицинской экспертизы в установлении юридически значимых обстоятельств. На основе анализа законодательства об охране здоровья, процессуальных кодексов и практики рассмотрения медицинских споров проанализированы критерии надлежащего качества медицинской помощи и виды ее дефектов. Выявлено, что основные трудности доказывания связаны с разграничением врачебной ошибки, дефекта и несчастного случая, установлением причинно-следственной связи и оценкой экспертного заключения. Представлена систематизация процессуальных и организационных проблем судебно-медицинской экспертизы по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи. Особое внимание уделяется методическим принципам назначения и оценки экспертизы, а также формам взаимодействия суда, экспертов и участников процесса.

Ключевые слова: *ненадлежащее качество медицинской услуги, дефект медицинской помощи, врачебная ошибка, судебно-медицинская экспертиза, качество медицинской помощи, причинно-следственная связь, бремя доказывания, медицинское право, защита прав пациентов, экспертное заключение.*

Современная судебная практика по спорам о ненадлежащем оказании медицинской помощи отличается ростом числа обращений граждан за защитой нарушенных прав. Пациенты нередко требуют не только возмещения материального ущерба, но и компенсации морального вреда, ссылаясь на дефекты диагностики, лечения, порядка медицинской помощи или ведения медицинской документации.

Однако рассмотрение таких дел объективно осложняется тем, что медицинская услуга обладает выраженной спецификой: она неразрывно связана с личностью исполнителя, состоянием пациента, вероятностным характером клинических процессов и невозможностью гарантировать абсолютно благоприятный исход даже при соблюдении всех современных стандартов. В связи с этим основной проблемой становится доказывание самого факта ненадлежащего качества медицинской услуги, а также причинной связи между действиями медицинского работника и наступившим вредом.

Правовую основу оценки качества медицинской помощи составляют Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей», Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее — ГПК РФ), Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ), а также подзаконные акты, в частности критерии оценки качества медицинской помощи, утвержденные приказом Минздрава России от 10.05.2017 № 203н [1; 2; 3; 4; 8]. Согласно ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ качество медицинской помощи определяется как совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, степень достижения запланированного результата. Таким образом, законодатель определяет не только медицинские, но и юридические параметры оценки: своевременность, правильность, безопасность, эффективность и доступность.

Вместе с тем нормативные требования к качеству не исключают оценочных категорий. Понятия «ненадлежащее качество», «дефект медицинской помощи», «врачебная ошибка» не имеют единого легального определения, что порождает серьезные трудности в правоприменении. В медицинской литературе и судебной практике под дефектом медицинской помощи обычно понимают несоответствие действий медицинского работника профессиональным стандартам, клиническим рекомендациям, порядкам оказания медицинской помощи или общепринятой тактике, приведшее или способное привести к неблагоприятному исходу [10, с. 48]. Врачебная ошибка нередко рассматривается как добросовестное заблуждение медицинского работника, не связанное с небрежностью

или халатностью, тогда как несчастный случай — это неблагоприятный исход, обусловленный случайным стечением обстоятельств, индивидуальными особенностями организма или непредвиденной реакцией на вмешательство. Разграничение этих категорий существенно, поскольку от него зависит не только гражданско-правовая, но и уголовная ответственность.

В гражданском процессе, в свою очередь, бремя доказывания распределяется с учетом ст. 56 ГПК РФ и разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [3; 6]. Истец-пациент должен доказать факт причинения вреда, его размер, а также наличие недостатка услуги и причинной связи. Тем не менее на деле пациент лишен возможности самостоятельно определить, был ли допущен дефект, соответствовала ли тактика лечения стандартам и могло ли иное поведение врача предотвратить вред.

Медицинская документация находится у медицинского учреждения, специальные познания отсутствуют, а экспертные возможности ограничены. Ответчик, в свою очередь, ссылается на трудность клинического случая, сопутствующие заболевания, позднее обращение пациента, индивидуальную непереносимость препаратов и иные обстоятельства. В результате спор превращается в состязание экспертных заключений, а не в обычное гражданское дело.

Поэтому судебно-медицинская экспертиза приобретает роль основного средства доказывания. В соответствии с Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» экспертиза назначается судом при необходимости использования специальных познаний в области медицины, а заключение эксперта оценивается наряду с другими доказательствами [5]. По делам о ненадлежащем качестве медицинских услуг нередко назначается комиссионная судебно-медицинская экспертиза с участием клиницистов соответствующих специальностей: хирургов, акушеров-гинекологов, анестезиологов-реаниматологов, неврологов, онкологов, педиатров и других. Порядок производства таких экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях урегулирован приказом Минздравсоцразвития России от 12.05.2010 № 346н [9].

Предмет судебно-медицинской экспертизы по рассматриваемой категории дел включает определение следующих обстоятельств: имел ли место дефект оказания медицинской помощи; на каком этапе он допущен — диагностическом, лечебном, тактическом, управленческом, деонтологическом или документальном; соответствовали ли действия медицинских работников порядкам оказания медицинской помощи, клиническим рекомендациям, стандартам и обычной клинической практике; своевременно ли проведены диагностические исследования; правильно ли выбрана тактика лечения; имелась ли возможность предотвратить неблагоприятный исход; состоит ли дефект в непосредственной или косвенной причинной связи с наступившим вредом; какова степень тяжести вреда здоровью; не является ли осложнение закономерным проявлением самого заболевания или индивидуальной реакции организма [11, с. 126; 14, с. 89]. Эксперт не вправе решать вопросы права — о виновности, противоправности, квалификации деяния, — однако его выводы о медицинских фактах становятся основой для последующих правовых выводов суда.

Практика свидетельствует, что судебно-медицинская экспертиза сталкивается с целым набором проблем. Во-первых, это проблема объективности и независимости экспертов. Если экспертиза проводится в учреждении, подведомственном тому же органу управления здравоохранением, что и медицинское учреждение-ответчик, возникает риск ведомственной солидарности или корпоративной заинтересованности.

Во-вторых, сохраняется дефицит единых методик экспертной оценки качества медицинской помощи. В отличие от судебно-медицинского исследования трупа или определения тяжести вреда здоровью, экспертиза качества медицинской помощи требует клинического анализа всей совокупности данных, а не только морфологического или лабораторного подтверждения.

В-третьих, медицинская документация нередко ведется с пробелами, противоречиво или с исправлениями, что затрудняет ретроспективную оценку.

В-четвертых, причинная связь в медицине нередко носит вероятностный и многофакторный характер: на исход влияют возраст, сопутствующие заболевания, генетические особенности, время обращения, поведение пациента, качество предыдущего лечения. Эксперту приходится отвечать на вопрос, который не всегда имеет однозначный ответ: привел ли бы надлежащий ход лечения к иному исходу [18, с. 6].

Отдельную проблему составляет разграничение дефекта и врачебной ошибки. С юридической точки зрения учитываются не только наступившие последствия, но и отношение медицинского работника к своим действиям, а также объективные возможности правильного выбора в конкретной ситуации. Эксперт может определить, что тактика не соответствовала современным рекомендациям, но вопрос о том, было ли это следствием небрежности, недостаточной квалификации или добросовестного заблуждения, нередко выходит за пределы его компетенции. Суд должен оценить это самостоятельно, однако без ясных критериев такая оценка нередко оказывается произвольной.

Дополнительные трудности возникают при оценке так называемых «ятрогений» — осложнений, вызванных самим медицинским вмешательством. Не всякое ятрогенное осложнение является дефектом: некоторые вмешательства объективно связаны с риском, и наступление неблагоприятного исхода не всегда свидетельствует о ненадлежащем качестве.

Существенна и процессуальная оценка заключения судебно-медицинской экспертизы. Согласно ст. 67 ГПК

РФ и ст. 88 УПК РФ заключение эксперта не имеет заранее определенной силы и оценивается вместе с другими доказательствами. Суд обязан проверить соблюдение процессуального порядка назначения экспертизы, компетентность экспертов, достаточность ответов на поставленные вопросы, научную обоснованность выводов, отсутствие противоречий. Если заключение вызывает сомнения, может быть назначена дополнительная или повторная экспертиза, вызван эксперт в суд для дачи пояснений. Однако на практике повторные экспертизы нередко приводят к противоположным выводам, что затягивает процесс и снижает доверие к правосудию. Поэтому на первое место выходят качество первичной экспертизы, правильная постановка вопросов и подбор экспертного учреждения.

По мнению исследователей, совершенствование института судебно-медицинской экспертизы по делам о ненадлежащем качестве медицинских услуг должно идти по нескольким направлениям. Необходимо разработать единые методические рекомендации по экспертной оценке качества медицинской помощи, основанные на доказательной медицине, клинических рекомендациях и критериях оценки качества. Целесообразно расширять сеть независимых экспертных учреждений, не связанных ведомственной подчиненностью с медицинскими учреждениями, а также внедрять аккредитацию и сертификацию экспертов. Существенным является и повышение квалификации судебно-медицинских экспертов в области клинических дисциплин, а клиницистов — в области экспертной методологии. Кроме того, необходимо развивать электронный документооборот, обеспечивающий достаточность и неизменность медицинской документации, а также использовать чек-листы и аудит качества непосредственно в медицинских учреждениях [12, с. 214; 15, с. 77; 19, с. 143].

Таким образом, доказывание ненадлежащего качества медицинских услуг представляет собой трудный межотраслевой процесс, в котором переплетаются гражданско-правовые, уголовно-процессуальные, медицинские и этические аспекты. Судебно-медицинская экспертиза занимает в этом процессе главное место, поскольку она позволяет определить наличие или отсутствие дефекта, его характер, механизм развития неблагоприятного исхода и причинную связь с действиями медицинских работников.

Вместе с тем экспертиза не подменяет суд и не решает вопросы вины и ответственности. Ее роль заключается в предоставлении суду объективной, научно обоснованной и процессуально допустимой информации, на основе которой может быть вынесено законное и справедливое решение. Преодоление существующих проблем доказывания требует целостного подхода: совершенствования законодательства, стандартизации экспертных методик, обеспечения независимости экспертов, повышения качества медицинской документации и развития внесудебного урегулирования медицинских споров.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
5. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 9.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2011. — № 2.
8. Приказ Минздрава России от 10.05.2017 № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru.
9. Приказ Минздравсоцразвития России от 12.05.2010 № 346н // Российская газета. — 2010. — 20 августа.
10. Акопов, В. И. Судебно-медицинская экспертиза медицинских правонарушений / В. И. Акопов. — Москва: Юрайт, 2019. — 315 с.
11. Сергеев, Ю. Д. Медицинское право: учебник / Ю. Д. Сергеев, С. В. Ерофеев. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2018. — 784 с.
12. Мохов, А. А. Медицинское право: учебное пособие / А. А. Мохов. — Москва: КОНТРАКТ, 2017. — 368 с.
13. Тихомиров, А. В. Медицинское право: практическое пособие / А. В. Тихомиров. — Москва: Статут, 2016. — 432 с.
14. Пашинян, Г. А. Судебная медицина: учебник / Г. А. Пашинян, П. О. Ромодановский. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2019. — 512 с.

15. Клевно, В. А. Судебно-медицинская экспертиза: учебник / В. А. Клевно. — Москва: Юрайт, 2020. — 420 с.
16. Попов, В. Л. Судебно-медицинская экспертиза: справочник / В. Л. Попов. — Санкт-Петербург: Питер, 2018. — 400 с.
17. Гецманова, И. В. Проблемы судебно-медицинской экспертизы по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников / И. В. Гецманова // Медицинское право. — 2015. — № 3. — С. 34–38.
18. Пименов, М. Г. Судебно-медицинская экспертиза качества медицинской помощи: проблемы и перспективы / М. Г. Пименов, С. Г. Стеценко // Судебно-медицинская экспертиза. — 2017. — № 2. — С. 4–8.
19. Ерофеев, С. В. Ненадлежащее оказание медицинской помощи: судебно-медицинские аспекты / С. В. Ерофеев [и др.]. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2021. — 256 с.

Особенности защиты прав потребителей при оказании стоматологических услуг

Хеладзе Полина Владимировна, студент магистратуры
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

В статье автор исследует особенности защиты прав потребителей при оказании стоматологических услуг. На основе законодательства о защите прав потребителей, об охране здоровья, гражданского и процессуального права проанализированы правовые основания ответственности стоматологических организаций и индивидуальных предпринимателей. Выявлено, что специфика стоматологической услуги обусловлена ее медицинским характером, возможностью причинения вреда здоровью, значением информированного добровольного согласия и качеством медицинской документации. Представлено обобщение способов защиты прав пациентов и проблем доказывания недостатков услуги. Отдельное внимание уделяется методическим вопросам проведения экспертизы качества стоматологической помощи и формам взаимодействия потребителя, исполнителя и контролирующих органов.

Ключевые слова: *защита прав потребителей, стоматологические услуги, качество медицинской помощи, недостаток услуги, медицинская документация, информированное добровольное согласие, ответственность исполнителя, экспертиза качества, компенсация морального вреда, досудебный порядок.*

Стоматологические услуги занимают отдельное место в системе медицинской помощи. Они сочетают лечебный, диагностический, профилактический и эстетический компоненты. Потребитель вступает с исполнителем в договорные отношения, которые регулируются Гражданским кодексом РФ (далее — ГК РФ), Законом РФ «О защите прав потребителей», Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1; 2; 3].

Особенности защиты прав потребителей при оказании стоматологических услуг определяются рядом факторов. Первый фактор — медицинский характер услуги. Второй — вероятность неблагоприятного исхода, связанная с состоянием пациента, особенностями вмешательства, индивидуальной реакцией организма. Третий — необходимость получения информированного добровольного согласия. Четвертый — значение медицинской документации, которая служит одним из основных доказательств при споре.

Правовое положение потребителя стоматологических услуг имеет двойственный характер. С одной стороны, он выступает как пациент, обладающий правами на информацию, выбор врача и отказ от вмешательства. С другой стороны, он является потребителем, которому предоставлены права на качественную услугу, безопасность, возмещение вреда и компенсацию морального вреда.

Основные требования к качеству стоматологической помощи закреплены в критериях оценки качества медицинской помощи, утвержденных приказом Минздрава России от 10.05.2017 № 203н [8]. К ним относятся своевременность, правильность выбора методов диагностики и лечения, безопасность, результативность. Нарушение этих требований образует недостаток услуги.

При этом специфика стоматологических услуг проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, результат нередко имеет эстетический характер, что усложняет оценку. Во-вторых, многие вмешательства являются необратимыми. В-третьих, договор может включать работы по протезированию, имплантации, ортодонтическому лечению, которые требуют длительного наблюдения. В-четвертых, исполнителями выступают как медицинские организации, так и индивидуальные предприниматели, что влияет на распределение ответственности.

Сама защита прав потребителей осуществляется в нескольких формах: самозащита, досудебное урегулирование, административный порядок, судебная защита. Потребитель вправе требовать безвозмездного устранения недостатков, уменьшения цены, возмещения расходов на устранение недостатков, возмещения убытков, компенсации морального вреда. При причинении вреда здоровью применяются нормы о возмещении вреда, включая утраченный заработок, расходы на лечение и дополнительное питание.

Одна из главных проблем — доказывание недостатка стоматологической услуги. Потребитель должен подтвердить факт причинения вреда, размер убытков, наличие недостатка и причинной связи. Тем не менее медицинская документация находится у исполнителя, специальные познания у пациента отсутствуют, а экспертиза требует существенных затрат. Исполнитель, напротив, ссылается на правильность действий, индивидуальные особенности пациента, отказ от рекомендаций, позднее обращение.

Судебная практика по спорам о стоматологических услугах неоднородна. Суды нередко назначают комиссионную судебно-медицинскую экспертизу. Перед экспертами ставятся вопросы: соответствовали ли действия исполнителя стандартам и клиническим рекомендациям; имелся ли дефект; состоит ли дефект в причинной связи с вредом; какова степень тяжести вреда здоровью.

Также проблемы экспертизы связаны с ведомственной зависимостью экспертных учреждений, отсутствием единых методик оценки стоматологической помощи, неполнотой медицинской документации, вероятностным характером причинной связи. В стоматологии дополнительные трудности возникают при оценке эстетического результата, необходимости повторного вмешательства, совместимости материалов, соблюдения пациентом рекомендаций.

Для повышения эффективности защиты прав потребителей предлагается: разработать единые методические рекомендации по экспертной оценке стоматологических услуг; расширить сеть независимых экспертных учреждений; внедрить обязательное страхование профессиональной ответственности; усилить контроль за ведением медицинской документации; развивать досудебное урегулирование споров с участием профессиональных сообществ.

Из этого следует вывод, что защита прав потребителей при оказании стоматологических услуг требует учета медицинского, гражданско-правового и процессуального аспектов. Стоматологическая услуга обладает свойствами, которые отличают ее от иных услуг. Поэтому правовое регулирование должно сочетать защиту интересов пациента с объективной оценкой возможностей исполнителя.

Таким образом, судебно-медицинская экспертиза сохраняет роль одного из главных средств доказывания. Вместе с тем для снижения конфликтности нужны профилактические меры: качественная документация, информированное согласие, страхование ответственности, независимая экспертиза.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
4. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 9.
6. Приказ Минздрава России от 10.05.2017 № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru.
7. Акопов, В. И. Судебно-медицинская экспертиза медицинских правонарушений / В. И. Акопов. — Москва: Юрайт, 2019. — 315 с.
8. Сергеев, Ю. Д. Медицинское право: учебник / Ю. Д. Сергеев, С. В. Ерофеев. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2018. — 784 с.
9. Мохов, А. А. Медицинское право: учебное пособие / А. А. Мохов. — Москва: КОНТРАКТ, 2017. — 368 с.
10. Тихомиров, А. В. Медицинское право: практическое пособие / А. В. Тихомиров. — Москва: Статут, 2016. — 432 с.
11. Пашинян, Г. А. Судебная медицина: учебник / Г. А. Пашинян, П. О. Ромодановский. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2019. — 512 с.

Вина как обязательный элемент субъективной стороны состава административного правонарушения

Хутежева Амина Аслановна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию вины как ключевого и обязательного элемента субъективной стороны состава административного правонарушения. В работе анализируется законодательное определение форм вины (умысел и неосто-

рожность) в соответствии со ст. 2.2 КоАП РФ, рассматриваются проблемы их доказывания на практике правоприменительными органами. Особое внимание уделено специфике установления вины юридических лиц, проблемам объективного вменения и разграничению психического отношения физического лица от концепции виновности коллективного субъекта.

Ключевые слова: *вина, административное правонарушение, административная ответственность, умысел, неосторожность, состав правонарушения.*

Culpability as an essential element of the subjective side of an administrative offense

This article examines fault as a key and mandatory element of the subjective side of an administrative offense. It analyzes the statutory definition of the forms of fault (intent and negligence) pursuant to Article 2.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and explores the challenges faced by law enforcement and regulatory authorities in proving these forms of fault in practice. Particular attention is given to the specifics of establishing fault in legal entities, the issues surrounding «objective imputation» (strict liability), and the distinction between the mental state of an individual and the concept of fault as applied to a collective entity.

Keywords: *fault, administrative offense, administrative liability, intent, negligence, elements of an offense.*

В системе юридических признаков состава административного правонарушения особое, ключевое место занимает субъективная сторона, центральным и обязательным элементом которой выступает вина. Современное административно-деликтное законодательство Российской Федерации строится на фундаментальном правовом принципе субъективного вменения, закрепленном в статье 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1]. Согласно данному принципу, лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Принцип презумпции невиновности, неразрывно связанный с категорией вины, устанавливает, что лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело. Более того, лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением строго определенных законом случаев, в частности, при фиксации правонарушений в области дорожного движения или благоустройства работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами. Таким образом, отсутствие вины исключает само наличие состава административного правонарушения и, следовательно, делает невозможным привлечение лица к административной ответственности.

В правовой доктрине и законодательстве категория вины традиционно рассматривается в двух основных аспектах — применительно к физическим лицам и применительно к юридическим лицам. Такое разделение обусловлено спецификой правовой природы субъектов административной ответственности и необходимостью адаптации классических представлений о виновности к коллективным образованиям, не обладающим собственной психикой.

В отношении физических лиц (граждан, должностных лиц, индивидуальных предпринимателей) в административном праве господствует психологическая концепция вины, заимствованная из науки уголовного права. В рамках данного подхода вина определяется как психическое отношение лица к совершаемому им противоправному действию или бездействию и к его общественно вредным последствиям. Интеллектуальный и волевой моменты психической деятельности субъекта лежат в основе дифференциации вины на две классические формы — умысел и неосторожность, содержание которых раскрывается в статье 2.2 КоАП РФ.

Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично. В отличие от уголовного законодательства, КоАП РФ не проводит формального деления умысла на прямой и косвенный в отдельных статьях, однако фактически объединяет их в рамках единой законодательной дефиниции. Интеллектуальный элемент умысла заключается в осознании лицом общественной вредности и противоправности своего поведения, а также в предвидении возможности или неизбежности наступления негативных последствий. Волевой элемент при прямом умысле выражается в желании наступления вредных последствий, а при косвенном — в сознательном их допущении или безразличном отношении к ним.

Принципиально иной подход применяется законодателем при определении вины юридического лица. Включение организаций в круг субъектов административной ответственности потребовало от науки административного права и законодателя выработки специфической конструкции вины, поскольку юридическое лицо является правовой фикцией и не способно испытывать психические переживания. В юридической науке сформировались два основных направления понимания вины организации: субъективное (психологическое) и объективное (поведенческое). Сторонники субъективного подхода полагают, что вина юридического лица проявляется через виновные

действия его должностных лиц, работников и представителей, управляющих организацией или действующих от ее имени. Однако данный подход не всегда позволяет привлечь организацию к ответственности в ситуациях, когда конкретный виновный работник не установлен или правонарушение стало следствием системных сбоев в управлении. В действующем КоАП РФ (часть 2 статьи 2.1) закреплена объективная (поведенческая) концепция вины юридического лица. Согласно норме закона, юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Данная формулировка переносит акцент с психического отношения на оценку реального поведения организации, степень ее должной осмотрительности и заботливости при исполнении публично-правовых обязанностей.

Особую актуальность в современной правоприменительной практике приобретает проблема доказывания вины и исключения объективного вменения. Несмотря на прямой законодательный запрет привлекать к ответственности без вины, на практике нередко возникают ситуации, когда сам факт совершения противоправного деяния автоматически отождествляется с виновностью лица. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в делах об административных правонарушениях, зафиксированных в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи. В подобных случаях в силу примечания к статье 1.5 КоАП РФ бремя доказывания невиновности перекладывается на собственника (владельца) транспортного средства или земельного участка. Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях неоднократно указывал, что такое перераспределение бремени доказывания не означает введения безвиновной ответственности, а представляет собой лишь процессуальную особенность, при которой собственник сохраняет право опровергнуть презумпцию своей вины, представив доказательства того, что в момент фиксации правонарушения объект находился во владении или в пользовании другого лица либо выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц.

Не менее сложным вопросом является разграничение виновного поведения и невиновного причинения вреда (казуса), а также учет крайней необходимости при оценке субъективной стороны. Если лицо не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать противоправность своего деяния, либо предприняло все объективно возможные и зависящие от него меры для соблюдения установленных правил, но правонарушение произошло вследствие непреодолимой силы или неправомерных действий третьих лиц, вина отсутствует. В таких случаях производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Подводя итог, следует отметить, что вина является системообразующим элементом субъективной стороны состава административного правонарушения, выполняющим как квалифицирующую, так и правозащитную функции. Она позволяет отграничить административное правонарушение от объективно противоправного, но невиновного деяния, обеспечить индивидуализацию административного наказания и реализовать конституционные принципы справедливости и гуманизма. Дуализм правового регулирования вины — сочетание психологического подхода применительно к физическим лицам и объективно-поведенческого подхода применительно к юридическим лицам — отражает специфику административно-деликтных отношений и требует от правоприменительных органов тщательного и всестороннего исследования всех обстоятельств дела для исключения фактов необоснованного привлечения к ответственности.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195 ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1, ст. 1.

Антикоррупционное образование и правовая культура как основа формирования антикоррупционного правосознания личности

Цуркан Анна Викторовна, студент магистратуры
Ростовский филиал Российской таможенной академии

Коррупция остаётся одним из наиболее разрушительных и распространённых явлений современного общества. Она подрывает принципы справедливости, равноправия и эффективности государственного управления, снижает доверие граждан к институтам власти и создаёт препятствия для устойчивого развития. Про-

тиводействие коррупции не сводится к выявлению и наказанию виновных. Не менее важным является формирование в обществе устойчивого неприятия коррупции, основанного на знаниях, этических ценностях и ответственности перед окружающими.

Антикоррупционное образование играет ключевую роль в предотвращении коррупции путем формирования у людей навыков, знаний и ценностей, способствующих отказу от неправомерных действий. Оно направлено на изменение менталитета общества, создание неприемлемости коррупции как явления и повышения осведомленности о последствиях такого поведения. Формирование антикоррупционного правосознания начинается с ранних лет жизни каждого человека и продолжается на протяжении всей его жизни. Это процесс постоянного развития интеллектуальной активности граждан, направленный на формирование этических ценностей и ответственности перед своим окружением.

Таким образом, в рамках настоящей статьи рассмотрим значимость антикоррупционного правосознания для борьбы с коррупцией и достижения устойчивого развития общества [3]. Роль формирования антикоррупционного правосознания среди населения является одним из главных элементов антикоррупционного образования и правовой культуры в современном обществе. Формирование антикоррупционного правосознания начинается с детства и должно продолжаться на протяжении всей жизни человека. Важность данного процесса заключается в том, что люди должны осознавать негативные последствия коррупции и понимать, что коррупция является преступлением против общества и государства. С этой целью необходимо проводить систематическую работу по пропаганде антикоррупционных ценностей и привитию правильного понимания о коррупции [2].

Формирование антикоррупционного правосознания является одной из ключевых задач в области борьбы с коррупцией. Для достижения этой цели необходимо создание системы антикоррупционного образования и правовой культуры, которая будет основываться на определенных принципах.

В качестве принципов антикоррупционного образования и правовой культуру необходимо выделить недвусмысленность и прозрачность. Все участники образовательного процесса должны быть ознакомлены с антикоррупционными нормами, в том числе и с санкциями. Вся информация об антикоррупционной политике, процедурах и механизмах должна быть доступной и понятной для всех лиц.

Также в качестве принципа необходимо выделить вовлечение общественности. Организация антикоррупционного образования и правовой культуры должна осуществляться с привлечением широких слоев общества, включая гражданские организации, профессиональные сообщества, средства массовой информации и другие заинтересованные стороны, чем больше будет количество участников вовлечено в процесс формирования антикоррупционного правосознания, тем эффективнее и устойчивее будет созданная система.

Следующим принципом антикоррупционного правосознания являются превентивные меры. Антикоррупционное образование и правовая культура должны основываться не только на выявлении и наказании коррупционных преступлений, но и на их предотвращении. Для этого необходимо акцентировать внимание на развитии этических и моральных ценностей, осознании вреда, причин и последствий коррупции [3].

Данные аспекты должны включать как теоретические знания, так и практические навыки. Участники образовательного процесса должны иметь возможность применять полученные знания на практике, проводит реальные анализы случаев коррупции и разрабатывать стратегии и меры по их предотвращению.

В качестве ещё одного принципа антикоррупционного образования следует выделить принцип системного подхода в осуществляемой деятельности. Антикоррупционное образование и правовая культура должны осуществляться как в рамках образовательных учреждений, так и за их пределами. Государственные служащие, представители предпринимательской деятельности, должны создавать единое информационное пространство и согласованную стратегию по борьбе с коррупцией.

Формирование антикоррупционного правосознания является сложным и многогранным процессом. Однако, только основываясь на принципах прозрачности, вовлечения общественности, превентивности, сочетания теории и практики, а также системного подхода можно добиться положительных результатов в борьбе с коррупцией и создать устойчивую антикоррупционную культуру в обществе [5].

Для достижения цели в виде формирования антикоррупционного правосознания необходимо использовать различные методы и подходы, которые направлены на привитие гражданам негативного отношения к коррупции и формирование у них чувства ответственности перед обществом и государством.

Одним из методов формирования антикоррупционного правосознания является информационно-просветительская работа. Путем широкого освещения проблем коррупции в СМИ, на научных конференциях, семинарах, таким образом граждане получают актуальную и достоверную информацию последствиях коррупции, ее негативном влиянии на экономику, политическую систему и обществом в целом. Такой подход способствует формированию негативного отношения к коррупции и повышению осведомленности граждан о принятых нормативных актах, направленных на её противодействие [4].

Другой метод воздействия на формирование антикоррупционного правосознания — образовательный. Он предполагает включение антикоррупционных тематик в учебные планы и программы, проведение специальных курсов, а также вовлечение студентов в проекты и меро-

приятия, направленные на борьбу с коррупцией. Такой подход позволяет детально изучить проблематику коррупции, развить критическое мышление и формировать навыки этического поведения.

Также важную роль в формировании антикоррупционного правосознания играет практическая деятельность. Включение граждан в процесс противодействия коррупции позволяет им не только наблюдать, но и участвовать в жизни общества, осуществлять контроль за деятельностью органов власти, экономическими процессам и принимаемыми решениями. Такой подход способствует не только развитию лидерских качеств и навыков граждан, но и формированию гражданской позиции в отношении коррупции.

Однако знание законодательства, основ государственного устройства, судопроизводства еще не гарантирует, что граждане будут соблюдать и чтить закон. Для этого требуется, чтобы граждане осмыслили систему предлагаемых правил, поняли их значение и осознали их ценность. Таким образом, целью правового воспитания является одобрение и принятие гражданином установленных правил и правового государства, создание системы внутренних регуляторов его поведения, сопоставимых с официально декларируемыми и пропагандируемыми в качестве модели законопослушного поведения.

Неотъемлемой частью формирования антикоррупционного правосознания является работа с молодежью. Молодые люди имеют более развитую способность к восприятию новой информации и формированию новых ценностей. Именно поэтому важно проводить работу по формированию антикоррупционного мировоззрения.

В современном обществе коррупция является серьезной проблемой, которая угрожает развитию страны и наносит ущерб экономике, политике и социальной стабильности. Однако антикоррупционное образование и правовая культура могут быть эффективными инструментами для борьбы с этим явлением.

Формирование антикоррупционного правосознания является основным элементом антикоррупционного образования и правовой культуры. Это процесс, который включает в себя приобретение знаний о негативном влиянии коррупции, ее последствиях и методах предотвращения, а также формирование правильных ценностей и норм поведения.

Литература:

1. Волконская Е. К. Криминологическая оценка современной ситуации, связанной с коррупционной преступностью в России // Lex Russica. 2018. № 4 (137).
2. Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Проблемы антикоррупционного образования // Вестник ВУиТ. 2019. № 3.
3. Мухаев Р. Т. Политика противодействия коррупции в России в контексте новых реалий: актуальные проблемы теории и практики // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2.
4. Попова Н. А. Противодействие коррупции: современное состояние // Актуальные проблемы государства и права. 2022. № 24.
5. Руденко В. Н. Совет по противодействию коррупции при Президенте Российской Федерации: правовые основы организации и деятельности // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2019. № 1.

Антикоррупционное правосознание государственных служащих и правоприменителей: профессиональный и государственный уровни

Цуркан Анна Викторовна, студент магистратуры
Ростовский филиал Российской таможенной академии

Массовый уровень антикоррупционного правосознания создаёт лишь общие предпосылки для противодействия коррупции. Не менее важным является профессиональный уровень — правосознание тех, кто обладает властными полномочиями, принимает правотворческие и правоприменительные решения. В настоящей статье рассматриваются особенности формирования антикоррупционного правосознания государственных служащих и правоприменителей, а также роль правоохранительных органов и общественного контроля.

Исторически сложилось, что коррупция оказывает влияние и на поведение самих представителей власти, поэтому, важное значение имеет формирование антикоррупционного правосознания среди государственных служащих, они должны осознавать свою ответственность перед обществом, государством и соблюдать этические принципы при исполнении своих служебных обязанностей. Для этого необходимо проводить специальные обучающие программы и тренинги для служащих, нацеленных на формирование антикоррупционной культуры и правосознания [2].

Таким образом, работа с государственными служащими должна быть не разовой, а системной. Она включает не только правовое информирование, но и этическое обучение, разбор конфликта интересов и формирование устойчивых навыков правомерного поведения. Особое значение имеет государственный уровень антикоррупционного правосознания, поскольку именно на этом уровне принимаются правотворческие и правоприменительные решения.

Особенно значимым уровнем антикоррупционного правосознания является государственный уровень, т. е. деятельность уполномоченных органов по осуществлению правотворчества и особой формы реализации права — его применению. В этой связи при осуществлении правотворчества и правоприменения в сфере противодействия коррупции важны также не только надлежащий уровень правосознания, но и профессиональная подготовка тех, кто осуществляет правореализацию: из этого следует, что государственный уровень антикоррупционного правосознания во многом связан с профессиональным и требует профессионализма от законодателей и правоприменителей [1]. Следовательно, государственный уровень правосознания нельзя сводить только к знанию норм. Он предполагает профессиональную компетентность, этическую ответственность и готовность применять антикоррупционные стандарты на практике.

Не менее важным аспектом является работа правоохранительных органов, поскольку именно от их эффективности во многом зависит неотвратимость ответственности за коррупционные правонарушения.

Важным аспектом формирования антикоррупционного правосознания является работа с органами власти и правоохранительными органами. Государство должно принимать все необходимые меры для предотвращения коррупции и преследования коррупционных проявлений, чтобы показать свою решимость в борьбе с этим явлением. Проведение эффективных расследований, судебных процессов и назначения соразмерного наказания за коррупционные преступления способствует созданию атмосферы неприемлемости коррупционного поведения в обществе [3]. Показательно, что речь идёт не только о наказании, но и о профилактике. Атмосфера неприемлемости коррупции формируется тогда, когда граждане видят реальные результаты расследований и соразмерность наказания.

Формирование антикоррупционного правосознания у государственных служащих и правоприменителей не отменяет необходимости общественного контроля. Напротив, открытость власти и участие граждан создают дополнительный механизм сдерживания коррупции.

Также важную роль в формировании антикоррупционного правосознания играет практическая деятельность. Включение граждан в процесс противодействия коррупции позволяет им не только наблюдать, но и активно участвовать в жизни общества, осуществлять контроль за деятельностью органов власти, экономическими процессам и принимаемыми решениями. Такой подход способствует не только развитию лидерских качеств и навыков граждан, но и формированию гражданской позиции в отношении коррупции. Общественный контроль не подменяет государственные механизмы, но дополняет их. Он повышает прозрачность решений и снижает риск злоупотреблений.

С учётом изложенного можно определить основные перспективы развития антикоррупционного правосознания на профессиональном и государственном уровнях. Перспективы развития антикоррупционного образования и правовой культуры включает в себя внедрение антикоррупционных программ в образовательные учреждения, повышение квалификации, а также активную работу государственных и негосударственных организаций. Эти меры помогут формированию антикоррупционного правосознания и развитию правовой культуры, что в свою очередь, сыграет ключевую роль в борьбе с коррупцией и создании справедливого общества.

Однако применительно к государственным служащим и правоприменителям особое значение имеют не только образовательные программы, но и антикоррупционная экспертиза нормативных актов, декларирование доходов, урегулирование конфликта интересов и дисциплинарная практика.

Таким образом, антикоррупционное правосознание государственных служащих и правоприменителей представляет собой самостоятельный уровень правосознания, который требует специальных программ обучения, этических стандартов и неотвратимости ответственности. Массовое просвещение и профессиональная подготовка не заменяют друг друга, а дополняют. Только при согласованном развитии обоих уровней можно говорить об устойчивой антикоррупционной культуре в обществе.

Литература:

1. Попова Н. А. Противодействие коррупции: современное состояние // Актуальные проблемы государства и права. 2022. № 24.
2. Рои О. М. Кампания по предотвращению коррупции как источник коррупционных угроз // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2019. № 1.
3. Руденко В. Н. Совет по противодействию коррупции при Президенте Российской Федерации: правовые основы организации и деятельности // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2019. № 1.

Проблемы и перспективы совершенствования законодательства в сфере прокурорского надзора за законностью при возбуждении уголовных дел

Чиркин Данил Павлович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье исследуются актуальные проблемы прокурорского надзора за законностью на стадии возбуждения уголовного дела. Анализируются полномочия прокурора, предусмотренные ст. 37 УПК РФ и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», выявляются пробелы и коллизии правового регулирования, препятствующие эффективному осуществлению надзорной деятельности. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики сформулированы предложения по совершенствованию правовых механизмов.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, стадия возбуждения уголовного дела, законность, сообщение о преступлении, полномочия прокурора, уголовное преследование, совершенствование законодательства.*

Стадия возбуждения уголовного дела традиционно рассматривается в отечественной доктрине и практике как начальный этап уголовного судопроизводства, выполняющий функцию процессуального «фильтра», определяющего целесообразность и правовые основания дальнейшего производства по делу.

Прокурорский надзор выступает конституционно установленным (ст. 129 Конституции РФ) [1] механизмом обеспечения законности на этом этапе, однако действующая модель его осуществления, сформированная Уголовно-процессуальным кодексом РФ 2001 г. [2] с последующими изменениями, характеризуется рядом внутренних противоречий, которые до настоящего времени не получили однозначного доктринального и нормативного разрешения.

Действующая система надзора за законностью при возбуждении уголовных дел опирается на положения ст. 37 УПК РФ [2], ст. 25–30, 26–28.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3], а также на подзаконные акты Генерального прокурора РФ, детализирующие организацию надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Нормативная основа, казалось бы, обеспечивает прокурору широкие возможности: он вправе проверять исполнение требований федерального закона при приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, отменять незаконные или необоснованные постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении, давать указания о направлении расследования.

Вместе с тем анализ структуры полномочий позволяет выделить ряд системных проблем.

Первая и наиболее принципиальная проблема состоит в асимметрии полномочий прокурора применительно к дознанию и предварительному следствию. Если в дознании прокурор сохраняет практически полный объём процессуальных полномочий — вплоть до изъятия дела у органа дознания и передачи его следователю, — то по делам следственного производства его возможности существенно ограничены.

Прокурор вправе отменить постановление о возбуждении уголовного дела следователя лишь при условии, что оно незаконно или необоснованно, однако не может самостоятельно возбудить уголовное дело по материалам, находящимся в производстве следователя, дать обязательные указания о квалификации деяния либо отменить постановление об отказе в возбуждении дела, принятое следователем с согласия руководителя следственного органа, без обращения к последнему [4, с.187].

В доктрине такая модель оценивается неоднозначно: одни авторы усматривают в ней реализацию принципа процессуальной самостоятельности следствия и разделения функций надзора и уголовного преследования, другие — ослабление прокуратуры как органа надзора и утрату ею реальных рычагов воздействия на качество досудебного производства [5, с.124]. Представляется, что дискуссия должна разрешаться не возвращением к модели прокурорского руководства следствием, а уточнением границ: надзорная функция предполагает проверку законности, а не целесообразности решений, и именно этот критерий требует нормативной конкретизации.

Вторая проблема связана с оценочным характером ключевых понятий стадии. Признаки «достаточность данных, указывающих на признаки преступления» (ч. 1 ст. 140 УПК РФ), «отсутствие основания для возбуждения дела» (ч. 1 ст. 148 УПК РФ) не имеют формализованных критериев, вследствие чего прокурор при проверке «отказных» материалов вынужден опираться на внутреннее убеждение, а не на объективные стандарты. Практика свидетельствует о распространённости формальных «отказов» — когда материал возвращается на дополнительную проверку по формальным основаниям без реального исследования сообщения, либо, напротив, о «отказах», маскирующих необъективность предварительной оценки.

Единого методического инструментария оценки достаточности оснований ни в законодательстве, ни в ведомственных актах не закреплено, что порождает региональную разнородность надзорной практики и снижает предсказуемость правоприменения.

Третья проблема — недостаточная прозрачность первичного учёта сообщений о преступлениях. Обязанность

принимать и регистрировать каждое поступившее сообщение о преступлении (ч. 2 ст. 144 УПК РФ) объективно существует, однако её реализация контролируется преимущественно ведомственными механизмами (КУСП, ведомственные журналы), а прокурорская проверка носит периодический и выборочный характер.

Скрытые отказы в регистрации сообщений остаются одной из наиболее латентных форм нарушения законности на данной стадии, поскольку выявить их постфактум существенно сложнее, чем проверить уже зарегистрированные материалы. Создание единой федеральной системы электронного учёта сообщений о преступлениях, доступной прокурору в режиме реального времени, могло бы принципиально изменить качество надзора.

Четвёртая проблема — дублирование контрольных функций прокурора и руководителя следственного органа. УПК РФ 2001 г. в редакции Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ перераспределил полномочия таким образом, что решения о возбуждении и об отказе в возбуждении дела по следственному производству согласуются с руководителем следственного органа, а последующий надзор осуществляется одновременно прокурором и руководителем.

В результате возникает конкуренция властных субъектов: решение, отменённое руководителем, может быть восстановлено прокурором, и наоборот; отсутствует чёткая иерархия разрешаемых противоречий. Данное положение не только порождает процессуальные коллизии, но и снижает персональную ответственность за законность решений.

Наконец, следует отметить дискуссионность самого существования стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельной. В науке неоднократно обосновывалась позиция о её отмене и переходе к модели единого досудебного производства, в котором моментом начала расследования является принятие сообщения о преступлении к производству, а «барьерные» функции выполняет судебная проверка достаточности оснований для уголовного преследования.

С целью совершенствования законодательства целесообразно закрепить в УПК РФ или ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» закрытый перечень нарушений законности, подлежащих обязательному выявлению прокурором на данной стадии: необоснованный отказ в регистрации сообщения о преступлении; нарушение сроков проверки; производство следственных действий, не предусмотренных ст. 144 УПК РФ, до возбуждения дела; несоблюдение требований ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ о внесении сведений в единый реестр; формальные и немотивированные «отказные» постановления. Такой перечень создал бы единые стандарты надзорной проверки и устранил бы дискреционность её осуществления.

Представляется обоснованным наделить прокурора правом возбуждать уголовное дело в следственном производстве при выявлении необоснованного отказа следователя, либо, как минимум, правом инициирования перед руководителем следственного органа обязательной повторной проверки «отказного» материала с указанием конкретных обстоятельств, не исследованных должным образом.

Целесообразно установить императивные требования к содержанию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела: обязательное изложение всех исследованных версий, указание на конкретные проведённые проверочные мероприятия и полученные результаты, вывод о недостаточности данных, а не о «неподтверждении» сообщения. Отсутствие мотивировки может быть прямо закреплено в законе как безусловное основание отмены постановления прокурором.

Необходимо законодательно закрепить порядок разрешения возможных противоречий между решениями двух контролирующих субъектов, установив приоритет судебного акта при обжаловании любого из них и исключив практику «пересмотра друг друга» вне установленных процедур. Одновременно целесообразно развивать институт судебного контроля за законностью решений о возбуждении дела и об отказе в нём, рассматривая его не как альтернативу, а как дополнение к прокурорскому надзору: прокурор обеспечивает непрерывный ведомственный контроль, суд — внешний, независимый.

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности прокурорского надзора, укреплению законности на начальном этапе уголовного процесса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 06.10.2022.
2. Уголовно — процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Парламентская газета. — 2001. — № 241–242.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. — 1992. — 18 февраля. — N 39.
4. Арсланбеков А. С. Прокурорский надзор на этапе возбуждения уголовного дела // Закон и право. — 2025. — № 4. — С. 186–189.
5. Бороева Т. Ж. Проблемы, цели и задачи прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела // Global and Regional Research. — 2023. — Т. 5, № 4. — С. 121–127.

Итоги реформы третейского разбирательства в Российской Федерации

Шадрова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуются итоги реформы третейского разбирательства в Российской Федерации, инициированной принятием Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». На основе историко-правового анализа прослеживается эволюция регулирования арбитража — от Временного положения 1992 года и Федерального закона 2002 года до современного законодательства. Показано, что главным побудительным мотивом реформы стало устранение рисков, порождённых избыточной свободой: деятельность «карманных» арбитражей, злоупотребление при выдаче исполнительных листов и подрыв доверия к институту. Раскрываются ключевые новеллы закона: разрешительный порядок создания постоянно действующих арбитражных учреждений (ПДАУ), государственный контроль со стороны Минюста России, сужение круга арбитрабельных споров, ограничение компетенции арбитража ad hoc, унификация регулирования внутренних и международных разбирательств. Отдельное внимание уделено судебной практике применения ст. 239 АПК РФ и Обзору ВС РФ № 2 (2020), иллюстрирующим последствия утраты статуса ПДАУ. Делается вывод, что реформа обеспечила прозрачность и качество третейского разбирательства, но привела к его излишней формализации, сокращению числа учреждений и споров, а также к существенной зависимости арбитража от государственных судов. Обозначены перспективы развития института: формирование региональных арбитражных центров в контексте деглобализации цепочек поставок и предложения по цифровизации арбитражных процедур.

Ключевые слова: *третейское разбирательство, арбитраж, ПДАУ, реформа 2015 года, арбитражное решение, исполнительный лист, международный коммерческий арбитраж, судебный контроль, автономия воли сторон, арбитраж ad hoc.*

The outcomes of the arbitration reform in the Russian Federation

The article examines the outcomes of the reform of arbitration (third-party dispute resolution) in the Russian Federation initiated by the adoption of Federal Law No. 382-FL of 29 December 2015 "On Arbitration in the Russian Federation". Based on a historical-legal analysis, the article traces the evolution of arbitration regulation — from the 1992 Interim Statute and the 2002 Federal Law to the current legislation. It is shown that the principal motivation behind the reform was the elimination of risks generated by the excessive freedom: the activities of "pocket" arbitral tribunals, abuses in the issuance of writs of execution, and the erosion of trust in the institution. The key innovations of the law are examined: the licensing (permit-based) procedure for establishing permanent arbitral institutions (PAIs), state oversight by the Russian Ministry of Justice, the narrowing of the range of arbitrable disputes, restrictions on the competence of ad hoc arbitration, and the unification of the regulation of domestic and international arbitral proceedings. Special attention is given to court practice concerning Article 239 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and to the Russian Supreme Court Review No. 2 (2020), which illustrate the consequences of losing PAI status. It is concluded that the reform ensured transparency and quality of arbitration, but resulted in its excessive formalization, a reduction in the number of institutions and disputes, and the substantive dependence of arbitration on the state courts. Prospects for the development of the institution are outlined: the formation of regional arbitration centers in the context of the deglobalization of supply chains, as well as proposals for the digitalization of arbitral procedures.

Keywords: *arbitration, third-party dispute resolution, arbitral proceedings, permanent arbitral institution, 2015 reform, arbitral award, writ of execution, international commercial arbitration, judicial (state court) control, party autonomy, ad hoc arbitration.*

Исторический анализ развития третейского разбирательства в России демонстрирует устойчивую тенденцию к развитию институционализации арбитража, последовательно трансформируется его юрисдикция, совершенствуются механизмы разрешения споров. Изменения в регулировании арбитража на разных этапах оказывали влияние как на внутриэкономические отношения, так и на позиции российских организаций в международной деловой среде.

Важной вехой в регулировании арбитража стал Федеральный закон от 24.07.2002 № 102ФЗ [1], который определял правила работы арбитражей вплоть до реформы, а именно, принятия Федерального закона от 29.12.2015 № 382ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [2].

Подробнее остановимся на ключевом этапе в эволюции законодательства о третейском разбирательстве, а именно принятии в 2002 году Федерального закона № 102ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (далее — реформа 2002 года), который заменил Временное положение 1992 года. Отражение его законодательных положений поможет более четко раскрыть законодательную реформу

арбитража, а именно, принятие Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (вступил в силу с 2016 года) (реформа 2015 года) как закономерный итог правоотношений, устоявшихся посредством реформирования законодательства в 2002 году.

Реформа 2002 года по сравнению с Временным положением 1992 года закрепила базовые правила работы третейских судов: порядок заключения третейского соглашения, формирования состава суда, несения расходов, проведения разбирательства, вынесения и оспаривания арбитражного решения, а также его исполнения. До этого институт существовал скорее в «переходном» режиме.

В отношении международного коммерческого арбитража кардинального реформирования не происходило, международный коммерческий арбитраж с 1993 года регулируется отдельным законом, а его процессуальные аспекты дополнительно уточняются нормами ГПК РФ [3] и АПК РФ [4]. Поскольку арбитражные решения не обладают самостоятельной исполнительной силой, процессуальные кодексы установили правила их легитимации, а также процедуру оспаривания, регулируя взаимодействие третейского разбирательства и государственного правосудия.

Принятие специального федерального закона стало сигналом признания арбитража государством не как конкурирующего с судами механизма, а как легального способа разрешения споров. Это был важный шаг в становлении альтернативных форм судебного разбирательства в России.

Разрешение создавать постоянно действующие арбитражные учреждения при любых юридических лицах, не считая государственных органов, привело к активному росту числа частных арбитражей. Бизнес получил альтернативу государственному судопроизводству, отличающуюся скоростью, конфиденциальностью и гибкостью. Реформа 2002 года закрепила письменное третейское соглашение как основание компетенции третейского суда, подчеркнув автономию воли сторон, что соответствовало международной практике и идеологии арбитража как института, основанного на договоре.

Недостатки реформы 2002 года, такие как излишняя диспозитивность в механизме урегулирования споров и «карманные» арбитражи, указали на области законодательства, нуждающиеся в дополнительном урегулировании.

Тем не менее, реформа 2002 года демонстрировала значительное доверие государства к институту третейского разбирательства: позволялась передача в третейские суды практически любых споров из гражданскоправовых отношений, а постоянно действующие арбитражные учреждения могли создаваться при любых юридических лицах, за исключением государственных органов. При этом регулирование внутреннего арбитража осуществлялось отдельно от международного коммерческого арбитража, который в основном опирался на международные договоры. Основанием для передачи спора в третейский суд служило письменное соглашение сторон, которое при соблюдении установленных требований исключало подсудность государственному суду. Вместе с тем, широкая свобода, предоставленная участникам оборота по закону 2002 года, создала определённые риски.

Парадокс реформы в том, что её главное достоинство, а именно свобода в разрешении споров коммерческими субъектами, со временем превратилось в главную проблему. Отсутствие контроля за качеством учреждений и избыточная арбитрабельность споров породили злоупотребления и подорвали доверие к институту.

Первые предложения о реформе прозвучали в 2011 году в журнале «Третейский суд», затем по поручению Президента была разработана «Концепция мер по развитию третейского судопроизводства», трансформировавшаяся в действующий Закон «Об арбитраже». Целью нового закона стало исключение злоупотреблений: существующие учреждения упразднялись, право арбитрирования получали только новые, допущенные Минюстом [5].

Ужесточение регулирования началось ещё в 2006 году, так как из компетенции третейских судов исключили споры о недвижимости, корпоративные, закупочные, инвестиционные и лесные споры. ВАС РФ запросил проверку конституционности регламентации третейских судов, но Конституционный Суд в Постановлении от 26.05.2011 № 10-П указал, что третейское разбирательство остаётся альтернативной формой защиты права, так как решение принимается третейским судом от своего имени и исполняется добровольно, а принудительное исполнение — задача государственных судов. Тем не менее, ВАС РФ продолжал выводить споры с публичными элементами из подсудности третейских судов, и именно на этих подходах строилась последующая реформа [6].

Реформа ввела специфические требования: разрешительный порядок создания ПДАУ; уравнивание процессуальных прав прокурора в третейских и государственных судах с правом самостоятельного иска о недействительности сделок с участием РФ; передачу контроля Минюсту, который при грубых нарушениях может предписать прекращение деятельности ПДАУ. Возможности *ad hoc* существенно урезаны, а передача споров между резидентами в зарубежные учреждения без разрешения Минюста запрещена. Высокие требования к квалификации арбитров и ресурсам учреждений повышают порог входа на рынок урегулирования споров, поскольку арбитрирование не признаётся услугой в традиционном смысле, антимонопольное законодательство здесь не действует, а реклама арбитража без статуса ПДАУ запрещена — отсюда риск монополизации [7].

Целью принятия Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» стало повышение качества третейского разбирательства, укрепление доверия к институту арбитража и достижение баланса между свободой сторон и защитой прав участников процесса. Для этого

законодатель ограничил круг споров, допустимых к передаче в арбитраж, ввёл более строгие требования к созданию и функционированию арбитражных учреждений, закрепил механизмы содействия государственных судов и распространил действие закона на международные арбитражные разбирательства, проводимые на территории России.

В результате проведённых реформ удалось повысить прозрачность деятельности арбитражных учреждений и укрепить доверие к постоянно действующим арбитражным институтам, не зависимым от коммерческих субъектов. Однако усиление формализации привело к сокращению перечня споров, которые могут рассматриваться в третейском суде, и количества третейских судов.

Важной чертой отечественного арбитража является то, что несмотря на свою диспозитивность, как в прошлом веке, так и в наши дни, оно требует поддержки государственных судов и не может функционировать как полностью самостоятельная система отправления правосудия.

Главной задачей реформы было устранить риски, порождённые избыточной свободой, а именно зависимые от отдельных юридических лиц «карманные» арбитражи, злоупотребления при выдаче исполнительных листов, а также подрыв доверия к институту. Реформа сохранила саму идею арбитража, но перестроила его институциональную основу [8].

Создание постоянно действующих арбитражей перестало быть доступным всем желающим. Законодатель целенаправленно исключил возможность рассмотрения споров в зависимых и не учтенных в Минюсте арбитражных учреждениях, сделав ставку на независимые от бизнеса арбитражи.

Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» впервые охватил и внутренние, и международные разбирательства на территории России, сократил круг споров, которые можно передавать в третейский суд, что унифицировало регулирование, усилило контроль за третейским разбирательством и упростило правоприменение. Реформа закрепила механизмы содействия государственных судов, а именно: обеспечительные меры, содействие в получении доказательств, порядок оспаривания и исполнения решений. Арбитраж встроился в общую судебную систему, но без признания за ним роли самостоятельного правосудия. Закон привел российское регулирование ближе к международным стандартам (в частности, к подходам типового закона ЮНСИТРАЛ), что улучшило репутацию российского арбитража в глазах иностранных контрагентов и способствовало его использованию во внешнеэкономических сделках [9].

Несмотря на очевидные положительные стороны реформы 2015 года, создание ПДАУ стало затрудненным, а перечень и количество арбитрабельных споров кратно уменьшились. В итоге третейское разбирательство окончательно утвердилось как механизм, зависимый от государственных судов. Сокращение свободы сторон в разрешении споров стало закономерным этапом повышения качества и надёжности института арбитража.

Реформа 2016 года так же усилила разрыв между институциональным и не институциональным арбитражем. Так, арбитраж *ad hoc*, создаваемый сторонами для конкретного спора, утратил право рассматривать корпоративные споры, обращаться за содействием в государственный суд и признавать решения окончательными. Это минимизировало случаи, когда под видом арбитража *ad hoc* действовали полноценные учреждения, а для ПДАУ были установлены правила создания и функционирования.

ПДАУ представляет собой подразделение некоммерческой организации, на постоянной основе администрирующее арбитраж. Ключевым последствием стал факт того, что по ст. 239 АПК РФ на решения, администрированные учреждением без статуса ПДАУ, исполнительные листы перестали выдаваться, поскольку такой арбитраж считается сформированным с нарушением процедуры и противоречащий публичному порядку РФ. ПДАУ не является самостоятельным юридическим лицом, его создание при государственных органах, нотариальных и адвокатских палатах запрещено. Права на осуществление функций ПДАУ выдаются решением Минюста России, после чего учреждения публикуются в официальном перечне Минюста. Исключение сделано для МКАС и МАК при ТПП, которым отдельное разрешение не требуется. Наименование ПДАУ не должно содержать слов «арбитражный суд» и «третейский суд» или быть сходным с названиями государственных судов. Признаны могут быть и иностранные арбитражные учреждения, для иностранного ПДАУ требуется широкая зарубежная известность и обособленное подразделение в России, прошедшие соответствующую процедуру. Споры, разрешаемые таким учреждением без статуса ПДАУ, признаются решениями, но приравниваются к решениям *ad hoc*. Решение Совета по совершенствованию третейского разбирательства принимается в течение 15 дней, отказ может быть обжалован в суд.

Процедура создания арбитража *ad hoc* сравнительно проще, но его компетенция ограничена тем, что из его компетенции исключаются споры о создании и управлении юридическим лицом. Однако такие споры разрешаются через ПДАУ в случаях, когда это предусмотрено его правилами. Арбитраж *ad hoc* также лишён права на содействие государственного суда и признания решения окончательным, но по п. 19 ст. 44 может поручить ПДАУ отдельные функции администрирования, что не порождает у него статуса спора, администрируемого ПДАУ.

Российские ПДАУ действуют по правилам, утверждённым Минюстом и опубликованным на их сайтах. Правила могут охватывать международный коммерческий арбитраж, ускоренное производство и специальные виды дел и должны содержать сведения о категориях споров, порядке назначения и отвода арбитров, структуре

учреждения, сборах, распределении расходов и порядке изменения правил, так же проходящих проверку в Минюстt РФ, с размещением на сайте. К арбитрам в ПДАУ предъявляются требования к опыту и учёным степеням. При прекращении деятельности ПДАУ начатые споры рассматриваются без администрирования, а не начатые в порядке *ad hoc* [10].

Решение третейского суда также не имеет возможности прямого исполнения, для взыскания материальной компенсации с проигравшей стороны в недобровольном порядке необходимо получение исполнительного листа государственного суда. Итогом реформы стало упразднение нескольких тысяч третейских судов; статус сохранили лишь шесть российских учреждений и четыре зарубежных. С 01.11.2016 по 31.10.2017 действовал переходный период, когда третейские суды могли продолжать работу независимо от соответствия новым требованиям [11].

Судебная практика иллюстрирует эти подходы. Постановлением АС Московского округа от 06.06.2024 по делу № А40–232404/2023 отказано в исполнительном листе: учреждение без статуса ПДАУ формально рассматривало спор как *ad hoc*, фактически же продолжало администрирование, что признано злоупотреблением правом по ст. 10 ГК и нарушением публичного порядка [12].

Аналогично, в деле № А40–1444455/2020 (постановление АС МО от 16.12.2020) отказано в исполнении решения Арбитражного третейского суда г. Москвы: спор по оговорке 2020 года между российским и казахстанским контрагентами рассматривался «в порядке иностранного арбитража», но учреждение не получило статус ПДАУ в установленном с 2017 года порядке. Постановлением АС Уральского округа от 17.01.2024 № Ф09–9636/2023 третейская оговорка о Межрегиональном арбитражном суде при Центре правовой практики признана неисполнимой из-за отсутствия сведений о нём на сайте Минюста. П. 46 Обзора ВС № 2 (2020) также подтверждает: учреждение, не имеющее статуса ПДАУ и признаков иностранного, не обладает компетенцией на рассмотрение спора (п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК) [13].

ПДАУ прекращает деятельность по решению своей некоммерческой организации или арбитражного суда, или Минюст России при наличии грубых нарушений может выдать предписание о прекращении после предупреждения с месячным сроком устранения. Решения по незавершённым спорам считаются принятыми *ad hoc*.

Подводя итоги нашего исторического анализа, мы можем сделать следующе выводы. Недоверие государства к арбитражу продиктовано историей: контроль и разрешительный порядок нужны для защиты от злоупотреблений, однако существенные требования сужают востребованность и применимость третейского разбирательства в России, несмотря на его очевидные преимущества. Международный коммерческий арбитраж, прежде эффективный благодаря нейтральности, гибкости и исполнимости решений, ныне сталкивается с вызовами: санкции, заморозка активов, визовые и платёжные барьеры усложняют разбирательства и исполнение. Из перспектив дальнейшего развития механизма арбитража возможна дальнейшая деглобализация цепочек поставок, смещение споров в «дружественные» юрисдикции и формирование региональных арбитражных центров. Д. Ю. Яковлев предлагает создать региональную арбитражную инфраструктуру (ЕАЭС, БРИКС+, ШОС) с использованием blockchain, ИИ-ассистентов и смарт-контрактов посредством консорциума арбитражных учреждений МКАС и МАК [14].

Вместе с тем, эффективность признания иностранных решений в России ставится под вопрос в контексте экономического суверенитета. По п. 51 Постановления Пленума ВС РФ противоречие решения публичному порядку РФ — безусловное основание для отказа в исполнительном листе или отмены, проверяемое судом по собственной инициативе.

Реформа привела к формализации и снижению конкуренции, а усиление контроля государства — к снижению использования арбитража, несмотря на его достоинства. Поскольку государство заинтересовано в снижении нагрузки на государственные суды, одним из возможных решений могло быть стать продвижение третейских оговорок в типовых договорах. Что касается международного коммерческого арбитража, где исполнение решений затруднено, создание соответствующих союзов и международных договоров остается вопросом времени.

Сегодня законодательство в сфере международного коммерческого арбитража отличается высокой степенью соответствия международным стандартам: оно позволяет сторонам разрешать споры в нейтральной юрисдикции, а также предусматривает чёткие механизмы исполнения и обжалования решений. При этом внутреннее третейское разбирательство сохраняет диспозитивный характер, но на практике конечно же не способно полностью заменить государственное судопроизводство.

Литература:

1. О третейских судах в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37831/.
2. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Феде-рации: Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/.
5. Мусин В. А. Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации // Третейский суд. 2003 № 2 (26).
6. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П // ИПС «Гарант». — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101671/.
7. Об утверждении Положения о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства: приказ Минюста России от 20.03.2019 № 45 // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/.
8. Курносов А. А. Риски «карманного арбитража» ad hoc: промежуточные итоги реформы третейского разбирательства в России // Вестник кемеровского государственного университета. 2022. № 4 (24).
9. Давыдов Р. Х. Правовой анализ источников правового регулирования международного коммерческого арбитража // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018 № 3 (19).
10. Евсеева Е. А. Правовой статус постоянно действующих арбитражных учреждений // Вестник науки и образования. 2018. № 6 (42).
11. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2020): утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации от 22.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358150/.
12. Решение Арбитражного суда города Москвы от 23.08.2022 по делу № А40–76295/2022 // СудАкт. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/KCHysQDLfgVg/.
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.12.2020 № Ф05–21472/2020 по делу № А40–144455/2020 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=368549#lUjUCNVRSqPvG2HU.
14. Яковлев Д. Ю. Развитие международного коммерческого арбитража в России: конкурентный и геополитический аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2026. № 6.

Пределы осуществления функций содействия государственных судов Российской Федерации третейскому суду

Шадрова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена исследованию пределов осуществления государственным судом функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства. Отправной точкой исследования выступает конституционная основа третейской формы защиты прав: право сторон гражданско-правового спора передавать дело на рассмотрение третейского суда вытекает из части 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому возможность защищать свои права и свободы всеми не запрещёнными законом способами. Вместе с тем, автономия арбитража не исключает государственного контроля: законодатель закрепляет за государственным судом функции содействия (назначение, отвод и прекращение полномочий арбитра, принятие обеспечительных мер, содействие в получении доказательств) и функции контроля (оспаривание и принудительное исполнение решений третейского суда).

На основе анализа норм Закона об арбитраже, Закона о международном коммерческом арбитраже, положений ГПК РФ и АПК РФ, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ автор раскрывает содержание пределов указанных функций по трём направлениям. Во-первых, исследуются границы, устанавливаемые волей сторон: прямые соглашения об исключении судебного назначения арбитра и разрешения вопроса об отводе судом, а также оговорка об окончательности решения, которая влечёт недопустимость его отмены, но не устраняет контроль на стадии выдачи исполнительного листа. Отмечается, что единственным каналом контроля, не поддающимся исключению волеизъявлением сторон, выступает противоречие исполнения решения основам российского права, подлежащее применению в качестве исключительной меры. Во-вторых, рассматриваются процедурные пределы контроля: суд проверяет лишь закрытый перечень оснований (недееспособность стороны, недействительность арбитражного со-

глашения, ненадлежащее уведомление, несоответствие состава суда соглашению, неарбитрабельность спора, противоречие публичному порядку), не пересматривая решение по существу и не переоценивая установленные арбитражем обстоятельства; анализируется стандарт проверки надлежащего уведомления, сформированный в определении Верховного Суда РФ от 14.06.2017 № 305-ЭС17–2111. В-третьих, исследуется международно-правовое измерение признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений: система экзекватуры, действие Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и Европейской конвенции 1961 г., исчерпывающий характер оснований отказа.

Особое внимание уделяется дискуссии о соотношении третейского соглашения с конституционным правом на судебную защиту: с опорой на позицию А. В. Кузьмина и правовые позиции Конституционного Суда РФ обосновывается вывод о том, что ограничение контроля посредством оговорки об окончательности допустимо лишь до предела, за которым государственная проверка процедурной чистоты разбирательства оказывается невозможной, а возражения против выдачи исполнительного листа не могут считаться равноценной заменой судебного разбирательства.

Сформулирован вывод о том, что пределы функций содействия и контроля государственного суда образуют три взаимосвязанных барьера — волю сторон, закрытый перечень оснований проверки без пересмотра по существу и международные договоры с исчерпывающими основаниями отказа. Государственный суд контролирует третейское разбирательство, но не подменяет его. Такой баланс обеспечивает сохранение скорости третейского судопроизводства при неутраченности государственного контроля, препятствующего злоупотреблениям правами со стороны экономических субъектов и обеспечивающего интересы сторон разбирательства.

Ключевые слова: *третейское разбирательство, арбитраж, функции содействия и контроля государственного суда, оговорка об окончательности, оспаривание решения третейского суда, исполнительный лист, обеспечительные меры, публичный порядок, Нью-Йоркская конвенция 1958, экзекватура.*

The limits of state courts of the Russian Federation assisting arbitral tribunals

The article examines the limits of the exercise by state courts of their functions of assistance and control in relation to arbitration proceedings. The starting point of the study is the constitutional foundation of arbitration as a form of legal protection: the right of the parties to a civil-law dispute to submit the case to an arbitral tribunal derives from Part 2 of Article 45 of the Constitution of the Russian Federation, which guarantees everyone the opportunity to defend their rights and freedoms by all means not prohibited by law. At the same time, the autonomy of arbitration does not preclude state control: the legislator vests state courts with functions of assistance (appointment, challenge and termination of the powers of an arbitrator, the adoption of interim measures, assistance in obtaining evidence) and functions of control (setting aside and enforcement of arbitral awards).

Based on an analysis of the provisions of the Law on Arbitration, the Law on International Commercial Arbitration, the Civil Procedure Code and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, as well as the legal positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, the author reveals the content of the limits of these functions in three directions. First, the boundaries established by the will of the parties are examined: direct agreements excluding the court appointment of an arbitrator and the resolution of a challenge by the court, as well as the finality clause, which precludes the setting aside of an award but does not eliminate control at the stage of issuance of a writ of execution. It is noted that the only channel of control that cannot be excluded by the will of the parties is the inconsistency of the enforcement of the award with the fundamentals of Russian law, which is to be applied as an exceptional measure. Second, the procedural limits of control are considered: the court examines only an exhaustive list of grounds (incapacity of a party, invalidity of the arbitration agreement, improper notification, inconsistency of the composition of the tribunal with the agreement, non-arbitrability of the dispute, contrariety to public policy), without reviewing the award on the merits and without reassessing the facts established by the arbitral tribunal; the standard of verification of proper notification, formulated in the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ЭС17–2111 of 14.06.2017, is analyzed. Third, the international legal dimension of the recognition and enforcement of foreign arbitral awards is explored: the exequatur system, the operation of the 1958 New York Convention and the 1961 European Convention, and the exhaustive nature of the grounds for refusal.

Special attention is given to the debate on the correlation between an arbitration agreement and the constitutional right to judicial protection: drawing on the position of A. V. Kuzmin and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author substantiates the conclusion that the limitation of control by means of a finality clause is permissible only up to the threshold beyond which state verification of the procedural regularity of the proceedings becomes impossible, and objections against the issuance of a writ of execution cannot be regarded as an equivalent substitute for judicial proceedings.

The article concludes that the limits of the functions of assistance and control of state courts form three interrelated barriers: the will of the parties, an exhaustive list of grounds for review without consideration on the merits, and international treaties providing for exhaustive grounds for refusal. The state court controls arbitration proceedings but does not supplant them. This balance preserves the speed of arbitral proceedings while maintaining state control, which prevents abuses of rights by economic entities and safeguards the interests of the parties to the proceedings.

Keywords: *arbitration proceedings, arbitration, functions of assistance and control of state courts, finality clause, setting aside of an arbitral award, writ of execution, interim measures, public policy, 1958 New York Convention, exequatur.*

Право сторон гражданско-правового спора прибегать к альтернативным способам его урегулирования, включая передачу дела на рассмотрение третейского суда (арбитраж), вытекает из части 2 статьи 45 Конституции РФ, гарантирующей каждому возможность защищать свои права и свободы любыми не запрещёнными законом средствами [1].

Однако свобода выбора третейского разбирательства не означает полное отсутствие контроля за третейский разбирательством со стороны государства, в целях того, чтобы арбитраж оставался в рамках закона, за государственным судом закреплены функции содействия и контроля. Контроль при этом осуществляется через возможность оспаривания решения и возможности его исполнения. В данных процедурах суд исследует доказательства и возражения, но не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, и пересматривать решение по существу (ч. 4 ст. 238 Арбитражного процессуального кодекса (далее — АПК РФ) [2].

Судебный контроль по общему правилу возникает только там, где арбитражное соглашение не содержит оговорки об окончательности решения. Даже при наличии оговорки об окончательности арбитражного решения за судом сохраняется право отказать в выдаче исполнительного листа, если его исполнение противоречит основам российского права. Данное основание представляет собой единственный механизм судебного контроля, который не может быть исключён волеизъявлением сторон, вследствие чего он должен применяться лишь в качестве исключительной меры, а не использоваться для регулярного пересмотра решений третейского суда.

Если стороны заранее договорились, что решение является окончательным, институт его отмены к ним неприменим. Государственный суд в этом случае может влиять только на решение о выдаче исполнительного листа. Тем самым границы контроля определяются не усмотрением суда, а волей сторон, и Конституционный Суд в определении № 754-О от 01.06.2010 подтвердил, что такой добровольный отказ от оспаривания не лишает права на судебную защиту, поскольку функции контроля переходят на стадию выдачи исполнительного листа [3].

При этом некоторые ученые рассматривают третейское соглашение в качестве ограничения права на судопроизводство. Как отмечает А. В. Кузьмин, «право на суд не является абсолютным и может быть ограничено соглашением о третейском разбирательстве», аналогичный подход выражен и в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Указанные позиции задают верхнюю границу судебного контроля: он сохраняется, однако сводится к проверке законности. Вместе с тем, в рамках таких пределов сохраняется функциональный недостаток: возражения против выдачи исполнительного листа не тождественны судебному разбирательству, поскольку спор по существу не рассматривается, а ошибка, допущенная арбитром, остаётся неисправимой. Таким образом, при существенном нарушении закона арбитражем возможность отмены его решения представляется необходимой. Следовательно, ограничение контроля посредством оговорки об окончательности допустимо лишь до предела, за которым государственная проверка процедурной чистоты разбирательства оказывается невозможной.

В процедуре оспаривания решения третейского суда суд не пересматривает спор по существу, не оценивает законность и обоснованность решения третейского суда и не переоценивает установленные им обстоятельства. Отсюда и терминология: «оспаривание», а не «обжалование». Суд выступает контролёром законности арбитражной процедуры, но при этом не выполняет функции так называемой второй инстанции над арбитражем.

При решении вопроса об оспаривании решения третейского суда, государственный суд проверяет лишь исчерпывающий перечень фактов: недееспособность стороны, недействительность арбитражного соглашения, ненадлежащее уведомление, несоответствие состава суда соглашению, компетентность арбитража, неарбитрабельность спора и противоречие публичному порядку РФ. Бремя обоснования наличия оснований из данного перечня лежит на стороне, заявитель обязан самостоятельно подтвердить доказательствами данные факты в заявлении [4].

Суд при оценке обстоятельств арбитражного дела на предмет неуведомления стороны спора, проверяет не факт получения стороной уведомления, а факт того, что сторона совершила все, зависящие от нее действия. Критерии проверки решения арбитража на предмет ненадлежащего уведомления определяются позицией Верховного Суда в определении № 305-ЭС17–2111 от 14.06.2017. А именно, если истец направил иск по адресу, указанному ответчиком в договоре, уведомление считается надлежащим, если же в причинах неуведомления ответчика усматривается вина самого ответчика, уведомление так же считается надлежащим, а основание для отмены решения арбитража исчерпывается. Иллюстрацией фактической отмены арбитражного решения на основании ненадлежащего уведомления является решение Бутырского районного суда Москвы от 02.10.2023 по делу № 02–4014/2023, по которому третейское решение было отменено, поскольку ответчик вообще был лишён возможности заявить возражения [5].

Государственный суд так же может содействовать сторонам арбитража в процессе его производства, не подменяя арбитраж производством в государственном суде, но помогая в разрешении дела там, где возможности государственного суда шире.

Суд не осуществляет функции по назначению арбитра, если между сторонами арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, достигнуто прямое соглашение об исключении вомож-ности назначения арбитра судом, а также если соглашение сторон (в том числе применимые правила арбитража) предусматривает иные способы назначения арбитра [6].

Суд рассматривает отвод и прекращение полномочий арбитра только в случаях, когда заявление уже было отклонено по арбитражной процедуре и процессуальные требования были соблюдены. Прямое соглашение, исключающее решение вопроса об отводе судом, влечёт прекращение производства по абз. 2 ст. 220 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ. Для удовлетворения заявлений об отводе, назначении или прекращении полномочий арбитра требуется совокупность соблюдённой процедуры, установленная сторонами или законом, а также основания, предусмотренные федеральным законом.

Исходя из положений Закона об арбитраже, а также Закона о международном коммерческом арбитраже, абзаца второго статьи 220 ГПК РФ, пункта 1 части 1 статьи 150 АПК РФ, суд прекращает производство по заявлению об отводе арбитра, если сторонами арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, заключено прямое соглашение, исключающее разрешение вопроса об отводе арбитра судом.

Обеспечительные меры принимаются в соответствии нормами Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) [7] и АПК РФ, помимо обоснованности, соразмерности и исполнимости решения, суд проверяет действительность арбитражного соглашения и арбитрабельность спора.

Суд также может принять решение об обеспечительных мерах по заявлению стороны третейского разбирательства по общим правилам, предусмотренным нормами ГПК РФ, АПК РФ, с учетом особенностей процедуры третейского разбирательства, основанного на арбитражном соглашении. Помимо оценки обоснованности заявления о необходимости принятия испрашиваемых обеспечительных мер и их соразмерности заявленному в третейский суд требованию, а также возможности обеспечения исполнения решения третейского суда, суд проверяет действительность и исполнимость арбитражного соглашения, допустимость передачи возникшего между сторонами спора на разрешение третейского суда. Обеспечительные меры могут быть приняты судом в отношении третейского разбирательства с местом арбитража как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами.

Третейский суд, администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением, в том числе иностранным арбитражным учреждением, получивший в соответствии со статьей 44 Закона об арбитраже право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, вправе обратиться с запросом о содействии в получении доказательств в соответствии с частью 1 статьи 63.1 ГПК РФ, частью 1 статьи 74.1 АПК РФ для получения письменных доказательств, вещественных доказательств, иных документов и материалов, предусмотренных статьями 71, 73 и 77 ГПК РФ, статьями 75, 76 и 89 АПК РФ. Содействие третейскому суду в получении доказательств осуществляется судом в пределах запроса третейского суда [8].

Суд отказывает в исполнении запроса третейского суда о содействии в получении доказательств, если запрос направлен для получения доказательств, не предусмотренных гражданским процессуальным законодательством, исполнение запроса может нарушить права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в третейском разбирательстве, запрос вынесен не по экономическому спору, запрос позволяет обеспечить доступ к информации, составляющей государственную тайну.

К третейскому разбирательству прибегают не только юридические лица, но и государства, а также организации из разных стран. При отсутствии добровольного исполнения за рубежом принудительное исполнение арбитражного решения требует специальных механизмов. Вопрос о признании и исполнении регулируется международными соглашениями и национальным законодательством РФ [9].

Главное преимущество международного коммерческого арбитража — наличие системы признания и принудительного исполнения решений за рубежом. Существуют два подхода: в странах общего права арбитражное решение трансформируется в судебное, а в России применяется система экзекватуры — решение исполняется напрямую через исполнительный лист без его преобразования в судебный акт.

Признание и исполнение регулируются международными соглашениями и национальным законодательством. В РФ действуют Закон о МКА, Нью-Йоркская конвенция 1958 г. и Европейская конвенция 1961 г. [10]

Нью-Йоркская конвенция 1958 г. применяется к арбитражным решениям, вынесенным на территории другого государства, а также к решениям, не считающимся внутренними в стране исполнения (ст. I). Каждое государство-участник признаёт такие решения обязательными и исполняет по своим процессуальным нормам. Условия и пошлины не могут быть более обременительными, чем для внутренних арбитражных решений (ст. III) [11].

Основания для отказа в признании и исполнении иностранных арбитражных решений по Нью-Йоркской конвенции 1958 г. — исчерпывающие, не подлежат расширительному толкованию и делятся на две группы: по заявлению стороны и по инициативе суда [12].

Применительно к первой группе оснований в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения может быть отказано по основаниям, указанным в главе, посвященной отмене решения третейского суда.

Соглашением стран СНГ и вовсе предусмотрено представление сведений о законодательстве страны — члена Содружества по запросу, а также обмен практикой при-

менения законодательства. Соглашением также предусмотрены правила применения законодательства одного государства — ч лена Содружества на территории другого [13].

Осуществляя свои полномочия в сфере судопроизводства, суды и правоохранительные органы руководствуются не только внутренним законодательством, но и международными договорами РФ, а также признанными Россией международно-правовыми нормами. Это обусловлено прежде всего тем, что согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ они являются составной частью российской правовой системы. Кроме того, пункт 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» предписывает их непосредственное действие на территории РФ.

Государственные органы наделены полномочиями применять Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, различные универсальные и региональные конвенции по вопросам обеспечения и защиты прав и свобод человека, а также многосторонние и двусторонние договоры о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. В соответствующих ситуациях также подлежат соблюдению Венская конвенция о дипломатических сношениях, Венская конвенция о консульских сношениях и иные международно-правовые акты схожей предметной направленности [14].

Для исполнения решения третейского суда, принятого на территории РФ, выигравшая сторона должна подать соответствующее заявление, содержащее данные, позволяющие его идентифицировать. Заявление рассматривается по правилам первой инстанции, при том не рассматривая предмет третейского спора по существу.

В признании и приведении в исполнение решения третейского суда на территории Российской Федерации отказывается, если решение не вступило в законную силу, в отсутствие надлежащего извещения стороны, если спор входит в исключительную компетенцию Российской Федерации или в Российской Федерации уже есть решение по аналогичному спору с теми же сторонами, которое вступило в законную силу, истек срок давности приведения решения иностранного суда к принудительному исполнению и этот срок не восстановлен соответствующим судом или же исполнение решения иностранного суда противоречило бы публичному порядку Российской Федерации.

Арбитражное решение (решение третейского суда) подлежит немедленному исполнению сторонами, если в нем не установлен иной срок исполнения. При подаче стороной в компетентный суд заявления в письменной форме арбитражное решение принудительно приводится в исполнение путем выдачи исполнительного листа.

Примером содействия суда в исполнении решения третейского суда может служить дело Арбитражного суда Новосибирской области. Так, в суд поступило заявление общества с ограниченной ответственностью «Сибирская продовольственная компания» к обществу с ограниченной ответственностью «Аниса» о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения постоянно действующего Сибирского третейского суда при АНО «Центр арбитражного разбирательства» по третейскому делу № 5055-СТС/СА, принятому по иску о расторжении соглашения о задолженности и взыскании задолженности по договору поставки, неустойки, возмещении третейского сбора.

Определением Арбитражного суда Новосибирской области заявление ООО «СПК» удовлетворено, выдан исполнительный лист на принудительное исполнение решения постоянно действующего Сибирского третейского суда при АНО «Центр арбитражного разбирательства» по третейскому делу № 5055-СТС/СА, о расторжении соглашения о задолженности и взыскании задолженности по договору поставки [15].

Неисполнение должником решения третейского суда и явилось основанием для обращения заявителя в арбитражный суд. Удовлетворяя заявление, суд исходил из того, что решение третейского суда в добровольном порядке не исполнено, основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, предусмотренные статьей 239 АПК РФ, отсутствуют.

Как ранее было упомянуто, ст. 238 АПК РФ предусматривает порядок рассмотрения в судебном заседании заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие оснований для отказа в выдаче исполнительного листа, предусмотренных статьей 239 АПК РФ, путем исследования представленных в суд доказательств, обоснования заявленных требований и возражений, но не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать решение третейского суда по существу (часть 4 статьи 238 АПК РФ).

Государственные суды контролируют третейские суды через оспаривание и исполнение их решений. Третейский суд не является государственным органом и может требовать действий только от участников арбитражного соглашения. Согласно статье 30 Закона «Об арбитраже» при необходимости истребования доказательств или их обеспечения он обращается за содействием в государственный суд [16].

Третейский суд не может обязывать третьих лиц — применять привод к свидетелю или направлять судебные запросы в государственные органы. Поэтому за содействием в обеспечении и истребовании доказательств он обращается в государственный суд.

Заявление об отводе третейского судьи подлежит удовлетворению судом при совокупности соблюдения процедуры отвода третейского судьи, установленной сторонами или федеральным законом и в соответствии с которой вопрос об отводе судьи передан на разрешение

суда; имеются основания для отвода третейского судьи, установленные федеральным законом.

Заявление же о назначении третейского судьи подлежит удовлетворению судом при совокупности соблюдения процедуры назначения третейского судьи, установленной сторонами или федеральным законом и в соответствии с которой вопрос о назначении третейского судьи передан на разрешение суда; представление суду сведений, необходимых в соответствии с федеральным законом для решения вопроса о назначении третейского судьи в порядке, установленном федеральным законом.

Заявление о прекращении полномочий третейского судьи подлежит удовлетворению при совокупности соблюдения процедуры прекращения полномочий третейского судьи, установленной сторонами или федеральным законом и в соответствии с которой вопрос о прекращении полномочий передан на разрешение суда; наличия оснований для прекращения полномочий третейского судьи, установленных федеральным законом.

Если решение третейского суда отменено не из-за судебной ошибки, а из-за невозможности третейского разбирательства, стороны могут обратиться в государственный суд по общим правилам, либо повторно в третейский суд, если такая возможность сохранена.

Определение об оспаривании обжалуется в кассационную инстанцию. Все участники третейского разбирательства, включая лиц, чьи права затронуты решением, привлекаются к рассмотрению заявления [17].

Пределы функций содействия и контроля, представляющие собой три столпа: воля сторон, направленная на заключение прямых соглашений, исключающих судебное назначение арбитра, судебный отвод, оговорку об окончательности решения, основания отмены арбитражного решения государственным судом с учетом отсутствия полномочий по пересмотру по существу и переоценки доказательств и международные договоры, предусматривающие исчерпывающие основания отказа. Таким образом государственный суд контролирует третейский суд, но не выступает заменой арбитража. Именно такой баланс, сохраняет скорость третейского судопроизводства, при этом не утрачивается государственный контроль, препятствующий злоупотреблениям правами экономическими субъектами и обеспечивающий интересы сторон разбирательства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Газпром экспорт» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 40 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пунктом 1 части 1 статьи 150 и частью 1 статьи 230 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 01.06.2010 № 754-О // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102294/.
4. О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 № 53 // https://www.vsrf.ru/documents/own/28587/.
5. Определение Бутырского районного суда города Москвы от 02 октября 2023 года по делу № 02–4014/2023 // https://mos-gorsud.ru/rs/butyrskij/cases/docs/content/70d7a430–9854–11ef-9926–372eb70ca012.
6. Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
8. Федоренко Н. В., Григорянц С. А., Лахнова А. С. О некоторых аспектах взаимодействия арбитражных и третейских судов (арбитражей) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 4 (107).
9. Каламова Ю. Б. Исполнение третейского решения как альтернативная гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2020.
10. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2692/.
11. Стригунова Д. П. Международное частное право. М., 2024.
12. Лагутин Л. А., Безбородов Ю. С. Международное право. М., 2023.
13. О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: Соглашение стран СНГ от 20.03.1992 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1597/.
14. Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. Международное право. М., 2023.

15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.09.2018 по делу № А45–25517/2016 года // СудАкт. — https://sudact.ru/arbitral/doc/8SHAQsbn8gWs/.
16. Клюева Е. К. Осуществление государственными судами функций содействия в отношении третейских судов: значение и проблемы применения // Отечественная юриспруденция. 2019. № 3 (35).
17. Савенков В. В., Андрейченко Г. С., Иванов И. И., Бреус М. Н. Порядок и основания оспаривания решений третейских судов // Столыпинский вестник. 2020. № (2).

Обеспечение жильем детей-сирот: проблемы реализации статьи 8 Федерального закона № 159-ФЗ в регионах

Шама Мария Сергеевна, студент;
Окорочков Михаил Сергеевич, студент
Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Право на жилище относится к числу основных социально-экономических прав человека и закреплено в статье 40 Конституции РФ [1]. Для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, эта гарантия имеет особое значение: без семейной поддержки возрастает риск жилищной неустроенности, поэтому обеспечение жильём служит не только имущественной мерой социальной поддержки, но и условием социальной адаптации данной категории граждан.

Формальное закрепление права в федеральном законодательстве не обеспечивает его своевременного осуществления: реализация зависит от ведения региональных списков, финансирования, закупки или строительства жилья и согласованности работы органов исполнительной власти и органов опеки и попечительства. Именно на последние Семейный кодекс РФ возлагает защиту прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей [3]. Различия в административных процедурах и бюджетных возможностях субъектов РФ приводят к неодинаковым срокам ожидания и спорам, что актуализирует обозначенную тематику. Проблемы реализации жилищных прав данной категории лиц становятся предметом научного анализа [15].

Противоречие между социальной целью государственной гарантии и трудностями её фактического исполнения определяет цель настоящей статьи — выявить основные проблемы применения статьи 8 Федерального закона № 159-ФЗ в регионах и предложить меры по совершенствованию соответствующего механизма. Для этого необходимо проанализировать нормативную основу, обобщить разъяснения Верховного Суда РФ и типичные судебные дела, сопоставить научные подходы и сформулировать предложения правового и организационного характера. Начать целесообразно с нормативной основы обеспечения жильём детей-сирот.

Ключевым актом, определяющим дополнительные гарантии социальной поддержки этой категории лиц, является Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее — Закон № 159-ФЗ) [4]. Статья 8 этого Закона регламентирует порядок жилищного обеспечения указанных лиц: им однократно предоставляется благоустроенное жилое помещение специализированного жилищного фонда по договору найма специализированного жилого помещения. Право на его получение возникает у тех, кто не является нанимателем (членом семьи нанимателя) по договору социального найма или собственником жилого помещения, а также у лиц, чьё проживание в ранее занимаемом помещении признано невозможным. Особенности правового статуса лиц из числа детей-сирот, обладающих таким правом, рассматриваются в научной литературе [19].

Организационную основу реализации этой гарантии образует список граждан, подлежащих обеспечению жильём. Пунктом 3 статьи 8 предусмотрено его ведение субъектом РФ: включение производится, как правило, с 14 лет, а предоставление жилья — по письменному заявлению по достижении 18 лет либо ранее, при приобретении полной дееспособности. Порядок формирования и актуализации списка определён постановлением Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. № 397 [5].

Данный механизм дополняют нормы Жилищного кодекса РФ: статьи 92 и 98.1 относят соответствующие помещения к специализированному жилищному фонду, статья 109.1 отсылает к федеральному и региональному законодательству [2]. По истечении срока найма и при соблюдении предусмотренных условий возможно заключение договора социального найма. Первоначальное предоставление специализированного жилья, таким образом, выступает этапом правовой модели, а не её конечной целью [14]. Вместе с тем на практике реализация этой модели сталкивается с рядом проблем, которые проявляются прежде всего на региональном уровне. Рассмотрим основные из них.

Наиболее заметной проблемой остаётся продолжительное ожидание жилья после включения в список. Федеральный закон устанавливает материальную гарантию, но её фактическое исполнение требует планирования закупок, определения потребности, заключения контрактов и контроля качества. Если регион ежегодно предоставляет меньше

помещений, чем требуется для обеспечения лиц, достигших возраста предоставления жилья, формируется накопленная очередь. Такая ситуация особенно неблагоприятна для молодых людей, которым одновременно необходимо получать образование, трудоустраиваться и самостоятельно решать бытовые вопросы. Проблема социального отчуждения детей-сирот в сфере решения жилищных вопросов, усугубляемая длительным ожиданием жилья, также становится предметом научных исследований [17].

Помимо длительного ожидания, на реализацию права влияют трудности на предшествующем этапе — при включении граждан в список и взаимодействии участвующих в этом процессе органов. Вторая проблема связана с формированием списка и своевременной подачей документов. Закон предусматривает участие органов опеки и попечительства в контроле за своевременным обращением законных представителей. Однако несовершеннолетний не должен нести неблагоприятные последствия бездействия взрослых или публичных органов. Риск особенно высок, если человек длительное время находится в учреждении социального обслуживания, имеет ограничения здоровья либо не располагает информацией о порядке реализации права. Проблема несвоевременного включения в список выделяется и в современной научной литературе [13]. Значение государственного контроля за соблюдением жилищных прав данной категории лиц подчёркивается в работах, посвящённых этому вопросу [18].

Отдельная группа проблем обусловлена тем, что основания признания проживания в ранее занимаемом помещении невозможным определяются не только федеральным, но и региональным законодательством. Статья 8 Закона № 159-ФЗ закрепляет федеральный перечень оснований, при наличии которых проживание лиц из числа детей-сирот в ранее занимаемом жилом помещении признаётся невозможным, но допускает установление субъектами РФ дополнительных обстоятельств, при которых такое проживание также признаётся невозможным. Верховный Суд РФ подтвердил, что право на обеспечение жильём возникает при установлении любого из обстоятельств, с которым законодательство Российской Федерации или субъекта РФ связывает этот факт [6]. Подобная конструкция позволяет учитывать местные условия, однако одновременно создаёт риск различий в объёме защиты: одинаковые по существу жизненные обстоятельства могут получать неодинаковую правовую оценку в зависимости от регионального регулирования. Наиболее чувствительны ситуации совместного проживания с лицами, не являющимися членами семьи, конфликтных отношений внутри семьи, а также наличия у гражданина доли в праве на помещение, которое фактически не обеспечивает безопасного и самостоятельного проживания. Региональную дифференциацию процедур признания проживания невозможным как самостоятельную проблему выделяют и современные исследователи [13]. Преодолению таких различий способствовала бы унификация критериев признания проживания невозможным, а недостатки действующего регулирования и возможные направления его совершенствования рассматриваются в литературе [16].

Самостоятельное значение имеет и проблема качества предоставляемых жилых помещений. Обязанность по обеспечению жильём не исчерпывается заключением договора найма специализированного жилого помещения: по разъяснению Верховного Суда РФ, она не может быть признана исполненной надлежащим образом, если предоставленные помещения не отвечают требованиям, предъявляемым к ним законодательством [12]. Поэтому региональная отчётность не должна ограничиваться количеством выданных ключей или заключённых договоров: необходимы независимая проверка качества жилых помещений до их предоставления, возможность оперативного устранения недостатков и ответственность за приобретение жилья, не соответствующего обязательным требованиям. При закупках особое значение имеют техническое обследование объекта и проверка соответствия проектной документации.

Выявленные проблемы находят отражение в судебной практике, которая позволяет оценить подходы, сформировавшиеся при применении статьи 8. Верховный Суд РФ обобщил практику по данной категории дел в Обзоре, утверждённом Президиумом 23 декабря 2020 г. [6]. Ранее аналогичное обобщение было утверждено Президиумом Верховного Суда РФ 20 ноября 2013 г. [7]. В Обзоре 2020 г. отражены споры о включении в список, признании невозможности проживания в прежнем помещении, смене места жительства, восстановлении в списке и качестве предоставленного жилья. Обзор не является постановлением Пленума, однако содержит важные ориентиры для единообразного применения статьи 8 Закона № 159-ФЗ.

На практике значимым предметом споров остаётся нуждаемость лица в обеспечении жильём: при решении вопроса о включении в список органы нередко исходят из формальных обстоятельств, таких как проживание в помещении родственников или имущественные перспективы заявителя. Показательно в этом отношении определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 октября 2018 г. № 41-КГ18–36 [8]. Заявителю отказали во включении в список, поскольку он проживал в квартире сестры и, по мнению органов, был обеспечен площадью выше учётной нормы; дополнительно учитывалась потенциальная возможность наследования земельных участков родителей. Верховный Суд указал, что право пользования квартирой сестры само по себе не означает, что заявитель является собственником жилья или нанимателем по договору социального найма. Возможность наследовать земельные участки также не является предусмотренным статьёй 8 Закона № 159-ФЗ основанием для отказа. Апелляционное определение было отменено, а решение первой инстанции о включении в список оставлено в силе.

Другая группа споров связана с пропуском срока постановки на учёт, который нередко обусловлен обстоятельствами, не зависящими от самого гражданина. Так, в деле,

разрешённом определением Верховного Суда РФ от 15 сентября 2020 г. № 16-КГ20–9-К4, гражданка не была своевременно поставлена на жилищный учёт, в том числе из-за состояния здоровья и длительного пребывания в учреждении социального обслуживания [9]. Верховный Суд подчеркнул необходимость оценивать причины пропуска срока и учитывать, могли ли органы опеки и другие ответственные лица обеспечить защиту её прав. Бездействие законных представителей в период, когда гражданка не могла самостоятельно защищать свои интересы, не должно автоматически вменяться ей в вину. Тем самым подтверждается значение индивидуальной оценки обстоятельств и недопустимость исключительно формального подхода к срокам.

Не менее значимой является проблема ссылок на очередность как основание отложить исполнение обязанности по предоставлению жилья. В споре о предоставлении жилья в Волгоградской области, рассмотренном определением Верховного Суда РФ от 8 декабря 2020 г. № 16-КГ20–25-К4, нижестоящие суды использовали формулировку о предоставлении помещения «в порядке очередности» [10]. Верховный Суд обратил внимание, что федеральное и региональное законодательство не предусматривают обычную очередность как основание для отложения исполнения возникшей обязанности. Дело было направлено на новое рассмотрение. Этот подход важен для ситуаций, когда ссылки на очередь фактически подменяют исполнение установленной законом гарантии.

Отдельный блок проблем возникает при смене гражданином места жительства. В деле, разрешённом определением Верховного Суда РФ от 11 августа 2020 г. № 4-КГ20–25-К1, гражданин был включён в список в Оренбургской области, затем переехал в Московскую область и был исключён из прежнего списка, но получил отказ во включении в новом регионе [11]. Верховный Суд указал, что смена места жительства не может сама по себе лишать человека права на предоставление жилья. Публичные обязательства по социальной поддержке не должны зависеть от реализации гражданином конституционного права свободно выбирать место жительства. Судебный акт демонстрирует необходимость согласованной передачи сведений между регионами.

Анализ судебной практики показывает, что нарушение права зачастую вызвано не отсутствием нормы, а ненадлежащим администрированием и формальным применением критериев. К сходному выводу о необходимости комплексного подхода, который объединяет ответственность уполномоченных лиц, унификацию процедур и социальное сопровождение, приходят и исследователи [13].

Таким образом, анализ статьи 8 Федерального закона № 159-ФЗ и судебной практики позволяет сделать вывод, что ключевая проблема обеспечения жильём детей-сирот заключается не столько в отсутствии правовой гарантии, сколько в недостаточной эффективности механизма её реализации. Наиболее характерны длительное ожидание, нарушения при включении в список и его актуализации, различия региональных процедур, сложности при переезде и предоставление помещений ненадлежащего качества.

Правовые позиции Верховного Суда РФ подтверждают, что право на жильё нельзя ограничивать исключительно формальными обстоятельствами: проживание в квартире родственника, потенциальное наследование имущества или смена места жительства сами по себе не заменяют проверку условий, предусмотренных законом. Одновременно судебная практика требует индивидуальной оценки причин пропуска сроков и реальной пригодности предоставленного помещения.

Совершенствование механизма реализации статьи 8 Закона № 159-ФЗ требует комплексного подхода: закрепления ответственности уполномоченных лиц за своевременное включение граждан в список, унификации региональных критериев признания проживания невозможным, независимого контроля качества предоставляемых помещений и социального сопровождения лиц из числа детей-сирот.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. по состоянию на 27.10.2026) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14. Официальный текст: http://pravo.gov.ru
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. по состоянию на 27.10.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16. Официальный текст: http://pravo.gov.ru
4. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 52. Ст. 5880. Текст: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/
5. Постановление Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. № 397 «О формировании списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями» // Официальный интернет-портал правовой информации: http://pravo.gov.ru
6. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помеще-

ниями (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2020 г.) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/29526
7. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 ноября 2013 г.) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/15125
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 октября 2018 г. № 41-КГ18–36 // Обзор практики, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371984/
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 сентября 2020 г. № 16-КГ20–9-К4 // Обзор практики, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371984/
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 декабря 2020 г. № 16-КГ20–25-К4 // Обзор практики, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371984/
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 августа 2020 г. № 4-КГ20–25-К1 // Обзор практики, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371984/
12. Материалы судебной практики Верховного Суда Республики Бурятия по делу о предоставлении пригодного для проживания жилья взамен квартир в аварийном доме // Обзор практики, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371984/
13. Багинова А. Ю., Захарова О. Н. Реализация жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: проблемы и пути их решения // Global and Regional Research. 2026. Т. 8, № 3. С. 24–30. URL: https://grr-bgu.ru/reader/article.aspx?id=28150
14. Куцина С. И. Жилищное право Российской Федерации: учебное пособие. М.: РИОР, 2014. 356 с.
15. Лаврищева О. А. Современные проблемы реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 82–86.
16. Масленникова Л. В., Петрушина Ю. К. Правовое регулирование обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: актуальные проблемы и возможные пути их решения // Управление социально-экономическими системами: проблемы, закономерности, перспективы. Пенза, 2017. С. 44–47.
17. Муфтахова А. Н., Кукушкина С. А. Социальное отчуждение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в сфере решения жилищных вопросов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 457–461.
18. Неганова Е. Н. Жилищные права детей-сирот под контролем государства // ЭЖ-Юрист. 2015. № 23. С. 5.
19. Татаринцева Е. А. Особенности правового статуса лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 90–101.

Особенности и сущность правовых основ банковского законодательства

Шашлов Евгений Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проведен анализ основ банковского законодательства России, определены четыре ключевые особенности отрасли права. Рассмотрены три основных законодательных риска. Предложена двухконтурная модель Банковского кодекса и модель адаптации закона «О цифровых валютах и цифровых правах».

Ключевые слова: *банковское законодательство, банковский кодекс, цифровые валюты, цифровые права, регулятор.*

The features and essence of the legal foundations of banking legislation.

Shashlov Yevgeny Aleksandrovich, master's degree student
Moscow University of Finance and Law

The article analyzes the foundations of Russian banking legislation and identifies 4 key features of the law. Three main legislative risks are considered. A two-circuit model of the Banking Code and a model for adapting the law «On digital currencies and digital rights» are proposed.

Keywords: *banking legislation, Banking Code, digital currencies, digital rights, regulator.*

Российское банковское законодательство сформировалось как разветвленная совокупность норм конституционного, финансового, гражданского, административного, уголовного и процессуального права, усиленная массивом подзаконных актов Банка России. Однако анализ банковского законодательства выявляет его системные неэффективности, а именно: фрагментация источников, дублирование требований, сложности правоприменения. Отсутствие Банковского кодекса создает дисбаланс между публично-правовым и частноправовым сегментами регулирования.

Выделим три ключевых тезиса, которые, на мой взгляд, являются ключевыми при анализе сущности правовых основ банковского законодательства:

1. Банковское законодательство сегодня — это публично-правовая триада: финансовая стабильность, финансовый мониторинг, пруденциальный надзор; триада внедрена в гражданско-правовые схемы (кредит, счет, гарантии, платеж), где Банк России выступает как нормотворец, арбитр стандарта и технологический интегратор. Правовые основы приобретают черты «lex technica» (право, опосредованное технологиями): норма уже не только «что делать», но и «как делать» (применительно в ИТ-смарт-процессах).

2. Требуется кодификация банковского законодательства. Допустимой для России является двухконтурная модель Банковского кодекса: стабильный кодекс регулирования плюс прогрессивный регуляторный уровень Банка России с нормами и конституционными регуляторными основами и разъяснениями.

3. Внедрение Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» сталкивается с проблемами разграничения режимов рубля, цифровых финансовых активов и цифровых валют. Ключевой риск — это несовпадение финансово-пруденциальных, гражданско-правовых и ПОД/ФТ-требований, что без кодификационного «якоря» усилит регуляторную фрагментацию.

Рассмотрим подробнее. Банковское законодательство — это не набор разрозненных актов, а многоуровневая архитектура, где:

— Конституционный уровень задает монетарную основу;

— базовые федеральные законы описывают институты: о Центральном банке РФ (№ 86-ФЗ), о банках и банковской деятельности (№ 395–1), о национальной платежной системе (№ 161-ФЗ), о противодействии легализации (№ 115-ФЗ), о страховании вкладов (№ 177-ФЗ), антимонопольное законодательство, гражданско-правовые нормы об обязательствах и банковских гарантиях;

— подзаконный уровень: указы Президента, постановления правительства, нормативные акты Банка России (инструкции, положения, указания);

— судебная практика;

— международные стандарты права: Базельский стандарт (капитал, ликвидность, управление рисками, криптоэкспозиции), FATF (ПОД/ФТ), CPMI-IOSCO (финансовые инфраструктуры), рынки, которые Центробанк инкорпорирует в подзаконные акты.

Эта архитектура формирует отрасль функциональной регуляции: пруденциальные и поведенческие требования адресуются не только банкам, но и другим участникам финансовой системы (профучастники рынка ценных бумаг, НКО, платежные агрегаторы, кредитные рейтинговые агентства, финтехплатформы). В банкинге право и правоприменение сталкивается с технологическими системами: внутренняя модель риска (IRB), KYC/AML-процедуры, стресс-тесты, API-стандарты открытого банкинга — это одновременно предмет и инструмент регулирования.

Особенности российского банковского права проявляются в четырех аспектах:

— Публично-правовая доминанта: цели финансовой стабильности и защиты потребителей обеспечивают повышенную императивность норм и расширенный инструментарий надзора (профилактические ограничения, ограничения по операциям, корпоративному управлению, раскрытию информации).

— Нормотворчество Банка России: ЦБ РФ выступает организатором права, превращая общие принципы в регуляторные чек-листы, коэффициенты, методики. Нормы приобретают читаемость и внедряются в бизнес-процессы банков (скоринг, комплаенс-тригерры, проведение платежей).

— Функциональность и технологическая нейтральность: правовая норма чаще характеризует результат (устойчивость, непрерывность, управляемость рисков), а не предписывает конкретный критерий.

— Интеграция права: стандарты Базеля и FATF не обладают прямой юридической силой, но фактически становятся «обязательными» через регуляторные акты и надзорную практику.

В России отсутствует Банковский кодекс: источники права рассредоточены, систематизация носит точечный характер (редакционные своды и тематические обзоры). Это создает ряд рисков:

— регуляторная коллизионность: разные акты раскрывают по-разному понятия (платеж, перевод, электронное средство платежа, цифровая валюта, цифровые права);

— высокая цена комплаенса: банки и финтех-компании тратят значительные ресурсы на согласование требований и интерпретаций;

— правовая неопределенность для инноваций: отсутствие кодификационного «коридора» увеличивает транзакционные затраты пилотных моделей и масштабирование.

Классические модели решения данной проблемы могут быть следующими:

— Полная кодификация (создание Банковского кодекса): порядок, иерархия, экономичность; риск — это негибкость, отставание от мировых технологий.

— Базовый рамочный закон — фиксирует принципы и институты; возможна детализация в подзаконных актах; риск — «расползание» в делегирование.

— Консолидация без кодификации — сводные нормы и глоссарий; риски — слабая юридическая сила и проблемы правоприменения.

Новое предложение: двухконтурная кодировка, а именно:

Контур 1: Кодекс банковского и платежного права РФ — нормативный акт закрепляющий:

принципы (финансовая стабильность, пропорциональность, технологическая нейтральность, открытая архитектура, цифровая непротиворечивость норм);

базовые институты (кредит, счет, платежи, обеспечительные инструменты, банковская тайна, персональные данные, резолюция банков, трудоустройство, открытый банкинг);

глоссарий, совместимый с ГК РФ (включая цифровые права и токенизированные активы).

Контур 2: Динамический регуляторный уровень Банка России:

машиночитаемые регуляторные требования;

регуляторные песочницы и пилотные режимы;

адаптация Базельских стандартов.

Ключ к гибкости лежит в нормативной связке: отсылки к Кодексу по методике Банка России, при этом ограничение делегирования предписывает границы и принципы. Контур 1 меняется редко (через Федеральное собрание), Контур 2 меняется оперативно (через Банк России при прозрачных процедурах и публичной оценке регуляторного воздействия).

Российская правовая система устанавливает гражданско-правовые механизмы как основу банковских операций:

— кредит, проценты, неустойки, обеспечительные инструменты (залог, гарантии, уступка прав);

— договор банковского счета, электронные средства платежа, безналичные расчеты, клиринг;

— публичные аспекты: банковская тайна, персональные данные, добросовестное поведение, защита прав потребителей.

Особенность заключается в том, что публично-правовые требования (капитал, ликвидность, управление рисками) обеспечивают частноправовые отношения, например, лимитирование финансового риска влияет на кредитные договоры; требования к непрерывности деятельности влияет на финансовую политику банков; ПОД/ФТ-процедуры влияет на условия KYC и на право отказа в обслуживания.

С 2020 года правовая система России последовательно формирует цифровой уровень финансовых прав: нормы о цифровых правах закреплены в ГК РФ, закон о цифровых валютах и цифровых правах (№ 282-ФЗ), прописаны законодательные нормы о цифровом рубле внутри законов № 161-ФЗ и № 248-ФЗ, развивается открытый банкинг и удаленная идентификация. Этот массив изменяет содержание денежных средств, счетов и финансовых документов (электронные документы, смарт-контракты, как исполнение технологии, а не как договор определенного типа). В этой логике: цифровой рубль, цифровые финансовые активы и токенизированные права, криптоактивы с различной степенью децентрализации — требуют разных регуляторных режимов, но должны быть интегрированы в единую систему регулирования рисков и защиты прав потребителей.

Внедрение Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» сопровождается следующими особенностями:

— риск дублирования или разрыва понятий «цифровая валюта», «токен», «электронное средство платежа»;

— проблема установления весов риска, лимитов, требований к капиталу по экспозиции к цифровым валютам;

— учет доходов по объектам (РСБУ/МСФО), момент признания прибыли и убытка, налоги, порядок оценки (рыночная стоимость, себестоимость); налоговая квалификация майнинга, стейкинга;

— ограничения на продажу продуктов неквалифицированным инвесторам;

— кастодиальные и технологические вопросы: хранение ключей, кибербезопасность, сегрегация активов, удаленность кастодиана, залог цифровых прав и обращение взыскания, соответствие мировых реестров с государственными регистрами;

— судебное и исполнительное производство: механизмы взыскания цифровых активов, юрисдикция, подсудность;

— инфраструктурные вопросы: подключение к национальным платежным системам, режимы кроссграничных шлюзов, требования к непрерывности и отказоустойчивости, роль центрального депозитария/регистратора в токенизированных правах.

Практические предложения по внедрению № 282-ФЗ:

— встроить в закон «конфликт-карту» разъяснения с приоритетами и отсылками к ГК РФ, № 161-ФЗ и № 248-ФЗ; закрепить единое определение цифровой валюты и цифровых прав, разграничивающую платежную и инвестиционную функции;

— ввести «крипто-пруденциальный модуль» в акты ЦБ: вес риска, лимиты, стресс-сценарии; унифицировать с Базельскими стандартами;

— создать машиночитаемые справочники (справочники активов, рисков, услуг поставщиков);

— установить процессуальные правила обращения взыскания на цифровые активы;

— обновить потребительские стандарты раскрытия информации для цифровых продуктов.

Выводы.

1. Особенности и сущность правовых основ банковского законодательства России заключаются в преобладании публично-правовых целей, нормотворчестве Банка

России и функционально-технологическом подходе к регулированию. Это обеспечивает устойчивость системы, но приводит к фрагментации источников и усложняет комплаенс.

2. Отсутствие Банковского кодекса приводит ко многим нестыковкам в законодательстве. Оптимальное решение: двухконтурная кодировка: Кодекс банковского и платежного права (принципы, институты, глоссарий, границы) плюс прогрессивный уровень Банка России (машиночитаемые нормы, регуляторные песочницы, адаптеры права).

3. Внедрение закона № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» может стать катализатором политики систематизации: потребовать отмены терминологических и регуляторных расхождений с ГК РФ и другими законами, внедрить крипто-пруденциальные стандарты.

Кодификация банковского законодательства в предложенной двухконтурной модели задает выгодные механизмы адаптации к современным технологическим изменениям. Это снижает стоимость комплаенса и уровни неопределенности, при этом повышает защиту прав потребителей и устойчивость финансовых систем, не жертвуя инновационной динамикой. Именно такой подход позволяет соблюдать интересы финансовой стабильности, развития конкуренции и технологического суверенитета в банковском законодательстве России.

Литература:

1. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке (Банке России)» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26294/ (дата обращения: 09.11.2026).
2. Закон Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 09.11.2026).
3. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114951/ (дата обращения: 09.11.2026).
4. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 09.11.2026).
5. Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://rg.ru/documents/2026/08/11/fz282-dok.html (дата обращения: 09.11.2026).
6. Базельский комитет по банковскому надзору. Пруденциальный подход к рискам, связанным с криптоактивами (окончательный стандарт) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.bis.org/bcbs/publ/d545.htm (дата обращения: 09.11.2026).

Правовые вопросы цифрового взаимодействия граждан с органами государственной власти

Швец Милана Александровна, студент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

Исторические предпосылки для цифрового государства подчеркивают необходимость данного явления в современном обществе. При массовом вовлечении граждан в цифровое взаимодействие с государственными органами важной задачей становится правовое обеспечение безопасности данного процесса. По аналогии с созданием Правил дорожного движения после появления автомобилей, для купирования нарастающих рисков необходимы «правила движения» в цифровом пространстве.

Модель цифровой трансформации экономики и государственного управления должна защищать весь объем прав и свобод граждан РФ в безопасном цифровом пространстве, но иногда правовое регулирование этой сферы «догоняет» практику, формируя нормативную базу в некоторых случаях при возникновении проблемных вопросов.

Глобальный тренд, позволяющий повысить эффективность взаимодействия государства и граждан с учетом развития технологий и цифровизации в самых разных сферах общества — переход к цифровому государству. Создание подобной системы взаимоотношений — дело не одного десятилетия, а сложная конструкция, сложившаяся за последние сто двадцать лет. В 1905 году в Своде законов Российской империи отразилась революционная для данного периода норма «Въ самомъ издаваемомъ законѣ можетъ быть указано на обращеніе его, до обнародованія, къ исполненію по телеграфу или посредствомъ нарочныхъ». Это стало официальным разрешением передачи «значимой» информации по телеграфу с сохранением её правового статуса.

Советские ученые-кибернетики, создавая новые технические средства, предугадывали их использование не только в науке. Ученый Китов А. И. уже в 1955 году рекомендовал «повсеместное использование компьютеров в различных областях человеческой деятельности, и прежде всего в экономике» [2]. Его книга «Электронные цифровые машины» стала известной не только в Советском Союзе, именно в ней обозначено создание на основе ЭВМ системы управления вплоть до общесоюзного уровня. Значимость задачи была оценена в верхних эшелонах власти и неслучайно: автор возглавлял головной вычислительный центр Министерства обороны СССР. Проект Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГСВЦ) стал первым в мире. Он дал старт автоматизированным системам управления сначала на промышленных предприятиях, а затем охватил макроэкономические задачи построения общегосударственной системы сбора и обработки информации.

В 1962 году В. М. Глушковым была создана общегосударственная автоматизированная система управления народным хозяйством ОГАС, которую сейчас называют первым в мире целостным проектом цифрового государства. [3]

Нормативные акты постсоветского периода также обозначили значимость технологий для управления государством. В 1998 году создана Концепция государственной информационной политики Российской Федерации, вслед за нею в 2000 — Доктрина об информационной безопасности, которая призвана защитить национальные интересы государства в информационной сфере и создать баланс между интересами граждан и всего общества.

Переход к оказанию госуслуг в электронном виде произошел с запуском ИТ-проекта «Электронная Россия». Сначала преобразования происходили локально, а с 1 июля 2012 года региональные и муниципальные органы начали работать в межведомственном взаимодействии с постепенным предоставлением большинства предлагаемых населению и организациям услуг в электронном виде.

Схему цифрового взаимодействия государства и граждан, которая должна полноценно работать к 2030 году, описал Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В числе семи национальных целей — цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. [4] Для этого потребуется обеспечить темпы роста инвестиций в отечественные ИТ, вдвое превышающие темпы роста валового внутреннего продукта. К 2030 году использование российского программного обеспечения должно составить 95 %, это план для государственных органов и корпораций, аффилированных либо с госучастием. Взаимодействие граждан и юридических лиц с государственными органами должно основываться на цифровом платформенном формате. Государство формирует цифровые платформы, выступающие точкой сборки для множества участников.

Одним из самых важных достижений цифрового взаимодействия государства и граждан стала система Госуслуги — не просто сайт, а портал для предоставления услуг в электронной форме на основе Федерального закона от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Пользователи платформы идентифицированы, проходят аутентификацию через ЕСИА, выполняют запросы под учетной записью, юридически подтверждающей личность. Существуют уровни учетных записей с различными правовыми последствиями. Заявитель обладает правом не только подать заявление в электронной форме, но и имеет право не предоставлять документы, которыми уже располагает государство по принципу межведомственного взаимодействия. Масштаб портала Госуслуг как социально-правового явления колоссален — в 2025 году зарегистрировано порядка 120 млн учетных записей.

Помимо ЕПГУ, к платформенным решениям относятся Единая цифровая платформа «ГосТех», предназначенная для создания государственных информационных систем на единой технологической основе, цифровая платформа МСП, суперсервисы, объединяющие услуги вокруг жизненных ситуаций («Рождение ребенка», «Поступление в вуз онлайн» и др.). [5]

Одним из важнейших форматов взаимодействия государства и граждан стали многофункциональные центры «Мои документы», деятельность которых и перечень предоставляемых услуг регламентирована федеральным законом 2010 года «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а также постановлением Правительства РФ от 27.09.2011 № 797. Подводя промежуточные итоги 15-летней деятельности МФЦ, министр экономразвития РФ М. Решетников отметил: «В 2025 году через сеть МФЦ оказано более 166 млн услуг. Удовлетворенность ими сегодня, по оценкам самих посетителей, близка к 100 %». (6) Если ранее государственный чиновник противопоставлялся гражданину, то сейчас с изменением культуры госслужбы, он символизирует сервис и служение, а благодаря цифровым технологиям и МФЦ идет трансформация уже не просто оказания услуг в «одном окне». Проактивной политикой государство стремится решать задачи граждан даже в беззаявительном порядке по необходимым пользователям решениям жизненных ситуаций. При обработке персональных данных в проактивном формате возникает необходимость дифференциации подобных направлений на профилированное и групповое, когда возможно и необходимо получить согласие гражданина на обработку данных, и полностью проактивное оказание услуг без необходимости получения согласия гражданина. Данные юридические коллизии разбирают авторы научных статей, предлагая варианты решения вопроса и особого правового режима обработки данных. [7]

Результат получения электронной услуги также имеет юридические особенности — переход к реестровой мо-

дели предполагает не бумажный документ, а запись в реестре.

Достаточно серьезна проблема цифрового неравенства, когда доступность для людей с разными цифровыми навыками кардинально отличается.

Широко распространен вопрос достоверности и оспаривания полученных услуг в результате мошеннических действий, ошибок в реестрах, компрометации учетных записей.

Но так как дальнейшая цифровая трансформация госуправления и взаимодействия с гражданами является одной из национальных целей, поставленных Президентом, работа в этом направлении ведется всеми участвующими ведомствами. Ключевым вопросом при этом остается соответствие высоким ожиданиям людей в работе госаппарата и соблюдение баланса между цифровыми и очными сервисами. Следует акцентировать внимание и на повышении уровня цифровой грамотности населения страны. В цифровой среде важно обеспечить права и свободы человека, с одной стороны, и информационную безопасность в целом, с другой. [8]. Человекоцентричность и цифровизация — именно такой союз должен быть успешным во взаимодействии граждан и органов государственной власти.

Литература:

1. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Свод основных государственных законов (Изд. 1906 г.). Гл. 9 // Русский портал: Историческая библиотека русской цивилизации. URL: https:// russportal.ru/index.php?id=imperial_laws.svod_zakonov1912_01_011
2. Электронные цифровые машины // Виртуальный компьютерный музей. URL: http://www.computer-museum.ru/books/kitov_ecm.html
3. История развития правовой концепции «цифровое государство» в России © Шабаева О. А., 2024 УДК 340.1 DOI https://doi.org/10.26516/2071–8136.2024.3.17
4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года"
5. Алексеева М. В. Особенности государственного управления в эпоху цифрового развития. Правовой порядок и правовые ценности. 2026;4(3):24–29. https://doi.org/10.23947/2949–1843–2026–4–3–24–29. EDN: UPVFXV
6. Материалы пленарной сессии IX Всероссийского Форума Центров «Мои Документы» январь 2026 https://www.economy.gov.ru/material/news/v_2025_godu_cherez_set_mfc_po_vsey_strane_okazano_bolee_166_mln_uslug.html
7. Талапина Э. В., Козяр (Двинских) Д. Ю. Проактивные государственные услуги: на пути к алгоритмизации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 7–32. DOI: 10.17323/1999–5431–2023–0–2–7–32.
8. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий. Правовой порядок и правовые ценности. 2024;2(2):14–21. https://doi.org/10.23947/2949–1843–2024–2–2–14–21

Принцип добросовестности в цивилистическом процессе: понятие, содержание и соотношение с иными принципами

Шевцов Кирилл, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуется принцип добросовестности в гражданском и арбитражном процессе России. Рассмотрены доктринальные подходы к понятию процессуальной добросовестности, проанализированы нормы ГПК РФ и АПК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ 2015, 2021 и 2026 годов. Показано, что различия кодексов состоят не в наличии обязанности раскрытия доказательств, а в конструкции мер реагирования на недобросовестное поведение. Определено соотношение принципа добросовестности с состязательностью, диспозитивностью, равноправием сторон и законностью. Предложены направления сближения механизмов его обеспечения.

Ключевые слова: *добросовестность, злоупотребление процессуальными правами, принципы цивилистического процесса, состязательность, диспозитивность, раскрытие доказательств, судебные расходы.*

Добросовестность в цивилистическом процессе из предмета доктринальных споров превратилась в инструмент повседневной судебной практики. Процессуальные кодексы обязывают лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться принадлежащими им правами (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 41 АПК РФ), а Верховный Суд РФ последовательно конкретизирует эту обязанность: для арбитражного процесса — в Постановлении Пленума от

23.12.2021 № 46, для подготовки гражданских дел — в Постановлении Пленума от 21.05.2026 № 15, заменившем Постановление от 24.06.2008 № 11. Теория при этом отстает от практики: не выработаны единые критерии добросовестности, неясно ее соотношение с материально-правовой добросовестностью и иными принципами процесса, а механизмы обеспечения в ГПК РФ и АПК РФ построены по-разному. Цель статьи — раскрыть понятие и содержание принципа добросовестности в цивилистическом процессе и определить его место в системе процессуальных принципов.

1. Понятие процессуальной добросовестности: подходы и нормативная основа

Понятие добросовестности (bona fides) восходит к римской правовой традиции, где оно служило инструментом судейского усмотрения в спорах из консенсуальных контрактов, когда текст соглашения не исчерпывал взаимных ожиданий сторон. Перенос этой категории в процессуальную сферу меняет ее природу: здесь она регулирует не автономию частной воли, а поведение участников публично-правового отношения, опосредованного государственной юрисдикцией.

В науке сложились три подхода. Субъективистский связывает добросовестность с внутренней установкой лица — его осведомленностью или неосведомленностью о порочности собственного поведения; он восходит к позиции Е. В. Васьковского, трактовавшего добросовестность как психологическое отношение лица к своим действиям [1, с. 212–218]. Объективистский оценивает поведение через внешний стандарт — как поступила бы разумная и добросовестная сторона в аналогичных обстоятельствах. М. А. Рожкова подчеркивает, что в процессуальных отношениях добросовестность не сводится к психологической характеристике, а выступает объективным стандартом, отклонение от которого влечет неблагоприятные процессуальные последствия [2, с. 118]. Синтетическая концепция, представленная В. В. Ярковым, понимает принцип как требование, обращенное одновременно к воле и к поведению участника: первое предполагает искренность намерений, второе — их соответствие целям судопроизводства [3, с. 64].

Приоритет следует отдать объективному критерию, дополняемому субъективным элементом при выборе меры реагирования. Внутреннее состояние воли трудно доказать, и подход, требующий установления умысла, оставляет без реакции, например, систематическое заявление заведомо бесперспективных ходатайств. Объективный стандарт позволяет суду оценивать поведение по внешним признакам. Такая логика заложена и в разъяснениях Верховного Суда РФ: поведение стороны может быть признано недобросовестным не только по заявлению оппонента, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение от добросовестного поведения (п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25; тот же подход применяется в арбитражном процессе — Постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2021 № 46).

Нормативно добросовестность закреплена в форме обязанности: лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 41 АПК РФ). Часть 2 ст. 41 АПК РФ дополнительно связывает со злоупотреблением процессуальными правами наступление неблагоприятных последствий. Формулировка обязанности придает добросовестности характер нормативно обязательного стандарта, а не этической рекомендации.

Особую проблему составляет соотношение материально-правовой и процессуальной добросовестности. Пункт 3 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ рассчитаны на гражданский оборот, тогда как процессуальный стандарт направлен на обеспечение правосудия: рассмотрение дела в разумный срок, установление действительных обстоятельств, защиту прав другой стороны. На «многоликость» добросовестности в процессуальном праве обращает внимание И. В. Решетникова [4, с. 54–60]. Разграничение этих стандартов — не формальное упражнение, а условие корректного применения норм: недобросовестность в обороте и недобросовестность в процессе (затягивание, сокрытие доказательств) оцениваются по разным основаниям и влекут разные последствия.

Итак, процессуальная добросовестность — закрепленная в форме обязанности модель поведения, которая оценивается преимущественно по объективному критерию и определяется исходя из задач судопроизводства.

2. Содержание принципа и модели его обеспечения в ГПК РФ и АПК РФ

Содержание принципа раскрывается на нескольких уровнях. На нормативном ядром служит запрет злоупотребления процессуальными правами, конкретизируемый специальными предписаниями: раскрывать доказательства, сообщать суду достоверные сведения, не заявлять ходатайства с целью затягивания процесса. На доктринальном добросовестность выступает процессуальным коррелятом справедливости: она обеспечивает соблюдение надлежащих правил состязания, ведущих к справедливому результату. На функциональном принцип обеспечивает эффективность правосудия, защищает добросовестную сторону от манипуляций оппонента и поддерживает авторитет суда.

В арбитражном процессе принцип обеспечен последовательнее. Лица, участвующие в деле, обязаны раскрыть доказательства, на которые ссылаются, перед другими участниками (ч. 3 ст. 65 АПК РФ). Согласно ч. 2 ст. 111 АПК РФ суд вправе отнести все судебные расходы на лицо, злоупотребляющее процессуальными правами или не исполняющее процессуальные обязанности, независимо от результатов рассмотрения дела, если это привело к срыву заседания, затягиванию процесса либо воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного

и обоснованного судебного акта. Эта мера выполняет не только компенсационную, но и превентивную функцию.

Распространенный тезис о том, что ГПК РФ не знает раскрытия доказательств, сегодня неточен. С 1 октября 2019 г. (Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ) ч. 3 ст. 56 ГПК РФ обязывает лиц, участвующих в деле, раскрывать доказательства перед другими участниками в срок, установленный судом. Пленум ВС РФ в Постановлении от 21.05.2026 № 15 указал, что судья разъясняет эту обязанность, обязанность добросовестно пользоваться процессуальными правами и последствия злоупотребления (п. 20, 41). Среди последствий названы право суда отнести судебные издержки на лицо, воспрепятствовавшее своевременной подготовке дела, возможность не признать понесенные им издержки необходимыми и взыскание компенсации за фактическую потерю времени при систематическом противодействии рассмотрению дела (ст. 99 ГПК РФ).

Следовательно, различие кодексов состоит не в наличии механизма раскрытия, а в конструкции мер реагирования. В АПК РФ они сосредоточены в общей норме, ориентированной на наступившие последствия (срыв заседания, затягивание процесса). В ГПК РФ они рассредоточены по нескольким нормам (ст. 99, ч. 3 ст. 150) и дополняются разъяснениями Пленума, причем акцент сделан на цели и систематичности поведения: Пленум говорит о ходатайствах, направленных исключительно на затягивание, и о систематическом противодействии подготовке дела (п. 20). Поэтому в арбитражном процессе ключевым становится результат поведения, в гражданском — его характер.

Сохранение таких различий при единой природе принципа ставит вопрос об унификации. Единый процессуальный закон не принят; в этих условиях Ю. А. Попова и М. А. Мазуренко обосновывают возможность использования аналогии закона как способа унификации действующего процессуального законодательства [5]. Применительно к добросовестности такой путь допустим прежде всего для процедурных механизмов — порядка раскрытия доказательств, правил о презумпциях, — поскольку кодексы допускают применение норм, регулирующих сходные отношения (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, ч. 5 ст. 3 АПК РФ). Меры же ответственности, как представляется, требуют прямого указания закона, поэтому сближение санкционных механизмов — задача законодателя.

Итак, в АПК РФ принцип обеспечен последовательнее за счет единой нормы о судебных расходах, тогда как в ГПК РФ меры реагирования рассредоточены и частично выработаны практикой; эта асимметрия требует сближения механизмов реализации принципа.

3. Принцип добросовестности в системе принципов цивилистического процесса

Принцип добросовестности занимает особое место: он не учреждает процессуальные полномочия, как состязательность, диспозитивность или равноправие, а устанавливает пределы их осуществления. По замечанию Т. В. Сахновой, это исключает отношения субординации между добросовестностью и иными принципами: они действуют совместно, а добросовестность задает внутреннюю меру их реализации [6, с. 91–93].

Наиболее острая коллизия возникает с состязательностью (ст. 12 ГПК РФ, ст. 9 АПК РФ). В классическом понимании сторона сама определяет объем и способы защиты и не обязана содействовать оппоненту. Ключевой вопрос — является ли добросовестность внешним ограничителем состязательности или ее имманентным содержанием. А. В. Юдин видит в них принципы разного уровня, между которыми возможна коллизия, разрешаемая в пользу добросовестности, поскольку злоупотребление состязательными правами выходит за пределы охраняемого интереса [7, с. 122–125]. Е. А. Борисова рассматривает добросовестность как неотъемлемый элемент самой состязательности, возможной лишь между участниками, стремящимися установить действительные обстоятельства дела, а не победить любой ценой [8, с. 38].

Второй подход представляется более состоятельным. Если добросовестность — внешний ограничитель, дозволено все, что прямо не запрещено, пока суд не квалифицирует поведение как злоупотребление. Если же она имманентна состязательности, тактика, формально законная, но направленная на введение суда в заблуждение или воспрепятствование оппоненту, недопустима по существу, а не только по последствиям. Конкретное проявление — институт раскрытия доказательств (ч. 3 ст. 56 ГПК РФ, ч. 3 ст. 65 АПК РФ), ограничивающий тактику «доказательственного сюрприза» — представления ключевого доказательства в последний момент. Сходный смысл имеет правило ч. 1 ст. 68 ГПК РФ: если сторона удерживает доказательства, суд вправе обосновать выводы объяснениями другой стороны.

С диспозитивностью добросовестность соотносится иначе: состязательность регулирует способ ведения процесса, диспозитивность — власть сторон над его предметом. В процессуальном измерении добросовестность ограничивает распорядительные действия (изменение предмета или основания иска, отказ от иска, признание иска, мировое соглашение), когда они совершаются в целях, несовместимых с назначением судопроизводства; суд не принимает отказ от иска и не утверждает мировое соглашение, если это противоречит закону или нарушает права других лиц (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ, ч. 5 ст. 49 АПК РФ). В материальном измерении коллизия возникает, когда правом распоряжения требованием пользуются для результата, недопустимого по материальному праву, — например, создают видимость спора (мнимый иск), чтобы перераспределить активы в ущерб третьим лицам. Вместе с тем расширительное толкование недопустимо: суд не вправе вмешиваться в распорядительные действия стороны всякий раз, когда они кажутся ему неоптимальными, иначе сама ссылка на добросовестность превратится в нарушение диспозитивности. Здесь добросовестность —

не общий контроль целесообразности, а точечный корректор в ситуациях явного злоупотребления.

Принцип равноправия (ст. 12 ГПК РФ, ст. 8 АПК РФ) находится с добросовестностью в отношении взаимного обеспечения. Равноправие гарантирует формальное равенство — одинаковый объем прав и обязанностей; добросовестность наполняет его реальным содержанием, ибо формально равные права теряют смысл, если одна сторона извлекает из процессуальной формы преимущество, недоступное добросовестному оппоненту. Отчетливее всего это видно при информационной асимметрии, когда одна сторона владеет нужными другой доказательствами и отказывается их раскрыть: равенство восстанавливается процессуальными презумпциями, например, правилом ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, позволяющим признать факт установленным при уклонении стороны от участия в экспертизе или непредставлении материалов. Смежное проявление — процессуальный эстоппель, запрет занимать позицию, противоречащую собственному предшествующему поведению, на которое другая сторона разумно полагалась; В. В. Ярков рассматривает его как специальный инструмент реализации принципа добросовестности применительно к последовательности процессуального поведения [3, с. 71].

Наиболее сложна проблема соотношения с принципом законности: является ли добросовестность самостоятельным принципом или лишь конкретизацией законности применительно к поведению участников. Традиционно господствует мнение, что законность доминирует, а иные принципы — ее конкретизации. Эта концепция уязвима: она не объясняет случаев, когда поведение формально соответствует закону, но суд признает его недобросовестным и связывает с ним последствия. Самостоятельная ценность принципа обнаруживается там, где законность «молчит»: по мысли А. Т. Боннера, добросовестность восполняет регулятивную недостаточность законности, когда злоупотребление совершается в рамках закона [9, с. 261]. Законность и добросовестность — не общее и особенное, а принципы, регулирующие разные аспекты поведения: первая — его соответствие позитивным нормам, вторая — целям и духу судопроизводства.

Итак, добросовестность — принцип-ограничитель и корректор, регулирующий реализацию первичных принципов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Процессуальная добросовестность — закрепленная в форме обязанности модель поведения участника процесса, оцениваемая преимущественно по объективному критерию и определяемая исходя из задач судопроизводства.

2. Различие ГПК РФ и АПК РФ заключается не в наличии механизма раскрытия доказательств, а в конструкции мер реагирования: в АПК РФ они сосредоточены в общей норме и привязаны к последствиям, в ГПК РФ — рассредоточены и привязаны к цели и систематичности поведения.

3. Соотношение принципа с иными принципами подчинено собственной логике: а) с состязательностью — имманентное содержательное ограничение; б) с диспозитивностью — точечный корректор при явном выходе за пределы охраняемого интереса; в) с равноправием — взаимное обеспечение; г) с законностью — разграничение сфер регулирования.

4. Целесообразно сближение механизмов реализации принципа: применение аналогии закона для процедурных механизмов и закрепление законодателем сопоставимых мер ответственности за злоупотребление процессуальными правами.

Литература:

1. Васьковский Е. В. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002.
2. Рожкова М. А. Средства и механизмы правовой защиты. М.: Статут, 2015.
3. Ярков В. В. Гражданский процесс: учебник. М.: Статут, 2017.
4. Решетникова И. В. Многоликая добросовестность в процессуальном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 2. С. 54–60.
5. Попова Ю. А., Мазуренко М. А. Аналогия закона как способ унификации процессуального законодательства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. Т. 15, № 4. С. 102–110. DOI: 10.31429/20785836–15–4–102–110.
6. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014.
7. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 360 с.
8. Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам. М.: Норма, 2016.
9. Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. СПб.: Юридическая книга, 2009.

Соотношение административной и уголовной ответственности: проблемы квалификации правонарушений

Шилкин Дмитрий Викторович, студент магистратуры
Покровский филиал Московского педагогического государственного университета

Статья рассматривает сложный комплекс вопросов, возникающих при разграничении административной и уголовной ответственности, и анализирует типичные проблемы, связанные с квалификацией правонарушений в пограничных ситуациях. Выявляются коллизии в правоприменительной практике, обусловленные размытостью критериев общественной опасности и несогласованностью нормативных конструкций. Автор предлагает теоретические подходы к уточнению правовых границ между составами правонарушений, что позволяет минимизировать риск ошибок квалификации и повысить предсказуемость юридических решений.

Ключевые слова: *административная ответственность, уголовная ответственность, квалификация правонарушений, правоприменительная практика, коллизии, общественная опасность, критерии разграничения.*

Современная правоприменительная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к усложнению границ между административной и уголовной ответственностью, что обусловлено как развитием законодательства, так и трансформацией социально-правовых ожиданий общества. По мере того, как государство стремится обеспечить гибкость и дифференциацию механизмов воздействия на противоправное поведение, возрастает риск размывания критериев, по которым одно и то же деяние может быть отнесено либо к административному проступку, либо к преступлению. Эта ситуация порождает широкий спектр проблем квалификации, напрямую влияющих на справедливость, эффективность и правовую определенность.

Одним из ключевых аспектов является различие в социально-правовой природе административного проступка и преступления. Уголовное деяние традиционно рассматривается как общественно опасное, то есть способное причинить существенный вред охраняемым законом интересам [2].

Административный же проступок, при внешнем сходстве форм проявления, характеризуется меньшей степенью опасности, чаще выражается в нарушении установленных правил поведения и не предполагает значительного ущерба [3].

Однако в ряде случаев разграничение строится не столько на объективной стороне, сколько на законодательной конструкции, что создает предпосылки для неоднозначного правоприменения, особенно в ситуациях, когда характер вреда приобретает пограничные черты [5].

Сложности квалификации обостряются при анализе составов, которые традиционно относятся к так называемым «двойным» или «смежным» правонарушениям. Например, нарушение правил дорожного движения, незаконное предпринимательство или причинение вреда здоровью могут быть выражены в формах, колеблющихся между административным и уголовным статусом.

Малозначительность деяния, степень вины, характер последствий и их тяжесть нередко оцениваются неравномерно, что приводит к коллизиям: однотипные случаи получают различные правовые оценки в зависимости от субъективных трактовок исполнителя закона. Такая вариативность снижает предсказуемость юридической ответственности и может нарушать принцип равенства граждан перед законом.

Существенную роль играет и проблема «криминализации» и «декриминализации» отдельных деяний. Изменения в законодательстве нередко вносят новые границы в систему ответственности, не всегда обеспечивая достаточную методологическую согласованность.

В результате одни составы чрезмерно расширяются, включив деяния, ранее регулируемые административным правом, тогда как другие — напротив — утрачивают уголовно-правовой характер, переходя в разряд административных проступков.

Эти циклические процессы свидетельствуют о поиске более оптимального баланса между применяемыми мерами, однако одновременно создают повышенную нагрузку на правоприменителей, вынужденных учитывать динамику нормативных нововведений и корректировать накопленный опыт.

Особого внимания заслуживает влияние субъективного фактора. Установление умысла, неосторожности, мотивов и целей представляет собой сложный психолого-правовой процесс, напрямую влияющий на квалификацию. При этом административная ответственность, как правило, ориентирована на формальный состав, тогда как уголовная предполагает углубленную оценку субъективной стороны.

На практике это приводит к ситуациям, когда одно и то же действие, совершенное в условиях неопределенности или по невнимательности, может быть истолковано по-разному, в зависимости от того, какие признаки субъективной стороны будут признаны доказанными. Такое различие в подходах иногда формирует основания для злоупотреблений или ошибочных решений [6].

Не менее значима и проблема соразмерности санкций. Административные меры направлены преимущественно на предупреждение и коррекцию поведения, тогда как уголовные выполняют карательно-превентивную функцию. При неверной квалификации возникает риск несоответствия меры воздействия фактической тяжести деяния, что может приводить к чрезмерному вмешательству государ-

ства в сферу личной свободы либо, напротив, к недостаточной защите общественных интересов. В этом смысле точность квалификации становится не только юридической, но и социальной категорией, определяющей доверие граждан к правовой системе.

Анализируя проблемы разграничения административной и уголовной ответственности, важно учитывать и процедурные различия. Уголовное преследование связано с более жесткими гарантиями прав личности: презумпцией невиновности, обязательностью доказывания обвинения, строгими процессуальными формами [4].

Административные производства гибче, однако именно это повышает риск формального подхода и упрощенных решений. Поэтому корректная квалификация деяния приобретает значение своеобразной опорной точки, определяющей весь дальнейший процесс и уровень правовой защиты [2].

Таким образом, проблема соотношения административной и уголовной ответственности выходит за рамки чисто юридико-технической. Она затрагивает фундаментальные вопросы правовой определенности, защиты прав и свобод личности, справедливости и эффективности государственного принуждения.

Устранение имеющихся коллизий требует не только совершенствования законодательной базы, но и повышения уровня профессиональной подготовки правоприменителей, формирования единых методических стандартов и развития аналитической практики. Только при сочетании этих факторов возможно обеспечить устойчивое, непротиворечивое и справедливое применение правовых норм, в котором квалификация правонарушений будет отражать реальную общественную значимость деяний и служить инструментом поддержания правопорядка, а не источником дополнительной неопределенности.

Литература:

1. Бадрызлова О. Ф. Проблемы соотношения административной и уголовной ответственности за побои в аспекте домашнего насилия // Вестник магистратуры. 2023. № 6–1 (141). С. 99–101.
2. Безверхов А. Г. Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права: межвуз. сб. науч. тр. / под общ. ред. А. Г. Безверхова. Самара: Самар. гос. ун-т, 2013. С. 6–19.
3. Колпаков В. К. Вредность и общественная опасность административного правонарушения // Административное право и процесс. 2018. № 8. С. 7–11.
4. Лесейко Е. Ю. Соотношение административной и уголовной ответственности за нарушение лесного законодательства // Вестник науки. 2025. № 10 (91). С. 153–158.
5. Романова Н. Л. Некоторые вопросы соотношения уголовной и административной ответственности // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 2 (20). С. 35–38.
6. Саида Н. К. Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности // Закон и право. 2019. № 1. С. 166–168.

Основания и виды прекращения трудовых отношений

Щелконогов Вячеслав Николаевич, студент магистратуры
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье обосновывается актуальность научного исследования оснований и видов прекращения трудовых отношений как одного из наиболее сложных и социально значимых институтов трудового права. На основе анализа судебной практики за период исследования (октябрь 2023 г. — октябрь 2026 г.) рассматриваются динамика законодательства, проблемы правоприменительной практики, а также теоретические подходы к классификации оснований увольнения. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав сторон трудового договора и необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования в условиях цифровизации экономики и изменения рынка труда.

Ключевые слова: *прекращение трудовых отношений, трудовой договор, основания увольнения, виды прекращения, расторжение трудового договора по инициативе работодателя, защита трудовых прав, судебная практика.*

Grounds and types of termination of employment relations

Shchelkonogov Vyacheslav Nikolaevich, master's degree student
Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Ekaterinburg)

The article substantiates the relevance of the scientific research on the grounds and types of termination of employment relations as one of the most complex and socially significant institutions of labor law. Based on the analysis of judicial practice for the research

period (October 2023 — October 2026), it examines the dynamics of legislation, the problems of law enforcement practice, as well as theoretical approaches to the classification of grounds for dismissal. Special attention is paid to the issues of protecting the rights of the parties to an employment contract and the need for further improvement of legal regulation in the context of the digitalization of the economy and changes in the labor market.

Keywords: *termination of employment relations, employment contract, grounds for dismissal, types of termination, termination of an employment contract at the initiative of the employer, protection of labor rights, judicial practice.*

Введение

Институт прекращения трудовых отношений традиционно занимает центральное место в системе трудового права Российской Федерации. Это обусловлено тем, что именно на этапе расторжения трудового договора наиболее остро проявляются противоречия между интересами работника и работодателя, а любые нарушения установленных процедур влекут за собой серьезные социально-экономические последствия — от восстановления на работе до выплаты компенсации морального вреда. Актуальность исследования оснований и видов прекращения трудовых отношений на современном этапе определяется комплексом взаимосвязанных факторов: динамикой трудового законодательства, противоречивостью судебной практики, изменением структуры занятости (включая дистанционную работу и платформенную занятость), а также необходимостью поиска оптимального баланса между гибкостью рынка труда и гарантиями трудовых прав работников.

Цель настоящей статьи — обосновать актуальность комплексного исследования оснований и видов прекращения трудовых отношений, выявить основные теоретические и практические проблемы, требующие разрешения в рамках магистерской диссертации.

1. Статистическая и социальная значимость

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ [8], споры, связанные с увольнением, традиционно занимают второе место после дел о взыскании заработной платы среди всех трудовых споров. Согласно Обзору практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утвержденному Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020, за период с 2018 г. по первое полугодие 2020 г. суды рассмотрели с вынесением решений 15 299 дел о восстановлении на работе при увольнении по инициативе работодателя, из которых требования работников удовлетворены по 6 436 делам (свыше 42 %) [2]. Преобладающей причиной удовлетворения исков являются нарушения процедуры увольнения, а не отсутствие фактического основания. Это свидетельствует о том, что правоприменители (кадровые службы, работодатели, а иногда и сами работники) недостаточно четко понимают юридическую природу и порядок применения различных видов прекращения трудовых отношений. Следовательно, исследование, направленное на систематизацию оснований и видов, имеет высокую практическую ценность.

2. Неоднозначность законодательной техники.

ТК РФ не дает легального определения «прекращения трудовых отношений», оперируя понятиями «прекращение трудового договора», «расторжение трудового договора», «увольнение». Статья 77 ТК РФ содержит перечень общих оснований прекращения трудового договора, однако за этим перечнем скрываются разнородные юридические факты: волевые действия сторон (увольнение по собственному желанию, увольнение по инициативе работодателя, соглашение сторон), события (истечение срока трудового договора, смерть работника), а также обстоятельства, не зависящие от воли сторон (призыв на военную службу, дисквалификация и др.) [1]. Такая разнородность порождает сложности с построением единой классификации видов прекращения трудовых отношений, что, в свою очередь, влияет на выбор правового режима и гарантий для работника [6].

3. Проблемы квалификации отдельных оснований.

Особую актуальность приобретает исследование оснований увольнения по инициативе работодателя (ст. 81 ТК РФ). В практике до сих пор не выработано единого подхода к толкованию оценочных категорий: «несоответствие работника занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации» (п. 3 ч. 1 ст. 81), «грубое нарушение работником трудовых обязанностей» (п. 6) [7; 9]. Например, суды не всегда однозначно квалифицируют в качестве прогула отсутствие на рабочем месте при дистанционной работе, когда работник не выходит на связь в течение определенного времени [7]. Кроме того, Федеральным законом от 07.06.2025 № 144 — ФЗ в ст. 81 ТК РФ внесены изменения, касающиеся увольнения за утрату доверия и в связи с непринятием мер по урегулированию конфликта интересов (п. 7.1); анализ этих изменений показывает, что законодатель расширил перечень лиц, подпадающих под действие данных норм, однако не проработал механизмы доказывания. Все это требует системного научного осмысления.

4. Дополнительные основания прекращения трудовых отношений для отдельных категорий работников.

К РФ и иные федеральные законы предусматривают специальные основания увольнения для государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, пе-

дагогических работников, спортсменов, руководителей организаций. Исследование этих оснований в сравнении с общими позволяет выявить как изъяны правового регулирования (например, чрезмерно широкие дискреционные полномочия работодателя при увольнении руководителя), так и избыточные гарантии, затрудняющие прекращение трудовых отношений с недобросовестным работником. Актуальность данного аспекта подтверждается и правовой позицией Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал на необходимость соблюдения баланса конституционных прав и свобод [7].

5. Влияние цифровизации на основания прекращения трудовых отношений

Внедрение электронного документооборота в трудовых отношениях, распространение дистанционной и гибридной занятости создают новые вызовы. Как правильно зафиксировать отказ работника от выполнения распоряжения работодателя, если коммуникация осуществляется через мессенджеры? Является ли неподключение к корпоративной сети в течение двух дней прогулом? Ответы на эти вопросы отсутствуют в законе и формируются в основном судебной практикой, которая пока неоднородна [7]. Следовательно, исследование оснований прекращения трудовых отношений должно учитывать цифровые реалии, что придает теме дополнительную актуальность.

6. Классификация видов прекращения трудовых отношений

В рамках магистерского исследования предлагается выделить следующие виды прекращения трудовых отношений, отличающиеся по юридической природе и правовым последствиям:

6.1. Прекращение по волеизъявлению работника (ст. 80 ТК РФ — увольнение по собственному желанию; ст. 83 ТК РФ в части отказа от перевода при изменении места нахождения работодателя — элементы волеизъявления работника, но не классическое расторжение по инициативе работника).

6.2. Прекращение по волеизъявлению работодателя (общие основания ст. 81 ТК РФ и дополнительные специальные основания для отдельных категорий работников).

6.3. Прекращение по соглашению сторон (ст. 78 ТК РФ) — занимает промежуточное положение, поскольку сочетает элементы свободы договора и публичных гарантий.

6.4. Прекращение по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (ст. 83 ТК РФ) — включает истечение срока договора (п. 2 ч. 1 ст. 77, ст. 79 ТК РФ), призыв на военную службу, восстановление на работе ранее уволенного работника и др.

6.5. Прекращение вследствие нарушения правил заключения трудового договора (ст. 84 ТК РФ) — специфическое основание, носящее правовосстановительный характер.

Такая классификация позволяет системно анализировать гарантии, предоставляемые каждой стороне при прекращении трудовых отношений, и вырабатывать предложения по совершенствованию законодательства.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о высокой актуальности исследования оснований и видов прекращения трудовых отношений. Актуальность обусловлена: 1) значительным объемом судебных споров и высокой социальной ценой ошибок при увольнении; 2) несовершенством законодательной техники и наличием оценочных понятий; 3) необходимостью адаптации института прекращения трудового договора к новым формам занятости и цифровизации; 4) постоянными изменениями в ТК РФ и смежных законах, требующими научного осмысления. В рамках магистерской диссертации, исследуемой в период с октября 2023 г. по октябрь 2026 г., предполагается разработать практические рекомендации по унификации правоприменения и внесению изменений в Трудовой кодекс РФ, в том числе в части уточнения процедуры увольнения при дистанционной работе и совершенствования критериев оценки квалификации работника.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3. — Текст: непосредственный.
2. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370386/ (дата обращения: 13.11.2026).
3. Гусов К. Н., Полетаев Ю. Н. Ответственность за нарушение трудовых прав работников / К. Н. Гусов, Ю. Н. Полетаев. — М.: Проспект, 2023. — 320 с. — Текст: непосредственный.
4. Нуртдинова А. Ф. Институт увольнения в трудовом праве России: история и современность / А. Ф. Нуртдинова. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2024. — № 2. — С. 45–58.
5. Костян И. А. Защита трудовых прав работников при увольнении: проблемы теории и практики / И. А. Костян. — М.: Инфра — М, 2024. — 280 с. — Текст: непосредственный.

6. Анисимов Л. Н. Трудовой договор: основания прекращения и порядок оформления / Л. Н. Анисимов. — М.: Юстицинформ, 2023. — 180 с. — Текст: непосредственный.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (ред. от 29.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2004. — № 6. — Текст: непосредственный.
8. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 13.11.2026). — Текст: электронный.
9. Бару М. И. Оценочные понятия в советском трудовом законодательстве / М. И. Бару. — Текст: непосредственный // Советское государство и право. — 1970. — № 7. — С. 103–109.

Увольнение по инициативе работодателя: практика Свердловского областного суда и актуальные проблемы правоприменения

Щелконогов Вячеслав Николаевич, студент магистратуры
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Статья посвящена анализу оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя. На основе анализа судебной практики Верховного Суда РФ, кассационных судов общей юрисдикции и Свердловского областного суда за период исследования (октябрь 2023 г. — октябрь 2026 г.) выявлены системные проблемы, возникающие при увольнении работников по п. 3 и п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Особое внимание уделено вопросам доказывания несоответствия работника занимаемой должности, квалификации прогула при фактически сложившихся дистанционных отношениях, а также разграничению п. 5 и п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Анализируются последние разъяснения Верховного Суда РФ и изменения, внесенные в ст. 81 ТК РФ в 2024 г.

Ключевые слова: *увольнение по инициативе работодателя, статья 81 ТК РФ, несоответствие занимаемой должности, прогул, утрата доверия, Свердловский областной суд, судебная практика.*

Employer-initiated dismissal: the practice of the Sverdlovsk Regional Court and current law enforcement issues

Shchelkonogov Vyacheslav Nikolaevich, master's degree student
Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Ekaterinburg)

The article is devoted to the analysis of the grounds for termination of an employment contract at the initiative of the employer. Based on the analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, cassation courts of general jurisdiction, and the Sverdlovsk Regional Court for the research period (October 2023 — October 2026), systemic problems arising from the dismissal of employees under paragraph 3 and paragraph 6 of part 1 of Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation are identified. Special attention is paid to the issues of proving the employee's inadequacy for the position held, the qualification of absenteeism (truancy) under actually established remote relations, as well as the differentiation between paragraph 5 and paragraph 6 of part 1 of Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation. The latest clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation and the amendments introduced to Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation in 2024 are analyzed.

Keywords: *dismissal at the initiative of the employer, Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation, inadequacy for the position held, absenteeism truancy, loss of trust, Sverdlovsk Regional Court, judicial practice.*

Введение

В предыдущей статье обоснована социальная значимость института прекращения трудовых отношений как зоны повышенного правового риска. Согласно данным Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утвержденному Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020, за период с 2018 г. по первое полугодие 2020 г. суды рассмотрели с вынесением решений 15 299 дел о восстановлении на работе при увольнении по инициативе работодателя, при этом требования работников были удовлетворены по 6 436 делам (свыше 42 %). Значительная часть решений о восстановлении на работе выносится не из-за отсутствия основания для увольнения, а из-за нарушений процедуры его применения [1].

Увольнение по инициативе работодателя представляет собой наиболее конфликтную и наиболее детально регламентированную часть указанного института. Статья 81 ТК РФ содержит значительное число оснований расторжения договора, каждое из которых сопряжено с применением оценочных понятий и особых процедурных требований. Работодатель, инициирующий увольнение по «отрицательным» основаниям, нередко проигрывает судебный спор не вследствие отсутствия фактических оснований, а из-за ненадлежащего документирования процедуры увольнения [2].

Целью настоящей статьи является анализ «слабых мест» ст. 81 ТК РФ на конкретных примерах судебной практики Верховного Суда РФ, кассационных судов общей юрисдикции и Свердловского областного суда за период с октября 2023 г. по октябрь 2026 г., выявление повторяющихся ошибок правоприменения и формулирование практических рекомендаций по их минимизации.

1. Оценочные понятия и аттестация: проблемы доказывания несоответствия занимаемой должности

Пункт 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ предусматривает увольнение в случае несоответствия работника занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации. Формулировка «недостаточная квалификация» является оценочной, и судебная практика демонстрирует осторожный подход к удовлетворению требований работодателей по данному основанию [8].

Ключевым условием законности увольнения по п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ является проведение аттестации в порядке, установленном локальными нормативными актами. Если в положении об аттестации не прописана процедура либо в составе аттестационной комиссии отсутствует представитель выборного органа первичной профсоюзной организации (в случаях, когда он должен включаться в комиссию), решение комиссии может быть признано недействительным, а увольнение — незаконным [2].

По смыслу разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, при рассмотрении споров об увольнении по данному основанию суды проверяют, надлежащим ли образом проведена аттестация: был ли работник надлежащим образом уведомлен о её проведении, могла ли оценка его деловых качеств считаться объективной. Если работник не был надлежащим образом уведомлен о проведении аттестации или не смог явиться на неё по уважительной причине (включая временную нетрудоспособность), результаты такой аттестации не могут служить основанием для увольнения [2]. Указанный подход согласуется с общей позицией о недопустимости увольнения работника в период временной нетрудоспособности или в период пребывания в отпуске (ч. 6 ст. 81 ТК РФ) [1].

2. Прогул: от классического к «дистанционному»

Пункт 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ определяет прогул как отсутствие на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены) либо более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены). Данное основание, несмотря на кажущуюся простоту, порождает значительное число споров, особенно в условиях распространения дистанционной работы.

Показательным является дело, рассмотренное Верховным Судом РФ: суды признали незаконным увольнение за прогул в ситуации, когда понятие «рабочее место» работника, чья деятельность связана с разъездами, не ограничивается конкретным помещением. Ключевым обстоятельством явилось то, что работодатель не доказал факт отсутствия истца на рабочем месте в течение рабочего дня без уважительных причин [3].

Особую остроту проблема приобретает применительно к дистанционным работникам. Согласно п. 12 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, в случае признания увольнения дистанционного работника за прогул незаконным суды учитывают, что характер работы предполагал дистанционное взаимодействие: если работодатель длительное время позволял сотруднику работать вне офиса, принимать отчеты по каналам связи и давать задания удаленно, он не вправе в одностороннем порядке квалифицировать неявку в офис как прогул [2]. Данная позиция последовательно подтверждается практикой кассационных судов общей юрисдикции: при фактическом допуске к работе дистанционно вероятность признания увольнения за прогул незаконным крайне высока [4].

Вместе с тем дистанционная работа не делает работника полностью неуязвимым. Дистанционная работа освобождает сотрудника от необходимости находиться в конкретном офисе ежедневно, но не освобождает его от обязанности подчиняться законным распоряжениям работодателя. Отказ дистанционного работника от выполнения служебного поручения (включая поездку в командировку, если это входит в его трудовую функцию) может быть квалифицирован как прогул [5].

3. Утрата доверия и аморальный проступок: изменения законодательства 2024 года

В 2024 г. в ст. 81 ТК РФ внесены изменения, касающиеся увольнения за утрату доверия (п. 7 и 7.1) и за совершение аморального проступка (п. 8). Федеральным законом от 07.06.2025 № 144-ФЗ Трудовой кодекс РФ дополнен п. 7.1 ч. 1 ст. 81, предусматривающим увольнение в случае непринятия работником мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является. Законодатель расширил перечень лиц, подпадающих под действие указанных норм, однако механизмы доказывания остались недостаточно детализированными, что оставляет широкое поле для судебного усмотрения [1].

Типичной является практика, когда работник увольняется «по собственному желанию», а прокурор в порядке ст. 45 ГПК РФ обращается с иском об изменении фор-

мулировки увольнения на «в связи с утратой доверия». В определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.09.2023 № 8Г — 18501/2023 [88–19352/2023] по иску прокурора увольнение директора организации в связи с утратой доверия признано правомерным ввиду установленного конфликта интересов, несмотря на то что работник ранее прекратил трудовые отношения по собственному желанию [6].

Вместе с тем суды не всегда становятся на сторону работодателя при увольнении по п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Апелляционным определением Свердловского областного суда от 23.04.2019 № 33–6976/2019 по спору об увольнении генерального директора по п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ признано, что увольнение по данному основанию возможно только в отношении работников, непосредственно обслуживающих денежные или товарные ценности: применительно к генеральному директору, не принимающему непосредственного участия в обслуживании ценностей, основание неприменимо, а вина и размер ущерба подлежат доказыванию в установленном порядке [7].

4. Неоднократное неисполнение обязанностей: разграничение п. 5 и п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ

Пункт 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ предусматривает увольнение за неоднократное неисполнение работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание. Данное основание нередко смешивают с п. 6 ч. 1 ст. 81 (грубое нарушение трудовых обязанностей), однако разница принципиальна: для увольнения по п. 5 необходимо не менее двух нарушений, причем первое уже должно быть зафиксировано приказом о дисциплинарном взыскании, тогда как для увольнения по п. 6 достаточно одного грубого нарушения.

Верховный Суд РФ последовательно ориентирует нижестоящие суды на проверку соразмерности примененного дисциплинарного взыскания тяжести проступка и обстоятельствам его совершения: увольнение по п. 5 не допускается, если нарушение, послужившее вторым основанием, нельзя квалифицировать как существенное, а работодателем не учтены предшествующее поведение работника и обстоятельства совершения проступка [2]. Например, опоздание на работу продолжительностью 3 часа 50 минут не образует прогула (требуется более 4 часов подряд), однако может являться основанием для увольнения по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ при наличии неснятого дисциплинарного взыскания.

Заключение

Анализ судебной практики за период с октября 2023 г. по октябрь 2026 г. позволяет сформулировать следующие ключевые выводы:

1. Наиболее частые основания для восстановления на работе при увольнении по инициативе работодателя — нарушения процедуры увольнения, а не отсутствие фактического основания.
2. Увольнение за прогул при фактически сложившейся дистанционной работе представляет собой зону повышенного правового риска: если работодатель длительное время допускал работу вне офиса, он утрачивает право настаивать на обязательном присутствии работника по месту нахождения организации.
3. Оценочные понятия («недостаточная квалификация», «грубое нарушение») требуют тщательного документального обоснования; вероятность их оспаривания в суде высока при отсутствии убедительных доказательств.
4. Изменения законодательства 2024–2025 гг. расширили сферу применения п. 7 и 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, однако не решили проблему доказывания вины работника: суды по-прежнему проверяют, обслуживал ли работник непосредственно денежные или товарные ценности, и доказан ли факт причинения ущерба в установленном порядке.

Дальнейшее исследование будет посвящено «невиновным» основаниям прекращения трудового договора — увольнению по собственному желанию, по соглашению сторон и по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, — и анализу случаев, когда даже увольнение по соглашению сторон может быть признано незаконным.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3. — Текст: непосредственный.
2. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370386/ (дата обращения: 13.11.2026).
3. Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2019 № 5-КГ19–106. — Текст: электронный // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по вопросам дистанционной работы и увольнения за прогул // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный. — URL: https://www.advogazeta.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 2024 г. № 8Г-9970/2024. — Текст: электронный // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).

6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.09.2023 № 8Г-18501/2023 [88–19352/2023]. — Текст: электронный // Доступ из СПС «ГАРАНТ». — URL: https://www.garant.ru/news/1710038/ (дата обращения: 13.11.2026).
7. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 23.04.2019 № 33–6976/2019. — Текст: электронный // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
8. Усов А. Ю. Использование оценочных понятий при правовом регулировании трудовых отношений / А. Ю. Усов. — Текст: непосредственный // Искусство правоведения. — 2025. — № 4 (16). — С. 76–83.
9. Бару М. И. Оценочные понятия в советском трудовом законодательстве / М. И. Бару. — Текст: непосредственный // Советское государство и право. — 1970. — № 7. — С. 103–109.

Увольнение по инициативе работника и по соглашению сторон: гарантии, риски и судебная практика

Щелконогов Вячеслав Николаевич, студент магистратуры
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Статья посвящена анализу «невиновных» оснований прекращения трудового договора. Автор рассматривает правовую природу расторжения трудового договора по инициативе работника (ст. 80 ТК РФ) и по соглашению сторон (ст. 78 ТК РФ). На основе анализа судебной практики Верховного Суда РФ, кассационных судов общей юрисдикции и Свердловского областного суда за период исследования (октябрь 2023 г. — октябрь 2026 г.) выявляются критерии законности увольнения и особенности доказывания вынужденного характера увольнения в суде. Отдельное внимание уделено увольнению по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (ст. 83 ТК РФ), и увольнению вследствие нарушения правил заключения трудового договора (ст. 84 ТК РФ). Предлагаются практические рекомендации по минимизации рисков для работодателя и защите прав работника.

Ключевые слова: *увольнение по собственному желанию, статья 80 ТК РФ, соглашение сторон, статья 78 ТК РФ, вынужденное увольнение, статья 83 ТК РФ, судебная практика.*

Dismissal on the initiative of an employee and by agreement of the parties: guarantees, risks and judicial practice

Shchelkonogov Vyacheslav Nikolaevich, master's degree student
Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Ekaterinburg)

The article is devoted to the analysis of «non-culpable» grounds for termination of an employment contract. The author examines the legal nature of termination of an employment contract at the initiative of the employee (Article 80 of the Labor Code of the Russian Federation) and by agreement of the parties (Article 78 of the Labor Code of the Russian Federation). Based on the analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, cassation courts of general jurisdiction, and the Sverdlovsk Regional Court for the research period (October 2023 — October 2026), the criteria for the legality of dismissal and the specifics of proving the forced nature of dismissal in court are identified. Special attention is paid to dismissal due to circumstances beyond the control of the parties (Article 83 of the Labor Code of the Russian Federation) and dismissal as a result of violation of the rules for concluding an employment contract (Article 84 of the Labor Code of the Russian Federation). Practical recommendations are proposed for minimizing risks for the employer and protecting the rights of the employee.

Keywords: *dismissal by own volition, resignation, Article 80 of the Labor Code of the Russian Federation, agreement of the parties, Article 78 of the Labor Code of the Russian Federation, forced dismissal, Article 83 of the Labor Code of the Russian Federation, judicial practice.*

Введение

В предыдущих статьях обоснована социальная значимость института прекращения трудовых отношений и подробно исследованы основания расторжения договора по инициативе работодателя. Вместе с тем практика показывает: работники оспаривают не только увольнения, инициированные работодателем. Увеличивается число исков о признании незаконными увольнений «по собственному желанию» и «по соглашению сторон» [1, с. 2].

Суды в период с 2023 по 2026 г. все чаще признают такие увольнения незаконными, если устанавливают, что волеизъявление работника не было свободным и осознанным. Принципиальное значение при этом приобретает позиция Верховного Суда РФ о правовой природе соглашения о расторжении трудового договора как сделки, требующей добровольного волеизъявления обеих сторон [4].

Кроме того, существует блок оснований, не зависящих от воли сторон, — призыв на военную службу, дисквалификация, восстановление на работе ранее уволенного работника (ст. 83 ТК РФ), а также увольнение вследствие нарушения правил заключения трудового договора (ст. 84 ТК РФ). Эти основания, кажущиеся формальными, на практике порождают значительное число правоприменительных ошибок.

Целью настоящей статьи является анализ «невиновных» оснований увольнения: выявление критериев, при которых увольнение по собственному желанию отражает действительную волю работника, а при которых оно является лишь юридической формой принуждения.

1. Увольнение по собственному желанию (ст. 80 ТК РФ): свобода волеизъявления или принуждение

В соответствии со ст. 80 ТК РФ работник вправе расторгнуть трудовой договор, предупредив работодателя в письменной форме не позднее чем за две недели. На первый взгляд механизм предельно прост, однако ежегодно суды рассматривают значительное число дел, в которых работники утверждают, что заявление об увольнении было написано под давлением.

Бремя доказывания вынужденного характера увольнения лежит на работнике. Истец обязан доказать, что его волеизъявление не было свободным: на него оказывалось давление — угрозы увольнения «по статье», шантаж, создание невыносимых условий работы [3].

Показательно определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2025 № 88–5765/2025: работник, имевший высшее юридическое образование, утверждал, что написал заявление об увольнении под давлением после инициирования служебной проверки. Суды всех инстанций отказали в иске: истец знал о правовых последствиях подачи заявления, не отозвал его в течение срока предупреждения, следовательно, его волеизъявление было свободным и осознанным [5].

Противоположный подход демонстрирует Верховный Суд РФ. В определении от 22.09.2025 № 5 — КГ25–113 — К2 по делу Потапова против ООО «Мечел — Информационные Технологии» высшая судебная инстанция признала незаконным увольнение по соглашению сторон, установив, что работник не имел намерения прекращать трудовые отношения: работникам предлагали расторгнуть договор без каких — либо гарантий, а решающим доказательством явилась аудиозапись переговоров. Как указал Верховный Суд РФ, «правовая природа соглашения предполагает добровольное, осознанное и согласованное волеизъявление сторон» [4].

В практике судов общей юрисдикции также встречаются решения о восстановлении работников, доказавших принуждение к увольнению. Определением Верховного Суда РФ от 13.07.2020 № 39 — КГ20–3 — К — 1 подтверждено, что при доказанности действий работодателя, препятствующих свободному волеизъявлению (блокировка доступа к работе, создание условий, вынуждающих к увольнению), совокупность таких действий может свидетельствовать о намерении принудить работника к увольнению [6].

Для работодателя из этого следует важный вывод: любое взаимодействие с работником, в отношении которого инициируется прекращение трудовых отношений, должно быть прозрачным и документированным. Лишение работника доступа к работе, блокировка электронной почты либо недопущение до исполнения обязанностей могут быть расценены судом как принуждение к увольнению.

2. Соглашение сторон (ст. 78 ТК РФ): иллюзия безусловной надежности

Увольнение по соглашению сторон (ст. 78 ТК РФ) традиционно считалось наиболее «надежным» способом прекращения трудовых отношений для работодателя: стороны подписывают документ, в котором добровольно договариваются о расторжении договора. Однако позиция Верховного Суда РФ 2025 г. скорректировала устоявшееся представление об этом основании.

В определении от 22.09.2025 № 5 — КГ25–113 — К2 Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих инстанций и признал незаконным увольнение по соглашению сторон, установив, что работник не имел намерения прекращать трудовые отношения, а соглашение было подписано под давлением работодателя [4]. Определение получило широкий резонанс в доктрине трудового права: отмечено, что данный подход кардинально меняет ориентировку судов при оспаривании соглашений о расторжении трудового договора — даже подписанное сторонами соглашение может быть признано недействительным при отсутствии добровольного волеизъявления работника, вследствие чего у работодателей более нет «неприкасаемого» основания увольнения [8].

При этом судебная практика не утрачивает устойчивости в ситуациях, когда выбор соглашения являлся осознанным решением работника. Определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2024 № 88–22245/2024 признано правомерным увольнение по соглашению сторон как альтернатива сокращению численности: работник не был лишен возможности выбрать иной вариант поведения — не подписывать соглашение и в случае увольнения по инициативе работодателя обжаловать его в суде [9]. Подписание соглашения в таких случаях оценивается как избранный работником способ

защиты, поскольку законное увольнение по инициативе работодателя повлекло бы для него более негативные последствия [10].

Изложенное означает, что предложение работодателем соглашения о расторжении договора является правомерным при наличии реальных оснований для увольнения по «отрицательным» мотивам. Однако если такие основания отсутствуют, и работник фактически принуждается к подписанию соглашения, при оспаривании он вправе доказывать оказанное на него давление.

3. Увольнение по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (ст. 83 ТК РФ)

Статья 83 ТК РФ предусматривает прекращение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон: призыв на военную службу, дисквалификация, смерть работника, признание его безвестно отсутствующим, наступление чрезвычайных обстоятельств и др.

Увольнение по п. 1 ч. 1 ст. 83 ТК РФ (призыв на военную службу) оформляется только после получения повестки или иного документа, подтверждающего призыв. Если работник самостоятельно прекратил работу, не предоставив подтверждающих документов, увольнение по данному основанию неприменимо.

Увольнение по п. 2 ч. 1 ст. 83 ТК РФ (восстановление на работе работника, ранее выполнявшего эту работу) применяется в случаях, когда незаконно уволенный работник восстанавливается на прежней должности, занятой другим лицом. Новый работник подлежит увольнению по данному основанию с выплатой выходного пособия в размере двухнедельного среднего заработка. При наличии вакансий работодатель обязан предложить работнику перевод на другую работу до издания приказа об увольнении.

Увольнение по п. 5 ч. 1 ст. 83 ТК РФ (признание работника полностью нетрудоспособным) допускается только при подтверждении полной нетрудоспособности медицинским заключением, выданным в установленном порядке. При признании работника ограниченно трудоспособным увольнение по данному основанию невозможно.

4. Увольнение вследствие нарушения правил заключения трудового договора (ст. 84 ТК РФ)

Статья 84 ТК РФ регулирует прекращение трудового договора в случаях, когда он был заключен с нарушением правил, исключающим возможность продолжения работы: выполнение работы противопоказана работнику по состоянию здоровья, отсутствует документ об образовании или лицензия, договор заключен в нарушение приговора суда о лишении права занимать определенные должности.

Увольнение по ст. 84 ТК РФ производится, если невозможно перевести работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодателя работу. При отказе работника от перевода либо отсутствии подходящей работы трудовой договор прекращается.

На практике данное основание применяется относительно редко, однако ошибки при его использовании влекут серьезные последствия: при увольнении по ст. 84 ТК РФ без предложения другой работы (при её наличии) суд восстанавливает работника. Выплата выходного пособия при увольнении по данному основанию является не правом, а обязанностью работодателя [1, ст. 84].

Заключение

Анализ судебной практики за период с октября 2023 г. по октябрь 2026 г. позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Увольнение по собственному желанию может быть оспорено и признано незаконным, если работник докажет, что его волеизъявление не было свободным. Однако бремя доказывания лежит на работнике, и суды относятся к таким искам критически при отсутствии убедительных доказательств принуждения.

2. Увольнение по соглашению сторон более не является основанием, исключающим судебный контроль: Верховный Суд РФ в определении от 22.09.2025 № 5 — КГ25–113 — К2 указал, что соглашение должно отражать добровольное и осознанное волеизъявление работника. Признаки давления (блокировка доступа, угрозы, манипуляции) могут стать основанием для признания увольнения незаконным.

3. Увольнение по ст. 83 ТК РФ требует тщательного документального оформления: каждое обстоятельство должно быть подтверждено соответствующими документами, а работодатель обязан соблюсти процедуру, включая предложение вакансий, где это предусмотрено законом.

4. Судебная практика по трудовым спорам развивается в направлении усиления проверки фактических обстоятельств увольнения: суды все чаще исследуют не только формальные признаки волеизъявления, но и фактическое состояние свободы выбора работника.

Для работодателя это означает необходимость пересмотра подходов к управлению персоналом: принуждение, угрозы и манипуляции влекут не только риск проигрыша судебного спора, но и репутационные потери. Для работника существенно понимание, что даже подписанное заявление или соглашение не лишает его права на судебную защиту, если воля не была свободной.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197 — ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3. — Текст: непосредственный.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (ред. от 29.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2004. — № 6. — Текст: непосредственный.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1091 — О — О. — Текст: электронный // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
4. Определение Верховного Суда РФ от 22.09.2025 № 5-КГ25–113-К2. — Текст: электронный // Доступ из СПС «ГАРАНТ». — URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2025 № 88–5765/2025. — Текст: электронный // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
6. Определение Верховного Суда РФ от 13.07.2020 № 39 — КГ20–3 — К — 1. — Текст: электронный // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 № 6 — О. — Текст: электронный // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
8. Сагитова Е. В., Огрина В. В. Принцип добровольности при расторжении трудового договора по соглашению сторон / Е. В. Сагитова, В. В. Огрина. — Текст: электронный // Вопросы российской юстиции. — 2026. — URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
9. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2024 № 88–22245/2024. — Текст: электронный // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
10. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2025 № 88–5765/2025. — Текст: электронный // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
11. Степанова Е. А. Выходное пособие при прекращении трудового договора по соглашению сторон / Е. А. Степанова. — Текст: непосредственный // Трудовое право в России и за рубежом. — 2023. — № 4. — С. 33–39.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2026) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).

ПОЛИТОЛОГИЯ

Энергетика в отношениях России и ЕС: от взаимозависимости к селективной конфронтации

Банникова Диана Александровна, студент магистратуры
Дипломатическая академия МГИМО МИД России (г. Москва)

В статье анализируется трансформация энергетического взаимодействия России и Европейского союза в 2022–2026 годах. Цель исследования — определить, как политические решения, изменения мирового энергетического рынка и сохраняющиеся технологические связи повлияли на характер двусторонних отношений. Методологическую основу составили сравнительный и институциональный анализ, а также анализ статистических данных Европейской комиссии, Евростата, Международного энергетического агентства и отраслевых организаций. Показано, что энергетические отношения перешли от взаимозависимости, основанной на торговле и инфраструктуре, к модели селективной конфронтации. Она проявляется в сочетании ограничений на импорт российских энергоресурсов, рыночной адаптации европейских и российских участников и сохранении отдельных технологических связей, прежде всего в атомной энергетике. Сделан вывод, что политическое противостояние не привело к одномоментному разрыву всех связей: скорость их изменения зависит от типа энергоресурса, инфраструктуры и возможности найти альтернативные технологии. Отдельно рассматривается атомная энергетика как пример сектора, в котором сохраняется зависимость от ранее созданных технологических решений, но уже формируются альтернативные цепочки поставок. Научная значимость работы заключается в использовании понятия селективной конфронтации для объяснения неодинаковой скорости изменений в различных сегментах энергетического взаимодействия.

Ключевые слова: *энергетическая безопасность, односторонние ограничительные меры, Россия, Европейский союз, энергетическая дипломатия, ядерный топливный цикл.*

Введение

Российско-европейское энергетическое взаимодействие до 2022 года представляло собой устойчивую систему распределения ролей. Россия обеспечивала значительную часть потребностей европейского рынка в углеводородах, а страны ЕС, в свою очередь, располагали развитой инфраструктурой приёма, хранения и переработки энергоресурсов и формировали устойчивый спрос. [15] Масштаб такой связи хорошо виден по показателям 2021 года: на российский газ приходилось около 45 % совокупного газового импорта Европейского союза, а в начале 2022 года доля российской нефти оценивалась примерно в 27 % импорта Союза. [3]

Однако высокая степень хозяйственной связанности не означала отсутствия политических противоречий. После 2014 года стало очевидно, что экономическая взаимозависимость повышает для участников цену политического конфликта, но не устраняет его причин. [16]

Задача настоящего исследования состоит в выявлении того, каким образом изменилась роль энергетики в отношениях России и ЕС после 2022 года. В центре внимания находятся ограничительные меры, последствия энергетического шока для европейского рынка, изменение инфраструктуры и поиск Россией новых экспортных направлений. Рабочее предположение заключается в том, что энергетическая сфера перестала выполнять преимущественно деполитизированную функцию экономического сближения.

Для описания сложившейся модели в статье используется понятие «селективная конфронтация». Под ним понимается состояние отношений, при котором политические решения ограничивают или прекращают одни направления энергетического обмена, тогда как другие продолжают существовать из-за рыночных условий, инфраструктурной зависимости или длительности технологического перехода. От простого санкционного разрыва эта модель отличается неоднородностью: одновременно действуют политико-санкционная логика (запреты и ограничения), логика рыночной адаптации (смена поставщиков, маршрутов и ценовых механизмов) и логика сохранения технологических связей («острова» сотрудничества, прежде всего в атомной энергетике).

Метод исследования включает сравнительный анализ динамики поставок и нормативных решений, анализ ста-

тистических материалов Европейской комиссии, Евростата, МЭА и отраслевых организаций, а также институциональный анализ энергетической инфраструктуры.

Проблематика энергетической взаимозависимости и энергетической дипломатии рассматривается в работах С. З. Жизнина и Ю. В. Боровского; санкционные механизмы и их политико-правовые последствия исследуются в работах российских специалистов по международным отношениям.

Настоящая статья объединяет эти направления в рамках анализа трёх взаимосвязанных логик.

Энергетика как основа взаимозависимости

Наиболее прочной частью российско-европейской энергетической системы до 2022 года был трубопроводный газ. Его особенность заключалась в том, что взаимозависимость была закреплена не только контрактами, но и материальной инфраструктурой. Долгосрочные соглашения, газотранспортные магистрали, компрессорные станции, подземные хранилища и трансграничные соединения формировали систему, которую невозможно было перестроить мгновенно.

В 2021 году по трубопроводам из России в ЕС поступило 137 млрд куб. м газа. Ещё примерно 13 млрд куб. м было поставлено в виде СПГ. Следовательно, совокупный объём российского газового импорта достигал около 150 млрд куб. м. Масштаб этих потоков объясняет, почему последующая трансформация потребовала не только политических решений, но и длительной перестройки инфраструктуры, контрактных отношений, логистики и структуры европейского спроса. [5]

Вместе с тем проблемы данной энергетической системы начали формироваться ещё до возникновения острой фазы кризиса. Её нестабильность была связана с особенностями территориальной организации поставок и зависимостью от конкретных транспортных маршрутов. [24] Дополнительными факторами, обуславливающими уязвимость к внешним изменениям, выступали различия в экономических и политических интересах отдельных государств Европейского союза, высокая роль транзитных механизмов, а также постепенное превращение энергетических вопросов в предмет политического противостояния. С этой точки зрения санкционные меры, введённые в 2022–2023 гг., реализация европейской инициативы REPowerEU и последующее сокращение использования российского газа представляют собой не только реакцию на новые обстоятельства, но и ускорение процессов перестройки и проявление накопившихся структурных дисбалансов.

Особое место в этой трансформации занимает украинский транзит. Договорённости о транспортировке российского газа через территорию Украины были рассчитаны до 31 декабря 2024 года. Соглашение между «Газпромом» и «Нафтогазом Украины» было оформлено 30 декабря 2019 года при посредничестве Европейской комиссии. Оно предусматривало на 2020 год транспортировку либо оплату 65 млрд куб. м, а на каждый год периода 2021–2024 гг. — по 40 млрд куб. м. После окончания срока действия договор продлён не был: украинская сторона отказалась от переговоров о продлении. [25] Это лишило ЕС ещё одного маршрута и ускорило перестройку его подходов к энергетической безопасности.

Санкции и перестройка энергобаланса

Регулирование ограничительных мер Европейского союза в отношении России опирается, в частности, на Регламент Совета ЕС № 833/2014. После 2022 года его положения неоднократно расширялись: ограничения затронули финансовые операции, отдельные виды технологий, страхование и морские перевозки. В декабре 2022 года государства ЕС совместно с участниками Коалиции по ограничению цен на нефть G7 ввели ценовой потолок на российскую нефть, который применяется с 5 декабря 2022 года. Газовый сектор регулировался иначе. В январе 2026 года ЕС принял Регламент (ЕС) 2026/261, предусматривающий поэтапный запрет импорта российского природного газа. Этот акт не является поправкой к санкционному Регламенту № 833/2014: он оформлен как отдельный торгово-энергетический инструмент на основании статей 207 и 194 Договора о функционировании ЕС и принят квалифицированным большинством голосов, то есть не требует единогласного согласия всех государств-членов. Тем самым ЕС использовал иной правовой механизм, дополняющий действующий санкционный режим. [25] Для краткосрочных контрактов запрет применяется с 25 апреля 2026 года для СПГ и с 17 июня 2026 года для трубопроводного газа; для долгосрочных контрактов — с 1 января 2027 года для СПГ и с 30 сентября 2027 года для трубопроводного газа (при определённых условиях срок может быть перенесён на 1 ноября 2027 года). [4]

Изменение количественных показателей импорта показывает масштаб перестройки. Согласно данным Европейской комиссии, совокупный российский газовый импорт ЕС, включая трубопроводные поставки и СПГ, сократился с примерно 150 млрд куб. м в 2021 году до 52 млрд куб. м в 2024 году. [8] Доля России в общем газовом импорте Союза уменьшилась с 45 % в 2021 году до 19 % в 2024 году и 12 % в 2025 году. [6] Параллельно увеличивалась роль СПГ: его доля в общем газовом импорте ЕС выросла примерно с 20 % в 2021 году до 45 % в 2025 году. [26]

Как следствие, газовый европейский рынок стал в большей степени зависеть от международной торговли СПГ, тогда как значение традиционных трубопроводных направлений уменьшилось. [3]

Перестройка сопровождалась сильным ценовым воздействием. В августе 2022 года цена газа TTF[1]с поставкой

[1] Title Transfer Facility — основной виртуальный рынок торговли газом в Европе

на следующий месяц достигала 300 евро за МВт·ч в пике дневных котировок. По оценке ACER, такой уровень был связан сразу с несколькими обстоятельствами — сокращением предложения, конкуренцией покупателей за СПГ, ожиданиями участников рынка и инфраструктурными ограничениями. [27] Последующее снижение котировок не вернуло рынок к прежней модели: изменились как структура поставок, так и характер рисков.

Параллельно трансформировался подход к формированию цены на природный газ. Российский трубопроводный газ в Европу поставлялся преимущественно на основании долгосрочных договорённостей, при этом в ряде контрактов стоимость была связана с динамикой нефтяных цен. В 2024 году средняя стоимость российского трубопроводного газа для европейских покупателей оценивалась в диапазоне $241–265 за тыс. куб. м. [11] Для сравнения, средний уровень цен на газовом хабе TTF составлял около $386,5 за тыс. куб. м, а в отдельные периоды эквивалентная стоимость достигала приблизительно $520. [12]

Существенными оказались и финансовые масштабы перехода к новой структуре газоснабжения. По расчётам IEEFA, с начала 2022 года по июнь 2025 года государства Европейского союза потратили на приобретение СПГ примерно €258 млрд. Из этой суммы около €117,4 млрд пришлось на закупки газа американского происхождения. [13] Таким образом, изменение географии поставок не устранило как таковую внешнюю зависимость европейского рынка. [28] Вместо преимущественной ориентации на отдельные трубопроводные источники возросло значение глобального рынка СПГ, международной конкуренции за доступные партии газа и расходов, связанных с морской транспортировкой. [9]

В 2024 году американские поставки составляли 45,3 % импорта СПГ ЕС, российские — 17,5 %. [9] К концу 2025 года американская доля оценивалась примерно в 56 %, а по итогам всего года Европейская комиссия приводила показатель около 58 %. В физическом объёме американские поставки выросли примерно вдвое по сравнению с 2021 годом. Российская доля в различных расчётах оставалась в диапазоне 12–18 %. [8] IEEFA оценивала доли за первую половину 2025 года в 55 % для США и 16 % для России и указывала на более высокую стоимость американского СПГ для европейских покупателей по сравнению с рядом других поставщиков. [13]

Следовательно, европейская диверсификация привела к значительно большей роли американского СПГ и мирового рынка сжиженного газа. Это снизило значение российского трубопроводного газа, но усилило зависимость европейских потребителей от глобальных цен и условий поставок. [9]

Таблица 1. **Динамика импорта трубопроводного газа и СПГ в ЕС (2021–2025 гг.)**

Показатель	2021 г.	2024 г.	2025 г.
Импорт российского трубопроводного газа, млрд куб. м	152	52	36
Доля российского газа в общем импорте газа ЕС, %	45	19	12

Источники:
REPowerEU: Three Years On — European Commission Takes Stock of Progress in Phasing Out Russian Fossil Fuels
Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine
Russian gas imports: Council gives final green light to a stepwise ban

Разворот российской экспортной стратегии на Восток

Уменьшение объемов реализации на европейском направлении стало для России стимулом к более активному освоению других экспортных рынков. Однако возможности и темпы такой переориентации определялись спецификой конкретного вида энергетического сырья. Использование морских маршрутов, применение ценовых скидок и наличие у зарубежных нефтеперерабатывающих предприятий возможностей для приёма и переработки российского сырья позволили в сравнительно короткие сроки изменить географию нефтяного экспорта. Статистические материалы Международного энергетического агентства свидетельствуют о том, что уже в 2023 году российские нефтяные экспортные потоки существенно увеличились в направлении Турции, Индии, Китая и ряда стран Ближнего Востока. При этом средний объём индийского импорта российской нефти в течение 2025 года находился на уровне приблизительно 1,7 млн баррелей в сутки. Вместе с тем в январе 2026 года индийские закупки временно сократились. [14]

Газовый экспорт обладает иной инфраструктурной природой, поэтому его переориентация происходит медленнее. Одним из ключевых элементов восточного направления стала «Сила Сибири». [18] В 2020 году по этому маршруту было поставлено 4,1 млрд куб. м газа, а в 2024 году — 31,12 млрд куб. м; на проектную мощность газопровод вышел с 1 декабря 2024 г. Проектная мощность газопровода составляет 38 млрд куб. м в год. [29]

Значение «Силы Сибири» выходит за рамки обычной компенсации выпадающих европейских поставок. Развитие маршрута означает изменение географии российского газового экспорта и закрепление азиатского направления как самостоятельного элемента энергетической стратегии.

В перспективе эту систему должен дополнить проект «Сила Сибири — 2», предусматривающий прохождение части маршрута через Монголию («Союз–Восток»). Его на-

значение состоит в соединении ресурсной базы Западной Сибири с китайским рынком. Проектная мощность оценивается в 50 млрд куб. м в год. В сентябре 2025 года «Газпром» и CNPC подписали юридически обязывающий меморандум. Планируемая протяжённость маршрута составляет около 6700 км, из которых 2700 км приходятся на российскую территорию и более 960 км — на территорию Монголии. [18]

Рассмотренные изменения позволяют сделать вывод о том, что трансформация российской экспортной политики происходит по-разному в нефтяной и газовой отраслях. Поставки нефти сравнительно легче адаптировать к изменению направлений благодаря более широким возможностям организации логистики. В газовом секторе подобная перестройка значительно сложнее: перенос основных потоков на новые рынки связан с необходимостью крупных инвестиций и продолжительным созданием соответствующей инфраструктуры. Одновременно с изменением географии экспорта происходит корректировка условий внешнеторговых отношений, включая используемые договорные механизмы и подходы к формированию цен. [30; 31]

Сохраняющиеся зоны сотрудничества

Несмотря на общее ослабление энергетического взаимодействия, атомная энергетика в данной системе отношений занимает особое место. В этом секторе между Россией и некоторыми европейскими странами по-прежнему сохраняются технологические зависимости. Одной из причин их продолжения является специфика уже функционирующей инфраструктуры: значительная часть её объектов создавалась с учётом российских технологических решений. Поэтому отказ от них в пользу альтернативных вариантов не может быть осуществлён мгновенно и предполагает проведение инженерной адаптации и прохождение необходимых процедур лицензирования.

Особенно наглядно технологическая связанность проявляется на примере реакторных установок типа ВВЭР, которые используются в Болгарии, Чехии, Словакии, Венгрии и Финляндии. Для таких энергоблоков первоначально предусматривалось применение ядерного топлива российского производства, поставляемого компанией «ТВЭЛ». За длительный период эксплуатации вокруг технологии ВВЭР сформировалась система технического и сервисного обеспечения, в которой российские организации участвовали в поставках топлива, сервисном обслуживании, модернизации оборудования и решении инженерных задач.

Переход к альтернативным поставщикам уже осуществляется, хотя его темпы различаются по странам и типам реакторов. Болгария заключила договоры с Westinghouse на поставку топлива для блока № 5 АЭС «Козлодуй» и с Framatome — для блока № 6. Первые топливные сборки Westinghouse были загружены в реактор «Козлодуй-5» в мае 2024 года. В Чехии контракты с Westinghouse и Framatome заключены для АЭС «Темелин», однако первая поставка нового топлива для станции состоялась в 2025 году, а загрузка сборок Westinghouse планировалась на конец 2026 года. Поэтому переход к альтернативным топливным сборкам предполагает испытания, адаптацию, лицензирование и дополнительные расходы. [32]

Это позволяет сделать более общий вывод: технологическая связанность в атомной энергетике формируется значительно медленнее, чем обычные торговые отношения. Поэтому присутствие российских решений определяется не только объёмом текущих поставок, но и накопленной за десятилетия инфраструктурной и инженерной совместимостью. Для полного замещения требуется перестройка оборудования, дополнительные испытания и значительное финансирование.

Вместе с тем Европейский союз последовательно реализует курс на диверсификацию ядерного топлива. В 2024 году Агентство по снабжению Евратома [22] подчёркивало необходимость уменьшения зависимости от поставщиков, которые рассматриваются как высокорискованные (относя к ним Россию), и настаивало на переходе к альтернативным решениям для реакторов российского дизайна. Однако особенности эксплуатации ВВЭР и длительность необходимых процедур объективно ограничивают скорость этого процесса.

По данным Годового отчёта Агентства по снабжению Евратома за 2024 год, доля России в поставках услуг по обогащению урана для европейских потребителей составляла 37,9 % в 2023 году и снизилась до 23,55 % в 2024 году. Таким образом, зависимость уже сокращается, но российские поставки сохраняли заметное значение в рассматриваемом периоде. Особенности эксплуатации реакторов ВВЭР и необходимость лицензирования альтернативного топлива ограничивают скорость дальнейшего перехода.

Заключение

Проведённое исследование позволяет определить российско-европейские энергетические отношения 2022–2026 годов как модель селективной конфронтации. Её сущность состоит не в полном прекращении энергетических связей, а в их избирательном ограничении: политические решения закрывают одни направления взаимодействия, в то время как другие сохраняются из-за рыночных условий, инфраструктуры и технологических особенностей.

Первой составляющей этой модели стала политико-санкционная логика. Она проявилась в расширении ограничений в отношении российского энергетического сектора, введении ценового потолка на нефть и принятии отдельного регламента ЕС о поэтапном прекращении импорта российского газа. Прекращение транзита через Украину с 1 января 2025 года дополнительно изменило конфигурацию поставок на европейский рынок.

Вторая составляющая — рыночная адаптация. Европейские государства расширили закупки СПГ и диверсифицировали маршруты, однако зависимость от внешних поставщиков сохранилась и стала сильнее зависеть от глобальной конкуренции и цен. Россия, в свою очередь, перенаправила значительную часть нефтяного экспорта

в Азию, тогда как изменение географии газовых поставок требует более длительного строительства инфраструктуры и крупных инвестиций.

Третья составляющая — сохранение отдельных технологических связей. Наиболее отчётливо она проявляется в атомной энергетике, где переход от российского топлива к альтернативным решениям требует испытаний, лицензирования и адаптации топливных сборок. Вместе с тем примеры Болгарии и Чехии показывают, что такие связи не являются неизменными: замещение уже началось, но происходит постепенно. Поэтому атомная энергетика выступает не постоянным исключением из конфронтации, а сферой, в которой технологическая инерция замедляет политически мотивированный разрыв.

Таким образом, устойчивость селективной конфронтации определяется сочетанием трёх процессов: политического ограничения отдельных направлений, рыночной перестройки потоков и сохранения технологических связей там, где их быстрое замещение невозможно. Дальнейшее развитие отношений будет зависеть от темпов диверсификации ядерного топливного цикла, доступности альтернативных источников энергии и способности сторон адаптировать инфраструктуру к новым условиям.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с количественной оценкой экономических последствий перехода ЕС к альтернативным поставщикам, анализом условий переориентации российского экспорта и изучением устойчивости технологических связей в атомной энергетике. Особое значение имеет сопоставление адаптационных стратегий России и Европейского союза в условиях изменения мировой энергетической системы.

Литература:

1. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. 2014. L 229. P. 1–11. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:32014R0833 (дата обращения: 05.05.2026).
2. Regulation (EU) 2026/261 of the European Parliament and of the Council of 26 January 2026 on phasing out Russian natural gas imports and preparing the phase-out of Russian oil imports, improving monitoring of potential energy dependencies and amending Regulation (EU) 2017/1938 // Official Journal of the European Union. 2026. OJ L, 2026/261. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32026R0261 (дата обращения: 05.05.2026).
3. European Commission. Commission takes stock of progress to phase out Russian fossil fuels. 16 May 2025. — URL: https://energy.ec.europa.eu/news/repowereu-3-years-commission-takes-stock-progress-phase-out-russian-fossil-fuels-2025–05–16_en (дата обращения: 05.05.2026).
4. Council of the European Union. Russian gas imports: Council gives final green light to a stepwise ban. 26 January 2026. — URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/01/26/russian-gas-imports-council-gives-final-greenlight-to-a-stepwise-ban/ (дата обращения: 05.05.2026).
5. European Commission. In focus: EU energy security explained. 20 April 2026. — URL: https://energy.ec.europa.eu/news/focus-eu-energy-security-explained-2026–04–20_en (дата обращения: 05.05.2026).
6. European Commission. Security of gas supply. — URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-security/security-gas-supply_en (дата обращения: 05.05.2026).
7. European Commission. Oil price cap. — URL: https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine/oil-price-cap_en (дата обращения: 05.05.2026).
8. European Commission. REPowerEU — 4 years on. — URL: https://energy.ec.europa.eu/strategy/repowereu-phase-out-russian-energy-imports/repowereu-4-years_en (дата обращения: 05.05.2026).
9. Eurostat. Imports of energy products to the EU down in 2024. 21 March 2025. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20250321–1 (дата обращения: 05.05.2026).
10. ACER; CEER. European gas market trends and price drivers: annual report monitoring the internal gas market in 2022 and 2023. — URL: https://www.ceer.eu/wp-content/uploads/2024/05/European-gas-market-trends-and-price-drivers.pdf (дата обращения: 05.05.2026).
11. European Commission. Quarterly Report on European Gas Markets. — URL: https://energy.ec.europa.eu/data-and-analysis/market-analysis_en (дата обращения: 05.05.2026).
12. Trading Economics. Dutch TTF Natural Gas: price statistics. — URL: https://tradingeconomics.com/commodity/natural-gas (дата обращения: 05.05.2026).
13. Institute for Energy Economics and Financial Analysis (IEEFA). European LNG Tracker. — URL: https://ieefa.org/european-lng-tracker (дата обращения: 05.05.2026).
14. International Energy Agency. Oil Market Report — February 2026. Paris: IEA, 2026. — URL: https://www.iea.org/reports/oil-market-report-february-2026 (дата обращения: 05.05.2026).
15. Жизнин С. З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. М.: ИМИ МГИМО, 2019. 320 с.
16. Боровский Ю. В. Энергетическая безопасность в системе международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 3 (72). С. 7–24.

17. Naftogaz of Ukraine. Naftogaz, GTSOU and Gazprom signed a set of agreements to ensure Russian gas transit over the next five years. 31 December 2019. — URL: https://www.naftogaz.com/en/news/naftogaz-gtsou-and-gazprom-signed-a-set-of-agreements-to-ensure-russian-gas-transit-over-the-next-five-years (дата обращения: 05.05.2026).
18. ПАО «Газпром». «Сила Сибири». — URL: https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/ (дата обращения: 05.05.2026).
19. ПАО «Газпром». Пресс-релизы о проекте «Сила Сибири — 2». — URL: https://www.gazprom.ru/press/news/2025/09/ (дата обращения: 05.05.2026).
20. Westinghouse Electric Company. Westinghouse Delivers First VVER-1000 Fuel Reload to Bulgaria. 29 May 2024. — URL: https://info.westinghousenuclear.com/news/westinghouse-delivers-first-vver-1000-fuel-reload-to-bulgaria (дата обращения: 05.05.2026).
21. ČEZ Group. First new nuclear fuel from Westinghouse arrives in the Czech Republic. 23 May 2025. — URL: https://www.cez.cz/cs/pro-media/tiskove-zpravy/prvni-nove-jaderne-palivo-westinghouse-dorazilo-do-ceske-republiky-220823 (дата обращения: 05.05.2026).
22. Euratom Supply Agency. Annual Report 2024. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2025. DOI: 10.2833/9472340. — URL: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/297623/ESA %20Annual %20Report %202024.pdf (дата обращения: 05.05.2026).
23. https://euratom-supply.ec.europa.eu/document/download/4991f977–5fa7–415e-8b7f-04714f01c533_en?filename=202509773_PDFA2A_MJ0125120ENA_002.pdf
24. Симонов К. В. Политические риски на мировых энергетических рынках: факторы и тенденции // Нефтегазовая вертикаль. — 2021. — № 5. — С. 34–41
25. Боровский Ю. В. Топливно-энергетический комплекс как объект западных ограничительных мер // Энергетическая политика. — 2023. — № 1. — С. 52–63.
26. EU energy markets: Evolving gas and electricity price linkages in a more volatile system // European Commission. Economy and Finance:. — — URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/economic-forecasts/spring-2026-economic-forecast-slowdown-growth-energy-shock-drives-inflation/eu-energy-markets-evolving-gas-electricity-price-linkages-more-volatile-system_en (Дата обращения: 31.07.2026).
27. Opinion No 07/2022 on ENTSOG's Winter Supply Outlook 2022/2023 // Agency for the Cooperation of Energy Regulators (ACER). 2022. — URL: https://www.acer.europa.eu/sites/default/files/documents/Official_documents/Acts_of_the_Agency/Opinions/Opinions/ACER_Opinion_07–2022_on_ENTSOG %E2 %80 %99s_Winter_Supply_Outlook_2022–2023.pdf (дата обращения: 24.04.2026).
28. Гривач А. И. Энергетический переход и геополитические риски для экспортёров углеводородов // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — Т. 66, № 8. — С. 25–35.
29. ПАО «Газпром». «Газпрому» поручено приступить к предынвестиционной стадии проекта «Сила Сибири — 2». — URL: https://www.gazprom.ru/press/news/2020/march/article502469/ (дата обращения: 14.05.2026).
30. ПАО «Газпром». Алексей Миллер провел совещание, посвященное предварительным итогам года. — URL: https://eog.gazprom.ru/press/news/2024/12/2478/ (дата обращения: 05.05.2026).
31. ИМЭМО РАН. Центр энергетических исследований. Материалы Энергетического форума — 2024 (МАЭФ–2024): «Пространство энергетических диалогов: новые возможности и вызовы для России». — Москва, 2024.
32. Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом». Итоги деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» за 2024 год. — М., 2025. — URL: https://www.report.rosatom.ru/go/rosatom/go_rosatom_2024/rosatom_2024_ru.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

Языковые проекты как инструмент «мягкой силы» в образовательном сотрудничестве Республики Татарстан и Московской области с Китайской Народной Республикой

Николаева Валерия Максимовна, студент
Научный руководитель: Галиуллин Марат Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Введение

Профессор Гарвардского университета Джозеф Сэмюэл Най-младший в своей работе «Будущее власти» 2011 года сформулировал наиболее полное определение понятия «мягкая сила» — способность влияния на других с помощью представления привлекательности страны и оказания положительного воздействия для достижения

желаемых целей. [18] Также в своей работе «Мягкая сила как средство достижения успеха в мировой политике» Джозеф Най показывает, что «мягкая сила» опирается на культурную и политическую составляющую страны, и может дополнять её военную мощь.

В том числе, Най считает, что предоставление образования иностранным гражданам может иметь положительное влияние на «мягкую силу» региона, предоставляющего образовательные услуги. [17] Соответственно, и языковые проекты могут являться эффективным инструментом «мягкой силы», поскольку через преподавание языка страна иллюстрирует особенности своей культуры и своего народа, а также укрепляет образовательное сотрудничество между странами.

Проблема исследования заключается в необходимости оценки эффективности языковых проектов как инструментов «мягкой силы» в образовательном сотрудничестве Республики Татарстан и Московской области с Китайской Народной Республикой.

Методологическая база исследования представлена историко-генетическим методом, который позволил выявить, как именно языковые проекты влияют на образовательное сотрудничество; историко-типологическим, который был использован при условном распределении проектов на типы; историко-системным, который помог представить всю необходимую информацию в структурированном виде.

Степень изученности темы

Чжан Юйкунь и Керимов А. А. представили свою статью в 2025 году «Использование «мягкой силы» в образовательной системе Китая в XXI веке». [15] В том же году Хусаинова С. С. опубликовала статью «Русский язык как инструмент мягкой силы евразийской интеграции». [14] Также в 2025 году была опубликована статья Игоря Позднякова «Российско-китайское сотрудничество в области образования — взаимовыгодная проекция «мягкой силы»». [11] В 2026 году был представлен автореферат диссертации Вана То на тему «Продвижение китайского языка в РФ как инструмент мягкой силы КНР в 2001–2025 гг.». [1] Таким образом, можно сделать вывод, что были исследованы лишь некоторые аспекты данной проблемы. Соответственно, тема представленного исследования не была изучена.

В Республике Татарстан и в Московской области активно реализуются языковые проекты по продвижению китайского языка так же, как и в Китайской Народной Республике реализуются проекты по продвижению русского языка. Таким образом, регионы используют языковые проекты в качестве инструментов «мягкой силы» своей страны.

Республика Татарстан активно налаживает сотрудничество в области образования с Китайской Народной Республикой. В первую очередь необходимо сказать, что с 2007 года на базе Казанского федерального университета работает Институт Конфуция, где китайский язык включён в большое количество программ подготовки. [5] Также китайский язык преподают в Казанском инновационном университете имени В. Г. Тимирясова, который так же, как и КФУ, сотрудничает с китайскими вузами. [10] В рамках реализации языковых проектов в названных университетах преподают китайский язык и организовывают совместные программы обмена между российскими и китайскими студентами.

В дополнение, в республике функционирует большое количество частных языковых школ с преподаванием китайского языка. Например, школа китайского языка «Мандарин Сан», который предлагает обучение для разных уровней подготовки. [16] Помимо этого, в Татарстане проводятся различные мероприятия, конкурсы и олимпиады по китайскому языку. Например, в 2023 году в Казани прошёл фестиваль китайского языка с участием почётных гостей из Китая. [2]

Московская область, будучи центральным и стратегическим регионом Российской Федерации, стремительно развивает образовательное сотрудничество с Китаем посредством реализации языковых проектов. Самыми крупными проектами китайского языка в МО бесспорно являются Институты Конфуция при Московском государственном лингвистическом университете [7] и Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. [6] В рамках данных проектов студентов обучают китайскому языку, знакомят с китайской культурой, а также проводят тематические мероприятия.

В Московской области реализуются и школьные проекты с углубленным изучением китайского языка. Например, в Одинцовском районе функционирует дополнительная образовательная программа «Китайский язык», включая программы для детей младшего и среднего школьного возраста. [9]

Большой упор делается также на подготовке к олимпиадам. Преподаватели секции китайского языка, работающей при Институте иностранных языков МГЛУ, сотрудничают с образовательным центром «Взлёт». В рамках данного сотрудничества школьники Московской области могут заниматься подготовкой к Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку. [8]

Более того, языковые проекты по китайскому языку создаются и при библиотеках. Более 150 библиотек предоставляют жителям области доступ к изучению иностранных языков, в числе которых и китайский язык. [4]

Языковые проекты как инструмент «мягкой силы» используют и для продвижения русского языка в Китайской Народной Республике. В первую очередь стоит сказать, что с 1981 года существует Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, в рамках которой исследователи и преподаватели двух стран могут свободно взаимодействовать друг с другом и принимать участие в различных совместных научно-исследовательских и образовательных мероприятиях. Благодаря данной ассоциации, по состоянию на 2024 год, в Китае насчитывалось около 200 вузов, где русский язык преподавался как

специальность. [12] Примером может послужить Харбинский институт иностранных языков, где русскому языку обучаются около 1000 студентов. [13]

Секретарь парткома Института русского языка Пекинского университета иностранных языков Хуан Мэй ещё в 2024 году говорила об увеличении числа средних школ, в которых обучают русскому языку, что говорит о стремительном внедрении русского языка в систему образования Китая и о наличии интереса к языку среди китайского народа. [12]

Практикуется также открытие Центров образования русского языка в Китае. Например, в китайском городе Урумчи в 2023 году был открыт Центр открытого образования на русском языке и обучения русскому языку Министерства просвещения Российской Федерации. Центр создавался при участии Новосибирского государственного педагогического университета. [3]

Помимо этого, интерес к русскому языку усиливают и с помощью организации конкурсов. В 2024 году Россотрудничество запустило в КНР пилотный проект всекитайского конкурса культуры и русского языка «Золотой ключ». Подобный проект позволяет не только привлечь новых людей к изучению русского языка, но и позволяет опробовать свои знания тем, кто уже изучает язык. [12]

Заключение

Все вышеперечисленные языковые проекты в Республике Татарстан, Московской области и Китайской Народной Республике характеризуются достаточно высокой эффективностью, поскольку число детей и взрослых, изучающих русский язык в Китае и китайский язык в России, заметно растёт. Благодаря языковым проектам, растёт интерес не только к русскому и китайскому языку, но и к их культуре, истории, народу. Тем самым, между людьми двух стран выстраивается доверие и диалог, возникают общие интересы и формируется схожее мировоззрение. Это, в свою очередь, способствует налаживанию коммуникации на межправительственном уровне и сбалансированному сотрудничеству России и Китая в различных сферах. Таким образом, языковые проекты являются ключевым инструментом «мягкой силы» в образовательном сотрудничестве Республики Татарстан и Московской области с Китайской Народной Республикой.

Литература:

1. Ван То. Продвижение китайского языка в РФ как инструмент мягкой силы КНР в 2001–2025 гг // Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. URL: https://www.rudn.ru/storage/media/science_ dissertation/b58925ec-563a-448b-bd4a-be6b90b9f0bc/vzHZQDrRPqGT9 VQ2SqBQEiZ1cY9Qh8c1K8DNlcZv.pdf (дата обращения: 28.07.2026). — Текст: электронный.
2. В казанской гимназии № 183 пройдёт фестиваль китайского языка // Десятилетие детства. — Дата публикации: 16.02.2023. URL: https://10let.edu.gov.ru/novosty/v-kazanskoj-gimnazii—183-projdet-festival—kitajskogo-jazyka (дата обращения: 19.07.2026). — Текст: электронный.
3. В Китае в Центре открытого образования на русском языке прошли обучение более 300 студентов // Министерство просвещения РФ: официальный сайт. — Дата публикации: 20.01.2024. URL: https://edu.gov.ru/press/8051/v-kitae-v-centre-otkrytogo-obrazovaniya-na-russkom-yazyke-i-obucheniya-russkomu-yazyku-proshli-obuchenie-bolee-300-studentov/ (дата обращения: 21.07.2026). — Текст: электронный.
4. Жителям Подмосковья напомнили об изучении иностранных языков в библиотеках // Газета «Московский Комсомолец». — Дата публикации: 26.09.2024. URL: https://www.mk.ru/mosobl/2024/09/26/zhitelyam-podmoskovya-napomnili-ob-izuchenii-inostrannykh-yazykov-v-bibliotekakh.html (дата обращения: 19.07.2026). — Текст: электронный.
5. Институт Конфуция // Казанский (Приволжский) федеральный университет: официальный сайт. URL: https://kpfu.ru/ci (дата обращения: 19.07.2026). — Текст: электронный.
6. Институт Конфуция при МГУ им. М. В. Ломоносова // Официальный сайт организации. URL: https://cimsu.ru/ (дата обращения: 19.07.2026). — Текст: электронный.
7. Институт Конфуция при Московском государственном лингвистическом университете // Официальный сайт организации. URL: https://ci.linguanet.ru/ (дата обращения: 19.07.2026). — Текст: электронный.
8. Китайская секция // Московский государственный лингвистический университет: официальный сайт. URL: https://linguanet.ru/fakultety-i-instituty/institut-inostrannykh-yazykov-imeni-morisa-toreza/kafedra-podgotovki-prepodavateley-redkikh-yazykov/kitayskaya-sektsiya/ (дата обращения: 19.07.2026). — Текст: электронный.
9. Китайский язык // Система дополнительного образования Московской области. URL: https://new.dop.mosreg.ru/program/120540-kitaiskii-yazyk (дата обращения: 19.07.2026). — Текст: электронный.
10. Летний образовательный кампус КИУ в Китае, погружение в язык и культуру Поднебесной // Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова: официальный сайт. URL: https://ieml.ru/news/47015/ (дата обращения: 19.07.2026). — Текст: электронный.
11. Поздняков И. Российско-китайское сотрудничество в области образования — взаимовыгодная проекция «мягкой силы» // Журнал «Международная жизнь». URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3241 (дата обращения: 28.07.2026). — Текст: электронный.

12. Пушкиным едины: как русский язык стремительно набирает популярность среди жителей Китая // Информационное агентство «ТАСС». — Дата публикации: 06.06.2024. URL: https://tass.ru/opinions/20957889 (дата обращения: 23.07.2026). — Текст: электронный.
13. Русский язык за пределами филологии: итоги визита Института Пушкина в КНР // Институт русского языка им. А. С. Пушкина: официальный сайт. — Дата публикации: 15.04.2026. URL: https://www.pushkin.institute/news/itogi-vizita-v-knr/ (дата обращения: 21.07.2026). — Текст: электронный.
14. Хусаинова С. С. Русский язык как инструмент мягкой силы евразийской интеграции // Россия в глобальном мире. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-kak-instrument-myagkoy-sily-evraziyskoy-integratsii (дата обращения: 28.07.2026). — Текст: электронный.
15. Чжан Юйкунь, Керимов Александр Алиевич. Использование «мягкой силы» в образовательной системе Китая в XXI веке // KANT: SS&H. 2025. № 2 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-myagkoy-sily-v-obrazovatelnoy-sisteme-kitaya-v-xxi-veke (дата обращения: 28.07.2026). — Текст: электронный.
16. Школа китайского языка Мандарин Сан // Официальная страничка организации «Вконтакте». URL: https://vk.ru/mandarinschoolkazan (дата обращения: 19.07.2026). — Текст: электронный.
17. Nye J. S. (Най Джозеф Сэмюэл) // Soft power: The means to success in world politics. N. Y.: PublicAffairs (Мягкая сила как средство достижения успеха в мировой политике. Нью-Йорк: Связи с общественностью). 2004. С. 44–46.
18. Nye J. S. (Най Джозеф Сэмюэл) // The Future of power: N. Y.: PublicAffairs (Будущее власти: Нью-Йорк: Связи с общественностью). 2011. С. 20–21.

СОЦИОЛОГИЯ

Трудовые мигранты в России: ресурс для экономики или источник социальной напряжённости?

Тиньков Владислав Николаевич, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

Вступление

Разговор о приезжих в России давно перестал быть темой для узкого круга специалистов. Он идёт везде — в магазинах, в родительских чатах. Кто-то уверен: без мигрантов стройки встанут, дворы зарастут мусором, а склады некому будет разгружать. Кто-то возражает: зайдите в школу или в поликлинику — и всё станет ясно. И у тех, и у других есть основания. Но сам по себе приезжий не виноват. Это человек, который покинул родные места, потому что там не на что жить. Куда важнее другой вопрос: сколько таких людей, в каких условиях они находятся и насколько этот процесс поддаётся контролю. Попробуем разобраться без громких слов, опираясь на цифры и на высказывания официальных лиц.

Стоит сразу оговориться: тема эта многослойная. Здесь переплетаются экономика и культура, право и быт, статистика и личный опыт. Кто-то судит о мигрантах по своей стройке или своему подъезду, кто-то — по новостям. И то и другое — часть картины. Но чтобы понять, где польза, а где риск, нужно смотреть на цифры и на то, что говорят люди, отвечающие за политику в этой сфере.

Деньги, которые приходят в бюджет

Начнём с того, что можно посчитать. За 2025 год иностранные граждане получили в России 2,3 миллиона патентов на трудовую деятельность. Это на 9 % больше, чем годом ранее. Патент — это авансовый платёж по НДФЛ. В общей сложности такие платежи принесли бюджету 172 миллиарда рублей. Прирост к предыдущему году — 39 % [1].

Основные поступления идут из Москвы, Санкт-Петербурга, Татарстана, Подмосковья, Ленинградской и Свердловской областей [1]. Спикер Госдумы Вячеслав Володин объясняет рост просто: мигранты выходят из тени. Всё больше людей работает по документам, а не «в чёрную» [2].

Эти цифры ломают два стереотипа. Первый: будто все приезжие — нелегалы. Второй: будто от них одни проблемы. Легальная миграция приносит живые деньги. И это не случайность: за два года Дума приняла 22 закона о миграции [1]. Работа идёт, пусть и не без пробуксовок.

Есть и другая сторона. Мигранты закрывают те места, куда местные не очень хотят идти. Если бы этих людей не было, часть строек и складов просто встала бы. Это не значит, что миграция — благо по определению. Это значит, что разговор «пускать или не пускать» — слишком простой. Вопрос в том, кого пускать и на каких условиях.

Что тревожит граждан

Теперь о том, что не измеряется миллиардами. Миллионы людей с другим языком, другими привычками, другой верой меняют облик городов. И это изменение многим не нравится. Дело не только в статистике преступлений — она бывает разной. Дело в повседневности.

Самая болезненная тема — этнические анклавы. Член Совета по правам человека, глава Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов говорит об этом прямо. Чем больше становится анклав, тем больше появляется этнических банд, включая подростковые. И это сразу видно в криминальной статистике [3]. По его данным, в 2025 году иностранцы совершили 41,1 тысячи преступлений. Это на 6,5 % больше, чем годом ранее. При этом общая преступность в стране упала на 7,3 % [3]. Кабанов связывает рост с распространением радикально-исламистской идеологии и с «нарративами АУЕ» [3]. Здесь важно не смешать всё в кучу: речь не про ислам и не про верующих мусульман. Речь про преступную идеологию, которую сами мусульмане отвергают.

Вторая тема — дети мигрантов в школах. Кабанов высказался и здесь. По его словам, большое число детей иностранцев мешает учиться российским детям: «учитель не справляется» [4]. Он считает (и не без основания), что «чем меньше в российских школах будет детей мигрантов, тем лучше» [4]. Даже один ребёнок, плохо говорящий по-русски, оттягивает на себя внимание учителя и тормозит класс [4]. С 1 апреля 2025 года дети мигрантов обязаны проходить тест по русскому языку при приёме

в школу [5]. Но школы, по словам Кабанова, оказались не готовы: педагоги не понимают процедуру, а в отчётах плохо говорящие дети часто просто не отражаются [5].

Третья тема — деньги на рынке труда. Многие приезжие соглашаются на низкую оплату. Для работодателя это выгодно. Для местного работника — нет: зарплаты в некоторых отраслях проседают. Плюс теневая занятость, где права нарушают системно. Это создаёт напряжение внутри самого рынка труда: люди видят, что их труд обесценивается, и это вызывает раздражение — не столько против мигрантов лично, сколько против системы, которая допускает такую конкуренцию.

Что делает государство

Политика за последние годы заметно сместилась. Раньше на миграцию смотрели в том числе как на способ закрыть демографические дыры. Теперь акцент другой. Дума приняла целый пакет законов: расширила список тех, кто обязан сдавать дактилоскопию и проходить медосмотр, ввела режим высылки для тех, кто находится в стране без оснований, ужесточила ответственность работодателей за нелегалов.

Есть и новые предложения. Например, обязать мигрантов содержать себя и семью на уровне регионального прожиточного минимума и платить фиксированный аванс за каждого члена семьи [6]. Логика простая: миграция должна быть выгодна и стране, и самому человеку. А не так, что издержки перекладывают на местных.

Главный принцип, который проглядывает в этих решениях, — отбор. Не «чем больше, тем лучше», а «сколько нужно и каких именно». Стране нужны те, кто приносит пользу. Те, кто создаёт проблемы, — не нужны. Это не жестокость, это управление. И если оно работает, то и общественное раздражение снижается — люди видят, что государство не пускает процесс на самотёк.

Так рабочая сила или бомба замедленного действия?

Возвращаемся к заголовку. Ответ, наверное, такой: ни то ни другое в чистом виде. Пока миграция легальная и контролируемая — это рабочая сила. Она платит налоги, закрывает дыры в кадрах, держит на плаву целые отрасли. Как только поток выходит из-под контроля, интеграция подменяется анклавами, а законы — отписками, — появляется та самая «бомба».

Проблема не в миграции как таковой. Проблема в её масштабе, нелегальности и неуправляемости. Когда людей больше, чем государство может переварить, учесть и проконтролировать, — жди беды. Именно об этом говорят и документы, и законы последних двух лет, и правозащитники. Задача — превратить стихийный поток в управляемый. Контроль, отбор, интеграция. Без истерик и без шапкозакидательства.

Что в итоге

Легальная миграция — это скорее необходимость. 2,3 миллиона патентов и 172 миллиарда рублей налогов в 2025 году — не абстракция, а реальные деньги [1]. Отказаться от иностранной рабочей силы при нынешнем дефиците кадров было бы странно.

Но польза не отменяет издержек несущих возможные угрозы. Анклавы и рост этнической преступности, перегруженные классы, где страдают российские дети, демпинг на рынке труда — это не выдумки, а то, на что указывают и правозащитники, и законодатели. Ответ на это — не запреты, а управление: жёсткий контроль на границе, отбор нужных специалистов, нормальная интеграция и неотвратимая ответственность для нарушителей. А также уважение со стороны мигрантов к культурным и духовным ценностям государствообразующего народа. Нужна четкая концепция определяющая реализацию государственной миграционной политики в Российской Федерации. О чем уже говорил наш уважаемый Президент РФ [7]. От того, получится ли это, зависит спокойствие в стране. Задача государства — найти баланс. Чтобы мигрант оставался рабочей силой и не превращался в детонатор. И чтобы разговор об этом шёл не на повышенных тонах, а с опорой на факты. Тогда и решение будет правильным.

Литература:

1. Председатель ГД рассказал о готовящихся решениях по совершенствованию миграционной политики // Государственная Дума. 2026. 11 марта. URL: http://duma.gov.ru/news/63172/
2. Володин: рост числа оформленных патентов говорит о выводе из тени трудовой миграции // Дума ТВ. 2026. 12 марта. URL: https://dumatv.ru/news/volodin—rost-chisla-oformlennih-patentov-govorit-o-vivode-iz-teni-trudovoi-migratsii
3. Кабанов К. В. «Качество» иностранного контингента, приезжающего в Россию, оставляет желать лучшего // Аргументы Недели. 2026. 18 февраля. URL: https://argumenti.ru/opinion/2026/02/987325
4. Член СПЧ Кабанов: дети мигрантов мешают обучению российских школьников // Смотрим. 2025. 14 августа. URL: https://www.vesti.ru/article/4642430
5. Член СПЧ Кабанов: Школы не готовы к новому порядку зачисления детей мигрантов // Парламентская газета. 2025. 28 января. URL: https://www.pnp.ru/social/chlen-spch-kabanov-shkoly-ne-gotovy-k-novomu-poryadku-zachisleniya-detey-migrantov.html
6. Володин: Мигрантов выводят из тени // Российская газета. 2026. 12 марта. URL: https://rg.ru/2026/03/12/volodin-migrantov-vyvodiat-iz-teni.html

7. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738 О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Влияние физической активности на соматическое и психологическое здоровье студентов

Арефьев Максим Павлович, студент
Научный руководитель Смирнов Илья Андреевич, преподаватель
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье рассматривается влияние регулярной физической активности на физическое и психологическое здоровье студентов. На основе анализа исследований показано, что у значительной части студентов уровень двигательной активности недостаточен, а его снижение сопровождается ростом индекса массы тела. У студентов с высокой физической активностью ниже уровень тревожности и стресса, лучше качество сна и работоспособность. Отмечены факторы, ограничивающие двигательную активность: учебная нагрузка, нехватка времени и климатические условия. Сделан вывод о необходимости сочетать занятия физической культурой с доступными формами повседневной активности.

Ключевые слова: *физическая активность, двигательная активность, студенты, физическое здоровье, психологическое здоровье, тревожность, стресс.*

Студенческий возраст — период, когда формируются привычки, во многом определяющие здоровье человека в дальнейшем. С поступлением в вуз меняется режим дня, растёт объём самостоятельной работы, а значительная часть времени проходит сидя — на занятиях и за компьютером. Недостаток движения в сочетании с нерегулярным сном и учебными нагрузками отрицательно сказывается как на физическом состоянии, так и на эмоциональном самочувствии.

Актуальность темы подтверждают отечественные исследования последних лет, фиксирующие недостаточную и снижающуюся двигательную активность студенческой молодёжи [1; 3]. Цель статьи — на основе анализа научных работ рассмотреть, как физическая активность связана с физическим и психологическим здоровьем студентов и какие условия необходимы для её устойчивого положительного эффекта.

1. Двигательная активность и физическое здоровье студентов

М. О. Одинцова, И. Е. Янкевич и А. П. Ярошинская обследовали 719 первокурсников Астраханского государственного медицинского университета в 2021/2022 и 2022/2023 учебных годах [1]. Доля студентов с высокой двигательной активностью (5–7 ч в неделю помимо учебной программы) за этот период снизилась с 62,4 до 54,2 %, а доля студентов с низкой активностью (0–2 ч в неделю) выросла с 16,1 до 24,5 %. Одновременно у первокурсников 2022/2023 учебного года оказался выше индекс массы тела (ИМТ). Наибольшую двигательную активность показали студенты с самым низким ИМТ, а занятия не менее 5 ч в неделю были связаны с лучшей физической подготовленностью и стабильной массой тела [1].

На уровень движения влияют и внешние условия. Е. Н. Копейкина и соавторы с помощью шагомеров изучили двигательную активность 186 студентов 17–20 лет и выявили её сильную прямую связь с продолжительностью светового дня ($r = 0,93$) и числом ясных дней ($r = 0,82$), а также обратную связь с продолжительностью метелей ($r = –0,99$) и дождей ($r = –0,89$) [2]. Для вузов с долгой холодной зимой, в том числе на Дальнем Востоке, это означает, что в осенне-зимний период студентам особенно важны занятия в помещении и организованные формы активности.

Таким образом, регулярная двигательная активность помогает поддерживать нормальную массу тела, выносливость и общую работоспособность. При этом нагрузку следует наращивать постепенно и с учётом подготовленности, чтобы избежать переутомления и травм.

2. Физическая активность и психологическое состояние

Учебная нагрузка, сессии, адаптация к новой среде и недосыпание делают студентов уязвимыми к стрессу и тревоге. А. Э. Хусаинов и соавторы обследовали 684 студента Башкирского государственного медицинского университета, определив уровень физической активности по международному опроснику IPAQ, а тревожность —

по методике Спилбергера — Ханина [3]. Высокий уровень физической активности имели лишь около 27 % студентов, низкий — более 34 %. У малоактивных студентов ситуативная тревожность составила в среднем 42,2 балла против 31,3 балла у высокоактивных, а личностная — 47,7 против 33,3 балла; различия статистически значимы [3].

Сходные закономерности получили А. С. Данилова и М. Е. Данилова при анкетировании 200 студентов РНИМУ им. Н. И. Пирогова: систематические занятия спортом положительно коррелировали с успеваемостью (r = 0,62) и отрицательно — с уровнем стресса (r = –0,58) [4]. Главными препятствиями для занятий студенты назвали высокую учебную нагрузку и нехватку времени [4].

Положительный эффект дают и доступные виды нагрузки. В исследовании Е. В. Артамоновой и А. Е. Зеленцова студенты с преимущественно сидячим образом жизни в течение 8 недель занимались скандинавской ходьбой 3–4 раза в неделю по 30–40 мин [5]. По сравнению с контрольной группой у них примерно на треть выросло ежедневное количество шагов, снизились проявления стресса и тревожности, улучшились качество сна, концентрация внимания и работоспособность [5].

Следует учитывать, что выше представленные работы носят корреляционный характер: они показывают связь физической активности с самочувствием, но не доказывают, что именно она является причиной изменений, а психологические показатели во многом оцениваются по самоотчётам студентов [3; 4; 5]. Поэтому корректнее говорить о вероятной пользе регулярных занятий, а не о гарантированном результате для каждого.

3. Условия эффективности физической активности

Эффект во многом определяется регулярностью: эпизодическая интенсивная тренировка не компенсирует длительную малоподвижность [5]. Более устойчивая стратегия — встроить движение в распорядок недели: пешие маршруты, активные перерывы между парами, занятия в секциях или самостоятельные тренировки с учётом интересов, расписания и состояния здоровья студента.

Поскольку основными барьерами остаются учебная нагрузка и нехватка времени [4], а зимой — неблагоприятная погода [2], вузам важно не только проводить обязательные занятия физической культурой, но и создавать условия для повседневной активности: доступные спортивные залы, разнообразные секции, удобное расписание. Физическая активность не заменяет медицинской или психологической помощи, но может быть частью комплексной профилактики.

4. Заключение

Анализ исследований 2022–2025 гг. [1–5] показывает, что физическая активность связана с лучшим физическим и психологическим состоянием студентов: более активные студенты имеют более стабильную массу тела [1], более низкий уровень тревожности и стресса [3; 4; 5], лучше спят [5] и успешнее учатся [4]. Вместе с тем у значительной части первокурсников двигательная активность недостаточна и имеет тенденцию к снижению [1; 3].

Положительный эффект зависит от регулярности занятий, соответствия нагрузки индивидуальным возможностям и условий, созданных в вузе [2; 4; 5]. Даже такие доступные формы активности, как ходьба, способны улучшить самочувствие студентов [5]. Поэтому вузам целесообразно развивать разнообразные формы физической активности, а студентам — формировать устойчивые двигательные привычки.

Литература:

1. Одинцова, М. О. Оценка уровня двигательной активности студентов Астраханского государственного медицинского университета / М. О. Одинцова, И. Е. Янкевич, А. П. Ярошинская // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2023. — № 3 (217). — С. 343–347. — DOI: 10.34835/issn.2308–1961.2023.03.p343–347.
2. Климатогеографические условия как фактор влияния на величину двигательной активности студентов / Е. Н. Копейкина, В. Л. Кондаков, А. Н. Усатов [и др.] // Человек. Спорт. Медицина. — 2024. — Т. 24, № S1. — С. 72–80. — DOI: 10.14529/hsm24s110.
3. Уровень тревожности у студентов медицинского вуза с физической активностью разной интенсивности / А. Э. Хусаинов, Т. Р. Зулькарнаев, А. И. Агафонов [и др.] // Здоровье населения и среда обитания — ЗНиСО. — 2022. — Т. 30, № 4. — С. 39–43. — DOI: 10.35627/2219–5238/2022–30–4–39–43.
4. Данилова, А. С. Интеграция физической активности в образовательную среду медицинского вуза: оценка потребностей и влияния на профессиональное становление / А. С. Данилова, М. Е. Данилова // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. — 2025. — № 3 (31). — С. 5–8.
5. Артамонова, Е. В. Влияние скандинавской ходьбы на уровень физической активности среди студентов / Е. В. Артамонова, А. Е. Зеленцов // Modern Humanities Success = Успехи гуманитарных наук. — 2025. — № 3. — С. 311–316.

Влияние геймифицированных мобильных приложений на внутреннюю мотивацию студентов к занятиям физической культурой

Громов Арсений Федорович, студент
Научный руководитель: Смирнов Илья Андреевич, преподаватель
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье рассматривается влияние геймифицированных мобильных приложений на внутреннюю мотивацию студентов к занятиям физической культурой. По результатам анализа научных публикаций выделены возможности такого формата: поддержка базовых психологических потребностей, наглядная обратная связь и социальное взаимодействие. Показаны и его слабые места: недостаток данных именно о внутренней мотивации студентов, риск демотивации из-за рейтингов, технические и организационные ограничения. Сделан вывод, что геймифицированные приложения разумнее использовать как вспомогательное средство при педагогической поддержке, а не как самостоятельный способ мотивации.

Ключевые слова: *физическая культура, геймификация, мобильные приложения, внутренняя мотивация, студенты, теория самодетерминации.*

Недостаток двигательной активности остаётся устойчивой проблемой студенческой молодёжи: по данным авторов обзора, около 60 % студентов испытывают дефицит движения. Однако количество занятий — не единственный фактор: важно и то, почему студент занимается. Внутренняя мотивация, основанная на интересе и удовольствии от самих упражнений, считается наиболее устойчивой формой мотивации: такие студенты чаще продолжают тренироваться и при слабом внешнем воздействии [1]. Между тем в вузе физическая культура представлена как учебная дисциплина с обязательной аттестацией, поэтому можно предположить, что значительная часть мотивации студентов остаётся внешней.

Мобильные приложения с игровыми механиками — баллами, уровнями, рейтингами, наградами — стали привычной частью студенческой жизни: по данным опроса омских студентов, опыт использования фитнес-приложений есть у 84,4 % респондентов, а в физическом воспитании их всё чаще предлагают использовать как средство мотивации [1]. Но использование приложения и внутренняя мотивация — не одно и то же: оно может заставить студента больше ходить, не сделав занятия более интересными для него самого. Возникает вопрос: что геймифицированные приложения дают внутренней мотивации студентов и в каких случаях они могут ей навредить.

1. Возможности геймифицированных приложений

Компетентность и наглядная обратная связь. Теория самодетерминации выделяет три базовые психологические потребности — в автономии, компетентности и связанности с другими людьми; по данным исследований, одновременное удовлетворение потребностей в автономии и компетентности укрепляет внутреннюю мотивацию [4]. Приложения откликаются прежде всего на потребность в компетентности. Объективные данные в реальном времени (пройденные километры, затраченные калории) подтверждают результат занятия и повышают самоэффективность, а возможность видеть прогресс и достижения укрепляет уверенность в собственных силах. Студенты отмечают удобство отслеживания функциональных показателей, объёма и интенсивности нагрузки, а в опросе студентов медицинского вуза, занимавшихся в геймифицированном электронном курсе по физической культуре, 94 % отметили удобство отслеживания своего прогресса [2].

Автономия и самоконтроль. Приложения позволяют студенту самому ставить цели и следить за их выполнением, что поддерживает автономию, и учитывают интерес студента к тому или иному показателю и виду активности. Похожий принцип использован в упомянутом курсе: практические задания студенты выполняли самостоятельно дома, контролируя нагрузку по пульсу и записывая результаты в специальную форму. Это важно, потому что при занятиях по собственной инициативе вовлечённость студентов заметно возрастает [1].

Связанность и социальное взаимодействие. Публичное сравнение результатов способно усиливать чувство принадлежности к группе, а система баллов позволяет поощрять не только спортивные результаты, но и социальную активность [5]. Приложения вроде MyFitnessPal или Strava мотивируют студентов соревноваться и обмениваться результатами, а открытые рейтинги создают атмосферу позитивного соперничества. Возможность обмениваться данными, сравнивать их и соревноваться, по мнению авторов омского исследования, может помогать поддерживать интерес [3].

Оценки самих студентов. В опросе 84 студентов педагогического вуза (Омск, 2021 г.) 77,3 % отметили, что приложения помогли им нормализовать режим, увеличить двигательную активность и повысить физическую подготовленность; доля студентов, пробовавших приложения, выросла от 60,3 % на первом курсе до 93,1 % на третьем. Те же авторы ссылаются на работу, в которой отмечено по-

ложительное влияние электронных устройств и приложений на мотивацию студентов к физкультуре [3]. Однако в этом опросе мотивация отдельно не измерялась, а игровые механики не выделялись из других функций приложений, поэтому вывод о влиянии именно геймификации на внутреннюю мотивацию делать рано.

2. Ограничения и риски

Слабая доказательная база. Омский опрос охватил 84 студентов одного вуза, преимущественно девушек 18–23 лет, и опирался на самооценки; сами авторы называют недостаточную научно-методическую разработанность вопроса одной из причин, по которым приложения редко используют в вузах [3]. В работе уральских авторов сравнивались результаты студентов разных учебных годов (2021–2022 и 2023–2024), а мотивацию оценивали по анкете удовлетворённости [2]. Одновременной контрольной группы в нём не было, поэтому связать рост показателей именно с геймификацией нельзя.

Демотивация из-за рейтингов. Публичное сравнение полезно не всем: студент, постоянно оказывающийся в конце рейтинга, может потерять мотивацию и отказаться от участия [5]. Внешние награды помогают на начальном этапе, пока внутренний интерес не сформировался [1], но сами по себе интереса не создают. С позиций теории самодетерминации можно ожидать, что рейтинг, постоянно показывающий отставание, ущемляет потребность в компетентности и ослабляет мотивацию. В рекомендациях по поддержке автономии, кроме того, советуют использовать заметные поощрения и наказания минимально [4]. Можно предположить, что при ориентации на баллы смысл занятия смещается с самой деятельности на вознаграждение; в рассмотренных работах этот риск напрямую не проверялся.

Технические и организационные ограничения. Основными недостатками приложений студенты называют обилие рекламы (42,6 %), назойливые уведомления (25,5 %) и неточность результатов (22,3 %); необходимость платить после пробного периода стала для 16,4 % причиной отказа от приложения, а 22,7 % опрошенных заявили, что приложения не помогли им достичь цели [3]. Сбои и неточности датчиков способны привести к потере интереса, а использование приложений в учебном курсе ставит вопрос о защите персональных данных студентов [5]. Кроме того, при включении приложения в учебный процесс требуется участие преподавателя: он помогает выбрать качественный продукт, поскольку в интернете встречаются и поддельные приложения, контролирует данные и корректирует задания. Среди причин, по которым приложения пока редко применяют в вузах, названы слабая готовность преподавателей, низкое качество интернета и отсутствие нужных гаджетов у студентов [3].

3. Заключение

Геймифицированные мобильные приложения не являются ни гарантией внутренней мотивации, ни её заведомой угрозой. Они дают наглядную обратную связь, поддерживают автономию и социальное взаимодействие студенты оценивают их как полезное средство организации занятий. Однако недостаток данных именно о внутренней мотивации студентов, риск демотивации из-за рейтингов, технические и организационные ограничения остаются серьёзными препятствиями. Для вузов разумная стратегия состоит в использовании таких приложений как дополнения к очным занятиям с учётом базовых психологических потребностей студентов, а не в расчёте на то, что баллы и рейтинги сами сформируют интерес к физической культуре.

Литература:

1. Психологические и педагогические технологии мотивации студентов к занятиям физической культурой в условиях цифровизации образования / Е. В. Корелина, А. В. Мельникова, Е. А. Суворова, П. Йованович, О. В. Прохорова. — Текст: электронный // Успехи гуманитарных наук. — 2025. — № 4. — С. 111–117.
2. Геймирование как инструмент обучения по дисциплине «Физическая культура и спорт» в вузе / С. Л. Усольцева, К. А. Рямова, Л. В. Лагунова, А. Р. Филиппов. — Текст: электронный // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2026. — № 5 (255). — С. 40–46.
3. Смирнова, Е. И. Мобильные приложения как средство активизации самостоятельной работы по физической культуре студентов / Е. И. Смирнова, О. А. Сухостав, Н. В. Матюнина. — Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 474. — С. 22–28.
4. Снопкова, Е. И. Мотивация как самоопределение и самоэффективность: педагогический обзор зарубежных теорий мотивации учебной деятельности / Е. И. Снопкова. — Текст: электронный // Народная асвета. — 2022. — № 3. — С. 8–11.
5. Петкевич, В. Н. Цифровая среда как фактор мотивации студентов к физкультурно-спортивной деятельности / В. Н. Петкевич, С. Ю. Власенко. — Текст: электронный. — 2025.

Феномен прокрастинации в физической культуре: психологические барьеры и стратегии поведенческой активации у молодежи

Посканная Анна Ивановна, студент
Научный руководитель: Смирнов Илья Андреевич, преподаватель
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье рассматривается феномен прокрастинации в сфере физической культуры и спорта среди молодежной аудитории. Анализируются психологические барьеры, препятствующие реализации намерений заниматься физической активностью, такие как низкая самоэффективность, страх негативной оценки и цифровое отвлечение. На основе обзора современных русскоязычных исследований и данных мини-опроса студенческой выборки обосновывается эффективность стратегий поведенческой активации: формирования намерений реализации, метода микрошагов и геймификации. Делается вывод о необходимости интеграции психологических компетенций в учебный процесс по физической культуре для преодоления разрыва между знанием о пользе спорта и реальным поведением.

Ключевые слова: *прокрастинация, физическая культура, поведенческая активация, психологические барьеры, мотивация, молодежь, самоэффективность, разрыв «намерение — действие».*

Проблема формирования здорового образа жизни (ЗОЖ) среди молодежи остается одной из приоритетных в современной педагогике и психологии спорта. Парадокс современной ситуации заключается в том, что подавляющее большинство молодых людей осведомлены о пользе регулярной физической активности и декларируют намерение заниматься спортом, однако на практике систематически откладывают начало тренировок или прерывают их [1; 4]. Это явление получило название «спортивная прокрастинация» или прокрастинация в сфере физической культуры.

Если академическая прокрастинация (откладывание учебы) изучена достаточно подробно, то прокрастинация в отношении собственного здоровья и двигательной активности в русскоязычной научной литературе освещена фрагментарно. Между тем, хроническое откладывание физических нагрузок ведет не только к ухудшению соматического здоровья, но и к росту уровня тревожности и снижению общей самооценки из-за постоянного чувства вины за бездействие [2; 5]. Настоящая статья призвана систематизировать данные о психологических барьерах, лежащих в основе этого феномена, и предложить научно обоснованные стратегии поведенческой активации для молодежной аудитории.

1. Психологическая природа прокрастинации в сфере физической активности

Прокрастинацию в контексте физической культуры следует определять не как обычную лень или отсутствие времени, а как иррациональное добровольное откладывание запланированной двигательной активности, несмотря на осознание негативных последствий такого бездействия [3]. В основе этого явления лежит классический разрыв «намерение-действие» (intention-behavior gap).

Ключевым психологическим механизмом, объясняющим этот разрыв, является низкая физическая самоэффективность (термин А. Бандуры). Молодой человек может хотеть быть спортивным, но не верить в свою способность выполнить конкретное действие (например, правильно выполнить упражнение или выдержать нагрузку) [1]. Когда задача воспринимается как слишком сложная или пугающая, мозг выбирает стратегию избегания, переключаясь на более простые источники дофамина (социальные сети, видеоигры).

Кроме того, важную роль играет эмоциональная регуляция. Прокрастинация — это проблема управления эмоциями, а не временем. Страх дискомфорта, усталости или негативной оценки со стороны окружающих в спортзале вызывает мгновенное желание снять это напряжение, отказавшись от тренировки [2]. Таким образом, прокрастинация выступает как краткосрочный механизм защиты психики, который в долгосрочной перспективе наносит ущерб здоровью.

2. Эмпирические данные: основные барьеры молодежной аудитории

Для выявления специфических барьеров был проведен анализ данных анкетирования, охватывающего выборку из 120 студентов вузов г. Москвы в возрасте 18–23 лет, не имеющих регулярной спортивной нагрузки (менее 1 часа в неделю). Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале степень влияния различных факторов на их отказ от занятий физической культурой. Результаты позволили выделить четыре ключевые группы барьеров:

I. Когнитивно-оценочные барьеры («Страх оценки»). 68 % респондентов отметили дискомфорт от возможного осуждения их физической формы или техники выполнения упражнений более опытными занимающимися. Этот барьер особенно выражен у девушек и людей с избыточной массой тела [4].

II. Барьеры самоэффективности («Незнание с чего начать»). 72 % опрошенных указали, что отсутствие четкого, понятного и безопасного плана действий парализует их волю. Абстрактное намерение «начать бегать с понедель-

ника» разбивается о непонимание маршрута, темпа и экипировки.

III.Ресурсные иллюзии («Отсутствие времени»). Данный фактор занял первое место в опросе (85 %), однако детальный анализ тайм-менеджмента респондентов показал, что в среднем они тратят более 2,5 часов в день на пассивное потребление цифрового контента. Это указывает на то, что «нет времени» является рационализацией, маскирующей низкий приоритет физической активности [5].

IV. Эмоциональное выгорание и усталость. 54 % студентов связывают отказ от спорта с высокой академической нагрузкой, выбирая физический покой как единственный доступный способ восстановления, не учитывая, что легкая физическая активность способствует более качественному восстановлению, чем пассивный отдых [3].

3. Стратегии поведенческой активации

Преодоление прокрастинации требует не усиления силы воли (которая является исчерпаемым ресурсом), а изменения архитектуры выбора и применения стратегий поведенческой активации. На основе проанализированных данных можно выделить три наиболее эффективных подхода, адаптированных для молодежи.

Во-первых, техника «Намерения реализации» (Implementation Intentions). Исследования показывают, что абстрактные цели («я буду больше двигаться») не работают. Эффективной является формула «Если возникнет ситуация X, я выполню действие Y» [1]. Например: «Если я пришел домой с учебы, я сразу переодеваюсь в спортивную форму и делаю 10-минутную разминку». Такая привязка нового поведения к уже существующей рутине (триггеру) снижает когнитивную нагрузку на принятие решения в моменте.

Во-вторых, стратегия микрошагов и «правило 5 минут». Для преодоления начального сопротивления (страха перед большой нагрузкой) предлагается ставить минимально возможные цели. Договоренность с собой позаниматься всего 5 минут снимает психологический барьер «тяжести» задачи. Как правило, после начала движения инерция помогает продолжить тренировку, а если нет — 5 минут лучше, чем ноль, что поддерживает цепочку привычки и не вызывает чувства вины [4].

В-третьих, геймификация и социальная подотчетность. Использование фитнес-трекеров, закрывающих «кольца активности», или участие в челленджах трансформирует скучную обязанность в игру с мгновенным вознаграждением. Кроме того, договоренность с другом о совместной тренировке создает внешний социальный контроль: отменить тренировку для себя легко, но подвести друга — психологически сложнее, что повышает приверженность занятиям [2; 5].

4. Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Феномен прокрастинации в физической культуре является сложным психологическим явлением, в основе которого лежит не лень, а сбой механизмов саморегуляции, низкая самоэффективность и страх негативных эмоций. Эмпирические данные подтверждают, что главными барьерами для молодежи выступают не объективная нехватка времени, а когнитивные искажения и отсутствие четких алгоритмов действий. Применение стратегий поведенческой активации (намерения реализации, микрошаги, геймификация) демонстрирует высокую эффективность в преодолении разрыва между намерением и действием. Практическое следствие для системы образования очевидно: занятия физической культурой в вузах и школах не должны сводиться исключительно к сдаче нормативов. Педагогам необходимо интегрировать элементы психологической подготовки, обучая студентов навыкам целеполагания, саморегуляции и преодоления внутренних барьеров. Только такой комплексный подход позволит трансформировать разовые намерения молодежи в устойчивую привычку к здоровому образу жизни.

Литература:

1. Ковалев, Д. В. Психологические детерминанты разрыва «намерение-действие» в сфере физической активности студентов / Д. В. Ковалев, Е. А. Морозова. — Текст: непосредственный // Вестник спортивной науки. — 2025. — № 2. — С. 45–51.
2. Сидоров, П. И. Саморегуляция и прокрастинация в спорте: учебно-методическое пособие / П. И. Сидоров. — Москва: Спорт, 2024. — 112 с.
3. Васильева, О. Н. Барьеры на пути к здоровому образу жизни: социологический и психологический анализ молодежной аудитории / О. Н. Васильева. — Текст: электронный // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2026. — № 1. — С. 12–18. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 02.11.2026).
4. Громов, А. С. Геймификация как инструмент поведенческой активации и повышения мотивации к занятиям физической культурой / А. С. Громов, К. Л. Лебедев. — Текст: непосредственный // Физическая культура в школе. — 2025. — № 4. — С. 22–27.
5. Новикова, Т. А. Формирование привычки к регулярным физическим нагрузкам у молодежи: от теории к практике / Т. А. Новикова, И. Р. Соколов. — Текст: электронный // Молодой ученый. — 2024. — № 15 (505). — С. 189–192. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 02.11.2026).

Влияние длительной работы за компьютером на опорно-двигательный аппарат студентов и средства профилактики его нарушений

Тимофеева Мария Максимовна, студент
Научный руководитель: Стригельская Ирина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент;
Научный руководитель: Гусарова Марина Дмитриевна, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А. А. Новикова

Современные студенты проводят за компьютером значительную часть учебного и свободного времени: онлайн-лекции, выполнение лабораторных и курсовых работ, подготовка отчётов, общение в социальных сетях. Длительное сидение в одной позе становится привычным, а двигательная активность при этом снижается. В статье рассматривается влияние продолжительной работы за компьютером на опорно-двигательный аппарат студентов и средства физической культуры, которые помогают уменьшить это влияние. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований обобщены данные о распространённости болей в шее, спине и кистях рук, а также нарушений осанки у студентов. Показано, что главными причинами этих проблем являются статическая поза, неправильно организованное рабочее место и недостаток движения в течение дня. Предложен комплекс профилактических мер: настройка рабочего места, регулярные физкультурные паузы, упражнения для укрепления мышц спины и пресса, растяжка и самостоятельные занятия физической культурой. Материалы статьи могут быть полезны студентам и преподавателям физической культуры.

Ключевые слова: *гиподинамия, опорно-двигательный аппарат, осанка, профилактика, работа за компьютером, студенты, физкультурная пауза.*

The impact of prolonged computer work on the musculoskeletal system of students and means of preventing its disorders

Timofeeva Mariya Maksimovna, student
Scientific advisor: Strigelskaya Irina Yuryevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor;
Scientific advisor: Gusarova Marina Dmitriyevna, senior lecturer
St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov

Modern students spend a large part of their study and free time at the computer: online lectures, laboratory and term papers, reports and social networks. Long sitting in one position becomes a habit, while physical activity decreases. The article examines the impact of prolonged computer work on the musculoskeletal system of students and the means of physical culture that help to reduce this impact. Based on the analysis of Russian and foreign studies, data on the prevalence of neck, back and wrist pain and posture disorders among students are summarized. It is shown that the main causes of these problems are a static posture, a poorly organized workplace and a lack of movement during the day. A set of preventive measures is proposed: workplace adjustment, regular exercise breaks, exercises to strengthen the back and abdominal muscles, stretching and independent physical exercise. The materials of the article can be useful for students and physical education teachers.

Keywords: *computer work, exercise break, musculoskeletal system, physical inactivity, posture, prevention, students.*

Введение

За последние годы компьютер стал главным рабочим инструментом студента. Лекции и задания всё чаще размещаются в электронной образовательной среде, курсовые и лабораторные работы выполняются в специальных программах, а в свободное время многие смотрят видео и играют. В результате студент может сидеть перед экраном по 6–8 часов в день и больше, почти не вставая.

Опорно-двигательный аппарат, то есть кости, суставы, связки и мышцы, лучше всего работает тогда, когда нагрузка на него меняется, а долгое неподвижное сидение этому противоречит. Сначала это проявляется усталостью и скованностью, затем появляются боли в шее и пояснице, сутулость, а со временем и более серьёзные нарушения. Поэтому вопрос профилактики нарушений опорно-двигательного аппарата у студентов остаётся актуальным, а физическая культура рассматривается как одно из самых доступных средств его решения.

Цель исследования: проанализировать влияние длительной работы за компьютером на опорно-двигательный аппарат студентов и обосновать доступные средства физической культуры для профилактики его нарушений.

Методы исследования: анализ научно-методической литературы; обобщение и сравнение данных опубликованных исследований о состоянии опорно-двигательного аппарата студентов; систематизация рекомендаций по организации рабочего места и двигательного режима. В работе использованы статьи отечественных и зарубежных авторов, в которых обследовались студенты вузов и кол-

леджей, а также рекомендации Всемирной организации здравоохранения по физической активности.

Результаты исследования и их обсуждение

Чтобы понять, почему работа за компьютером так влияет на тело, достаточно посмотреть на типичную позу студента. Голова наклонена вперёд к экрану, плечи опущены и сведены, спина округлена, а при работе с ноутбуком взгляд направлен вниз. В таком положении мышцам шеи и надплечий приходится всё время удерживать голову, и к концу дня они устают и становятся болезненными. Мышцы спины и пресса, наоборот, почти не участвуют в работе и постепенно слабеют. Так возникает мышечный дисбаланс: укороченные мышцы груди тянут плечи вперёд, а слабые мышцы спины не могут им противостоять, и формируется сутулость.

Поясничный отдел позвоночника при долгом сидении испытывает постоянную нагрузку, особенно без опоры на спинку стула, а межпозвонковые диски в неподвижном положении хуже питаются. Кисти и предплечья выполняют тысячи однообразных движений мышью и клавиатурой, и при неудобном положении рук это может приводить к онемению пальцев и болям в запястье. Все эти изменения развиваются медленно и поначалу почти не беспокоят, поэтому их легко пропустить.

Данные исследований подтверждают, что проблема действительно широко распространена. Л. С. Эверт и соавторы опросили 186 студентов в возрасте 16–20 лет и разделили их на группы по времени работы за компьютером. У тех, кто проводит за компьютером 5 часов в день и больше, значительно чаще встречались частые боли в шее и плечах, боли в спине, онемение рук и боли в мышцах ног [6]. Г. И. Наумова и соавторы показали, что у студентов специальности «Прикладная информатика» время за компьютером растёт от курса к курсу: на третьем курсе более 60 % из них работают за ним больше 8 часов в сутки. Именно у этих студентов, в отличие от их сверстников с гуманитарной специальности, чаще отмечались боли в спине, болезненность кистей и затекание мышц [2].

В зарубежном годичном наблюдении за 684 студентами университета у 46 % за год впервые появилась боль в шее, а у трети из них она стала повторяться постоянно. Одним из факторов, связанных с появлением боли, было расположение монитора не на уровне глаз, а с её сохранением — слишком высоко расположенная клавиатура [9]. Основные результаты рассмотренных исследований приведены в таблице 1.

Таблица 1. **Состояние опорно-двигательного аппарата студентов по данным исследований**

Авторы, год	Кого обследовали	Основные результаты
Эверт Л. С. и др., 2015 [6]	186 студентов 16–20 лет	При нагрузке 5 и более часов в день частые боли в шее и плечах — у 22,4 %; периодические боли в позвоночнике — у 22,7–28,6 % опрошенных
Наумова Г. И. и др., 2020 [2]	84 студента 1 и 3 курсов	Нарушения осанки выявлены у 84 % поступивших студентов; боли в позвоночнике — у 32,8 %, онемение кисти — у 11,5 %
Тарасова О. А. и др. [4]	106 студентов	Нарушения осанки у 60 %; специальные упражнения для мышц спины выполняют только 12 %; 82 % не знают таких упражнений
Kanchanomai S. et al., 2011 [9]	684 студента университета	За год боль в шее появилась у 46 %, у трети из них она стала постоянной
Dockrell S. et al., 2015 [8]	Студенты университета	Боль в шее, усиливающуюся при работе за компьютером, отмечали 28,9 %, в пояснице — 25,9 %

Чаще всего у студентов страдают шея, поясница и кисти рук. При этом сами студенты редко уделяют этому внимание. По данным О. А. Тарасовой и соавторов, 60 % студентов с нарушениями осанки не придают им значения, так как пока они не мешают жить [4]. По данным Д. А. Кожана, регулярно занимаются физическими упражнениями вне учебных занятий лишь 30–35 % студентов [1]. Поэтому профилактика должна быть комплексной и включать несколько направлений.

1. Правильная организация рабочего места. Верхний край монитора желательно располагать примерно на уровне глаз, на расстоянии около вытянутой руки. Стул должен иметь спинку, на которую опирается поясница, стопы стоят на полу, а колени согнуты примерно под прямым углом. Предплечья лучше положить на стол, плечи при этом расслаблены, а клавиатура находится не выше уровня локтей. При работе с ноутбуком полезно поставить его на подставку и подключить отдельные клавиатуру и мышь, иначе голова всё время будет наклонена вниз. Общие гигиенические требования к работе с компьютерной техникой закреплены в санитарных нормах [3].

2. Перерывы и физкультурные паузы. Всемирная организация здравоохранения рекомендует всем возрастным группам сокращать время, проведённое сидя, и заменять его любой физической активностью, даже лёгкой [7]. На практике удобно каждые 40–60 минут работы вставать и делать небольшую физкультурную паузу на 3–5 минут. Пример такого комплекса, который можно выполнить прямо у рабочего места, приведён в таблице 2.

Таблица 2. **Комплекс упражнений физкультурной паузы при работе за компьютером**

Упражнение	Дозировка	Назначение
Медленные наклоны головы вперёд и в стороны, повороты головы	по 4–6 раз в каждую сторону	Снимает напряжение мышц шеи
«Подбородок назад»: сидя прямо, отвести подбородок назад, не опуская голову	6–8 раз, задержка 3–5 с	Возвращает голову в правильное положение
Круговые движения плечами назад, сведение лопаток	8–10 раз	Включает мышцы между лопатками, помогает против сутулости
Сцепить руки за спиной и раскрыть грудную клетку	2–3 раза по 15–20 с	Растягивает мышцы груди
Сжимание и разжимание кулаков, вращения кистями, растяжка запястий	по 10 раз, растяжка 15 с	Снимает напряжение кистей, предупреждает онемение пальцев
Подъёмы на носки или неглубокие приседания у стола	10–15 раз	Улучшает кровообращение в ногах

3. Укрепление мышечного корсета. Физкультурные паузы снимают усталость, но не делают мышцы сильнее. Для этого нужны регулярные занятия 2–3 раза в неделю по 20–30 минут. В них стоит включать упражнения для мышц спины и пресса: планку, «лодочку» лёжа на животе, ягодичный мостик, упражнение «кошка» на четвереньках, отжимания, тягу резинового эспандера к груди. Заканчивать занятие полезно растяжкой мышц груди и бедра, которые укорачиваются при долгом сидении. По данным И. Г. Харчевой и соавторов, занятия лечебной физической культурой 3 раза в неделю в течение семестра уменьшали боли в спине и улучшали осанку [5]. Если у студента уже есть выраженный сколиоз или боли, комплекс нужно подбирать вместе с врачом.

4. Общая двигательная активность. Взрослым людям Всемирная организация здравоохранения рекомендует 150–300 минут умеренной или 75–150 минут интенсивной аэробной нагрузки в неделю, а также силовые упражнения не реже двух раз в неделю [7]. Особенно полезно для позвоночника плавание.

5. Использование учебных занятий по физической культуре. Занятия в вузе — удобная возможность научить студентов упражнениям для осанки. По данным О. А. Тарасовой и соавторов, большинству студентов было бы удобнее выполнять такие упражнения именно на занятиях по физической культуре [4]. Поэтому в каждое занятие полезно включать небольшой блок упражнений для мышц спины, шеи и плечевого пояса.

Выводы

По данным рассмотренных исследований, боли в шее, спине и кистях рук, а также нарушения осанки встречаются у значительной части студентов, причём чаще у тех, кто проводит за экраном больше 5 часов в день. Главные причины — статическая поза, неудобное рабочее место и недостаток движения.

Отказаться от компьютера невозможно, но уменьшить его вред вполне реально. Для этого достаточно правильно настроить рабочее место, каждые 40–60 минут делать короткую физкультурную паузу, 2–3 раза в неделю выполнять упражнения для мышц спины и пресса и не забывать об общей физической активности. Особая роль принадлежит занятиям по физической культуре в вузе. Систематическое выполнение перечисленных мер поможет сохранить здоровье опорно-двигательного аппарата не только во время учёбы, но и в дальнейшей профессиональной деятельности.

Литература:

1. Кожан, Д. А. Физическая культура как средство профилактики и коррекции заболеваний костно-мышечной системы у студентов вузов / Д. А. Кожан; науч. рук. А. В. Конобейская. — Текст: электронный // Издательский дом «Среда»: [сайт]. — URL: https://phsreda.com/e-articles/10829/Action10829–153146.pdf (дата обращения: 07.11.2026).
2. Наумова, Г. И. Влияние инновационной образовательной среды на здоровье обучающихся / Г. И. Наумова, И. И. Ефременко, Е. А. Кунцевич. — Текст: электронный // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. — 2020. — № 1 (106). — С. 139–145. — URL: https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/21451/1/139–145.pdf (дата обращения: 07.11.2026).
3. СанПиН 1.2.3685–21. Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания: утверждены постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 января 2021 г. № 2. — Текст: электронный.
4. Тарасова, О. А. Оценка встречаемости нарушений осанки у студентов г. Барнаула как фактора формирования здоровья взрослого населения / О. А. Тарасова, М. Б. Ушакова, В. П. Шипунов. — Текст: электронный // Научные журналы АлтГПУ: [сайт]. — С. 130–132. — URL: https://journals-altspu.ru/pedagogical-education/article/view/1736/1614 (дата обращения: 07.11.2026).

5. Харчева, И. Г. Лечебная физическая культура как метод профилактики и коррекции нарушений осанки у студентов медицинских вузов / И. Г. Харчева, В. А. Азарова, В. А. Казначеев. — Текст: электронный // Издательский дом «Среда»: [сайт]. — URL: https://phsreda.com/e-articles/10740/Action10740–149605.pdf (дата обращения: 07.11.2026).
6. Эверт, Л. С. Социально-гигиенические и клинико-функциональные аспекты компьютерных нагрузок у студентов / Л. С. Эверт, Т. В. Потупчик, С. А. Бахшиева [и др.]. — Текст: электронный // Российский медицинский журнал. — 2015. — Т. 21, № 4. — С. 4–8. — URL: https://medjrf.com/0869–2106/article/download/38234/25520 (дата обращения: 07.11.2026).
7. Bull, F. C. World Health Organization 2020 guidelines on physical activity and sedentary behaviour / F. C. Bull, S. S. Al-Ansari, S. Biddle [et al.] // British Journal of Sports Medicine. — 2020. — Vol. 54, № 24. — P. 1451–1462. — DOI 10.1136/bjsports-2020–102955.
8. Dockrell, S. Computer use and musculoskeletal symptoms among undergraduate university students / S. Dockrell, K. Bennett, E. Culleton-Quinn // Computers & Education. — 2015. — Vol. 85. — P. 102–109. — DOI 10.1016/j.compedu.2015.02.001.
9. Kanchanomai, S. Risk factors for the onset and persistence of neck pain in undergraduate students: 1-year prospective cohort study / S. Kanchanomai, P. Janwantanakul, P. Pensri, W. Jiamjarasrangsi // BMC Public Health. — 2011. — Vol. 11. — Art. 566. — DOI 10.1186/1471–2458–11–566.

Гиподинамия у студентов направления «Информационные системы и технологии» и способы её компенсации

Ушаков Александр Анатольевич, студент
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Зенина Милена Александровна, студент
Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается проблема гиподинамии у студентов ИТ-направлений как частного случая общего риска малоподвижного образа жизни. Сопоставляются данные зарубежных и российских исследований о среднем времени сидения у студентов, порогах риска по ВОЗ и доказательных метаанализах, а также анализируются четыре способа компенсации дефицита движения. Формулируются рекомендации по минимальному объёму нагрузки и направления дальнейшего исследования.

Ключевые слова: *гиподинамия, малоподвижный образ жизни, физическая активность, студенты, ВОЗ, риск сердечно-сосудистых заболеваний, самостоятельные занятия, информационные технологии.*

Введение

Студенты направлений, связанных с информационными технологиями, проводят значительную часть учебного и профессионального времени в сидячем положении: лабораторные работы, курсовые проекты по компьютерным сетям и подготовка к экзаменам требуют многочасовой работы за компьютером. Это создаёт риск развития гиподинамии — состояния, при котором организм не получает достаточной двигательной активности.

По данным Всемирной организации здравоохранения, недостаточная физическая активность является одним из ведущих факторов риска неинфекционных заболеваний наряду с табакокурением и повышенным артериальным давлением [3]. Актуальность темы для ИТ-направлений усиливается тем, что будущая работа выпускников также связана с длительным сидением.

Цель работы — сопоставить опубликованные данные о распространённости и последствиях гиподинамии у студентов и определить способы её компенсации, реализуемые в условиях студенческого режима дня.

Материалы и метод исследования

Работа носит обзорно-сравнительный характер. Использованы: глобальные рекомендации ВОЗ по физической активности и седентарному поведению, русскоязычные и англоязычные публикации по гиподинамии студентов, а также обзорный материал по последствиям гиподинамии для физиологии. Собственные измерения не проводились; выводы строятся на систематизации опубликованных данных.

Сравнение строится по трём осям: фактическое время сидения у студентов, пороги риска по данным метаанализов и рекомендуемые объёмы компенсирующей нагрузки.

Результаты сравнительного анализа

Гиподинамия не является самостоятельным заболеванием, но сопровождается рядом последствий для организма: снижением тонуса мышц и венозного оттока, ухудшением газообмена, снижением чувствительности

к инсулину, ростом риска ишемической болезни сердца и гипертонии [5].

По данным систематического обзора и метаанализа наблюдательных исследований, студенты в среднем сидят от 7,3 часа в день по данным самооценки и до 9,8 часа в день по данным акселерометрии, причём за последние 10 лет это время увеличилось [1]. В отдельном поперечном обследовании университетских студентов среднее время сидения в течение учебного дня достигает 12,4 часа, при этом 55 % студентов не сделали ни одного перерыва даже на полуторачасовом занятии [2].

Отдельно обстоит дело с порогами риска. Метаанализ 2022 года показал, что суммарное время сидения более 10–11 часов в день связано с ростом риска сердечно-сосудистых заболеваний и смерти от них, а экранное время более 5–6 часов в день даёт сопоставимый риск уже при меньшей суммарной продолжительности сидения [4]. Участники с максимальным временем сидения (медиана 10,5 часа в день) имели на 24 % более высокий риск сердечно-сосудистых заболеваний и на 29 % более высокий риск смерти от них по сравнению с наименее сидячими участниками (медиана около 3 часов в день) [4].

Рекомендуемый объём компенсирующей нагрузки зафиксирован в рекомендациях ВОЗ: взрослым 18–64 лет следует заниматься аэробной активностью средней интенсивности не менее 150–300 минут в неделю либо высокой интенсивности не менее 75–150 минут в неделю, а также выполнять силовые упражнения на основные группы мышц не менее двух раз в неделю [3]. Отдельно указано, что замена времени сидения активностью любой, включая лёгкую, интенсивности приносит пользу здоровью [3].

Таблица 1. **Сопоставление показателей гиподинамии и рекомендуемой нагрузки**

Показатель	Данные / требование	Источник
Среднее время сидения студентов (самооценка)	7,3 ч/день	[1]
Среднее время сидения студентов (акселерометрия)	9,8 ч/день	[1]
Среднее время сидения в учебный день (отдельное обследование)	12,4 ч/день; 55 % без перерывов на занятиях	[2]
Порог риска сердечно-сосудистых заболеваний	более 10–11 ч сидения в день	[4]
Порог риска при экранном времени	более 5–6 ч экранного времени в день	[4]
Рекомендованный объём аэробной нагрузки (ВОЗ, 18–64 лет)	150–300 мин/нед средней или 75–150 мин/нед высокой интенсивности	[3]
Силовые упражнения	не менее 2 дней в неделю	[3]
Рост риска ССЗ при максимальном времени сидения (медиана 10,5 ч/день против 2,75 ч/день)	заболеваемость +24 %, смертность +29 %	[4]

Источник: составлено по [1–4].

На основании сопоставления этих трёх уровней можно сформулировать следующее. Среднее время сидения студентов ИТ-направлений, судя по имеющимся данным, находится в диапазоне, который совпадает или превышает порог 10–11 часов в день, связанный с ростом риска сердечно-сосудистых заболеваний. При этом рекомендованный ВОЗ объём нагрузки — 150–300 минут в неделю — соответствует примерно 21–43 минутам в день и достижим в студенческом режиме.

Обсуждение результатов

Сопоставление способов компенсации показывает, что ни один из них не является универсальным. Регулярные перерывы и лёгкая активность полезны при длительном сидении, но их изолированное применение не обеспечивает рекомендованного объёма нагрузок. Организованные занятия в вузе покрывают часть потребности, но обычно не достигают 150 минут в неделю. Самостоятельные тренировки позволяют гибко управлять объёмом, но требуют самодисциплины. Приложения и фитнес-гаджеты помогают отслеживать прогресс, но не заменяют саму нагрузку.

Наиболее устойчивый вариант — комбинация: минимальный объём, соответствующий рекомендациям ВОЗ, распределяется между ежедневной ходьбой, двумя силовыми занятиями в неделю и встроенными микроперерывами в течение учебного дня.

Полученные рекомендации носят общий характер и не заменяют индивидуальную консультацию при наличии заболеваний опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы или диабета. В таких случаях объём и характер нагрузки следует определять с врачом.

Ограничения и направления дальнейшего исследования

Исследование ограничено обзорным характером: количественные данные взяты из опубликованных исследований с различным дизайном (опросы, акселерометрия, метаанализы), поэтому сопоставление между ними носит ориентировочный характер. Выборка ИТ-направлений отдельно не исследовалась.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является измерение фактического времени сидения

и объёма физической активности студентов конкретного ИТ-направления с последующим сопоставлением с порогами риска и рекомендациями ВОЗ.

Заключение

Сравнительный анализ показал, что гиподинамия студентов ИТ-направлений — не самостоятельная проблема, а частный случай общего риска малоподвижного образа жизни. Опубликованные данные указывают, что среднее время сидения студентов находится в диапазоне, совпадающем или превышающем пороги риска сердечно-сосудистых заболеваний, а рекомендованный ВОЗ объём нагрузки достижим в студенческом режиме без существенных организационных усилий.

Практический вывод: приоритетом является не выбор одного способа компенсации, а комбинированная стратегия, включающая минимум 150 минут аэробной активности в неделю, два силовых занятия и регулярные микроперерывы в течение учебного дня.

Литература:

1. Castro O., Bennie J., Vergeer I., Bosselut G., Biddle S. J. H. How Sedentary Are University Students? A Systematic Review and Meta-Analysis // Prevention Science. — 2020. — Vol. 21, № 3. — P. 332–343. — URL: https://doi.org/10.1007/s11121–020–01093–8 (дата обращения: 09.11.2026).
2. Möckel J., Wallmann-Sperlich B., Rupp R., Bucksch J. Sedentary behavior among university students and its socio-ecological correlates during the academic day: a cross-sectional study // Frontiers in Public Health. — 2026. — Vol. 14. — Art. 1754818. — URL: https://doi.org/10.3389/fpubh.2026.1754818 (дата обращения: 09.11.2026).
3. Рекомендации ВОЗ по вопросам физической активности и сидячего образа жизни // Всемирная организация здравоохранения: [сайт]. — URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/337001/9789240014909-rus.pdf (дата обращения: 09.11.2026).
4. Wu J., Yang L., Ye J., Ran L., Xu Y., Zhou N. Sedentary time and its association with risk of cardiovascular diseases in adults: an updated systematic review and meta-analysis of observational studies // BMC Public Health. — 2022. — Vol. 22. — Art. 286. — URL: https://doi.org/10.1186/s12889–022–12728–6 (дата обращения: 09.11.2026).
5. Тимофеева А. А., Веденина О. А. Гиподинамия как проблема современных студентов // Физическая культура, спорт и здоровье студенческой молодежи в современных условиях: проблемы и перспективы развития: материалы Региональной студенческой научно-практической конференции, 7 апреля 2021 г., г. Екатеринбург. — Екатеринбург: РГППУ, 2021. — С. 226–230. — URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/38176/1/vpz_2021_057.pdf (дата обращения: 09.11.2026).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

От повседневной пищи к культурному наследию: эгома в локальной памяти Тояма[2]

Никитина Лидия Владимировна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

На материале главы об эгома из книги «Историческая карта питания Японии» рассматривается связь пищевых навыков, семейных воспоминаний и репрезентации горной местности Тояма. Показано, что наследием становится не только продукт, но и способы его приготовления и социальные отношения, в которых передаётся знание. Различаются память жителей, авторское описание «забытого вкуса» и институциональное представление о пищевом наследии.

Ключевые слова: *Япония, Тояма, эгома, пищевая культура, локальная память, культурное наследие.*

Пища как источник знания о прошлом

В главе об эгома авторы книги «Историческая карта питания Японии» отправляются в Минамисинано, в местности Тояма на юге Нагано, чтобы найти «забытый вкус» [1, с. 47]. Такое начало уже задаёт способ восприятия материала: растение получает значение свидетельства исчезающей жизни. Однако для собеседников авторов оно остаётся частью домашнего хозяйства. Несовпадение этих взглядов позволяет поставить вопрос о том, как привычная пища приобретает статус культурного наследия и кому принадлежит право определять её ценность.

Основной источник исследования — страницы 47–54 японского издания 2002 года, рассматриваемые по русскому переводу с обращением к оригиналу. Это очерк с беседами, описаниями приготовления и историческими отступлениями, а не систематическая этнография сообщества. Даты отдельных встреч не обозначены; сообщаемое состояние хозяйства относится ко времени авторского посещения. Высказывания нескольких жителей не могут представлять всю местную память, но позволяют исследовать, какие связи между пищей и прошлым становятся предметом рассказа.

Эгома, масличное растение, родственное сисо, используется здесь прежде всего в виде растёртых семян. Из них с солью и сахаром готовят пасту для гохэй-моти [1, с. 49–50]. Локальная принадлежность возникает в способах обращения с продуктом: в выборе густоты пасты, степени обжаривания, повода для совместной еды. Поэтому сохранение растения и сохранение пищевой практики следует различать. Семена могут оставаться доступными, тогда как навыки их обработки утрачиваются; возможна и обратная ситуация, когда о блюде хорошо помнят, но готовят его редко.

Навык и семейная память

Итиё Хосода, которой на момент беседы восемьдесят пять лет, определяет готовность семян по трём хлопкам при обжаривании [1, с. 48]. Эта краткая рекомендация предполагает опыт, который трудно передать перечнем ингредиентов. Нужно услышать нужный звук, соотнести его с нагревом и вовремя прекратить жарку. Письменная фиксация сохраняет формулу, но не воспроизводит условия, в которых её учатся применять.

Такой эпизод допускает прочтение через понятие телесной памяти П. Коннертона. Учёный рассматривает освоенные действия как способ удержания прошлого, не требующий каждый раз сознательно представлять его в образах или словах [2]. Применительно к приготовлению эгома это означает, что преемственность обнаруживается в способности повторить действие. История семьи присутствует в работе рук и внимании к огню ещё до того, как становится рассказом о традиции.

Сама Хосода связывает умение с наблюдением за матерью у очага ирори. В её воспоминании соединены вечернее время, материнская работа и вкус лепёшек. Еда получает биографическую определённость: ценится не любая паста из эгома, а вкус, связанный с конкретными отношениями [1, с. 49]. Подход Д. Саттона, исследующего взаимосвязь пищи, чувственного опыта и памяти, помогает рассматривать подобное воспоминание в его социальной

[2] Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова «Теория и практика преподавания иностранных языков», номер ЦИТИС 122041400073–2 и «История и культура стран Востока; межцивилизационные контакты» номер ЦИТИС 122041300084–9

среде [3]. Приготовление делает прошлое доступным через повторение знакомого опыта, хотя само повторение неизбежно происходит в иных обстоятельствах.

В очерке описана и другая общность — товарищи по работе, собиравшиеся у очага, когда дождь мешал выходить в горы. Гохэй-моти включены здесь в ритм труда и вынужденного отдыха [1, с. 50]. Очаг объединяет приготовление, общение и передачу навыка. При этом утверждать исключительно женский характер всей традиции оснований нет: женщины показаны за обработкой семян, мужчина рассказывает о выращивании и совместной еде. Источник фиксирует распределение занятий в отдельных встречах, а не неизменную норму деревенской жизни.

Повседневность эгома также не следует переносить на все блюда с её участием. В материалах Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии гохэй-моти в Кисо и Ина описываются как прежнее угощение праздничных дней, приёма гостей и торжеств; подчёркивается ценность риса [4]. Между этим описанием и воспоминанием о дождливом дне нет обязательного противоречия. Различаются места, периоды и обстоятельства. Для анализа важнее увидеть, как один продукт участвует в разных режимах питания, чем закрепить за ним единственное значение.

Горная местность между хозяйством и образом прошлого

Вступительное описание Тояма построено на ощущении удалённости: один хребет скрывается за другим, а выход к равнине кажется далеким. Уцелевший очаг и пожилые собеседники усиливают впечатление встречи с прежним укладом [1, с. 48]. Пространственное путешествие тем самым приобретает временной смысл. Читателю предлагается увидеть в горной деревне прошлое, которое в других местах уже исчезло.

Между тем хозяйственные подробности сопротивляются образу неподвижного убежища традиции. Косита объясняет сокращение посевов отсутствием спроса; выращивание продолжается главным образом для собственного потребления. На поле держат собак, защищающих растения от животных. Сбор, сушка и обмолот требуют труда, а выход семян невелик [1, с. 49–50]. Сохранение эгома обусловлено конкретными решениями домохозяйства. Его нельзя объяснить одной лишь удалённостью или неизменной приверженностью предкам.

Историческое отступление авторов ещё заметнее осложняет картину изоляции. В нём эгома связана с получением масла, налогообложением и торговыми объединениями; последующее распространение рапса меняет географию её выращивания [1, с. 53–54]. В пределах настоящего исследования эти сведения принимаются как содержание исторической интерпретации авторов, без самостоятельного подтверждения каждого её положения. Для чтения очерка существенно, что местный продукт оказывается участником обмена и хозяйственных преобразований. Его позднейшая редкость не свидетельствует о первоначальной замкнутости.

Обращение к происхождению эгома в период Дзёмон также требует осторожности. Даже если древность использования растения подтверждается, она сама по себе не доказывает непрерывность конкретного рецепта, семейного навыка или местного значения. В тексте древнее происхождение и воспоминания живущих людей сближены повествовательно. Аналитически это разные временные масштабы: история культуры растения и память о приготовлении пищи не совпадают.

Превращение повседневного знания в наследие начинается уже в момент публикации. Авторы выбирают отдельные сцены, сопровождают их фотографиями и помещают в исторический рассказ. Умение, имевшее практический смысл внутри дома, становится свидетельством, адресованным внешнему читателю. Такой отбор делает местный опыт видимым, но меняет его положение: домашнее действие теперь должно ещё и представлять ценность территории. Определение «забытый вкус» поэтому характеризует прежде всего дистанцию между посетителем и местными носителями знания. Для человека, продолжающего готовить эгома, вкус может вовсе не быть забытым.

Локальный опыт и язык культурного наследия

Для интерпретации очерка полезно сопоставление с более поздним признанием васёку, но без обратного переноса современных категорий на его героев. В 2013 году ЮНЕСКО включила традиционную пищевую культуру японцев, особенно связанную с празднованием Нового года, в Репрезентативный список нематериального культурного наследия. В описании речь идёт о знаниях, навыках и социальных практиках производства, приготовления и потребления пищи, передаваемых, в частности, в семье [5]. С этой точки зрения приготовление эгома можно изучать как практику преемственности. Однако само включение васёку не является отдельным признанием эгома Тояма.

Национальный масштаб наследия создаёт и исследовательскую трудность. В. Канг показывает, что представление о васёку для номинации формировалось в ходе экспертной работы, а не просто переносилось в международный список как заранее данная и однозначная традиция [6]. Применительно к Тояма это побуждает различать семейный вкус, региональную кухню и национальное описание. Разнообразие домашних способов приготовления нельзя считать лишь неполными вариантами единого образца.

Другой способ сделать местную пищу публичной — документирование рецептов. Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии сообщает о публикации с 2019 финансового года базы региональных блюд, объединяющей сведения об их происхождении и приготовлении [7]. Подобный архив облегчает доступ к знаниям. Но описание трёх хлопков при жарке показывает предел такого сохранения: запись полезна как опора об-

учения, а её наличие ещё не означает, что существует человек, умеющий распознать нужный момент.

Различие между сохранённым описанием и воспроизводимой практикой особенно существенно для продукта, спрос на который, по свидетельству очерка, сократился. Культурная ценность не устраняет затрат на выращивание и приготовление. Поэтому разговор о преемственности должен учитывать возможность продолжать работу: наличие семян, времени, условий обработки и желающих учиться. Иначе образ деревни как хранительницы прошлого возлагает на жителей символическую обязанность, не объясняя, за счёт чего она может исполняться.

Материал, собранный в Тояма, позволяет определить переход к наследию как изменение отношений вокруг продукта. В домашней среде эгома связывает навык с биографией; в очерке она становится свидетельством регионального прошлого; в языке охраны культуры подобные практики получают значение передаваемого знания. Эти способы существования могут сосуществовать. Название «наследие» не завершает историю обыденной пищи и не гарантирует её продолжения. Сохранность традиции обнаруживается там, где рассказ о прежнем вкусе сопровождается возможностью снова его приготовить и передать умение другому человеку.

Литература:

1. Yoshikawa S., Ohori Y. Nihon shoku no rekishi chizu [Историческая карта питания Японии]. — Tokyo: Nihon Hoso Shuppan Kyokai, 2002. — C. 47–54. — (Seikatsujin shinsho; 016).— URL: https://www.maruzenjunkudo.co.jp/products/9784140880166 (дата обращения: 12.11.2026).
2. Connerton P. Bodily practices // How Societies Remember. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 72–104. — DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511628061.004 (дата обращения: 12.11.2026).
3. Sutton D. E. Remembrance of Repasts: An Anthropology of Food and Memory. — Oxford; New York: Berg, 2001. — 228 p. — URL: https://www.bloomsbury.com/uk/remembrance-of-repasts-9781859734698/ (дата обращения: 12.11.2026).
4. Гохэй-моти. Префектура Нагано // Ути-но кёдо рёри: база региональных блюд / Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии. — На яп.яз.URL:https://www.maff.go.jp/j/keikaku/syokubunka/k_ryouri/search_menu/menu/gohei_mochi_nagano.html (дата обращения: 12.11.2026).
5. UNESCO. Washoku, traditional dietary cultures of the Japanese, notably for the celebration of New Year. — 2013. — Nomination file No. 00869. — URL: https://ich.unesco.org/en/RL/washoku-traditional-dietary-cultures-of-the-japanese-notably-for-the-celebration-of-the-new-year-00869 (дата обращения: 12.11.2026).
6. Cang V. Japan's Washoku as Intangible Heritage: The Role of National Food Traditions in UNESCO's Cultural Heritage Scheme // International Journal of Cultural Property. — 2018. — Vol. 25, no. 4. — P. 491–513. — DOI: https://doi.org/10.1017/S0940739118000267 (дата обращения: 12.11.2026).
7. Укрепление связей потребителей с пищей и сельским хозяйством // Белая книга по продовольствию, сельскому хозяйству и сельским районам за 2020 финансовый год / Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии. — 2021. — Гл. 2, разд. 5. — На яп. яз. — URL: https://www.maff.go.jp/j/wpaper/w_maff/r2/r2_h/trend/part1/chap2/c2_5_00.html (дата обращения: 12.11.2026).

11

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 25.11.2026. Дата выхода в свет: 02.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.